

ТАМАРА ШАРКОВА

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Тамара Шаркова

Из века в век

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70697719

SelfPub; 2024

Аннотация

Повесть в рассказах. Лауреат национального конкурса детской литературы Заветная мечта. Премия 2005/2006 За лучшее произведение о современной жизни детей и подростков, об их отношениях с миром взрослых. История взросления Юры Мещерского накануне нового тысячелетия, рассказанная им самим. У него интересная жизнь в кругу родных и друзей отца, сложные отношения с одноклассниками и учителями в школе. Юре нелегко отстаивать свое право на личное мнение и принимать ответственность за собственные поступки. "Два излома времени сложились в твоей судьбе, как пик Анапурны, - сказал Юре его любимый учитель. – Переходный возраст и миллениум. Кто-то шагнет в двадцать первый век, как через порог переступит, а кто-то на себе все двадцать тащить будет с осмыслением своего собственного, да еще и общечеловеческого нравственного опыта. Копаться в себе будет мучительно, пугаться своего несовершенства, et cetera. Только поверь мне, это не худший из вариантов...не худший".

Содержание

Стакан воды	5
История с географией	20
Боты	28
Свинка	35
В "городе Киеве"...	42
"Бунт на корабле"	74
Когда уходят...	88
"У рыбаков"	103
Ожидание короля	157
Без переводчика	180
Просто один день	216
Маленькая смуглая леди в ожидании сонетов...	241
Мадемуазель Дана	262
Время раздумий	276
Цепная реакция	311
"Деды" пришли ...	331
Не бойся мяча	347
На поводке	351
Навстречу лазоревому туману	361
"Казан новый"	364
Ласточки играют	367
Барашки	369
Живые ягоды	371

В мухоловке

373

Из века в век...

377

Тамара Шаркова

Из века в век

Стакан воды

В этот день я возвратился из музыкалки чуть раньше, чем обычно. Дверь в ванной была приоткрыта, и оттуда доносился шум воды. Совершенно уверенный в том, что там отец, я заглянул и... Какая-то женщина, поставив ступню на край ванны, вытирала мокрые чулки МОИМ полотенцем!

Ошарашенный увиденным, я на цыпочках полетел к себе в Логово и беззвучно прикрыл за собой дверь.

Вообще-то у отца часто бывают гости. А когда он болеет, то прокладывается просто муравьиная тропа какая-то из посетителей: студенты с зачетками, сотрудники с документами.

И женщин среди них много. Чай с нами пьют или кофе, даже посуду моют. Но чтобы ноги!!

Раздумывая над этим, я просидел в комнате тихо, как мышь, до того времени, пока дама не ушла. Тогда вылез, удивив отца своим неожиданным появлением.

– Как ты пришел, что я не услышал? Случилось что-нибудь?

Я обиделся, но вида не показал. Отец – это не Стоян. Ему не скажешь:

«По-твоему, я должен устраивать пятибалльное землетрясение, чтобы меня заметили?!»

Но про себя подумал именно так, хотя и несправедливо. От злости за такую его знакомую.

Вечером, выключив свет, я протолкнул пакет с оскверненным полотенцем в форточку. Подобную операцию я уже проводил, так что опыт был, хотя и не совсем удачный.

Я тогда в первый класс поступил, а отец приехал из Германии и привез мне классную такую модель «Вольво» и клетчатую рубашку... с цыпленком на кармане. Предполагалось, что я буду ходить в ней в школу.

Одного взгляда на этого цыпленка под зонтиком было достаточно, чтобы я понял – это конец! Потому как только отец вышел из комнаты, я быстро открыл окно и швырнул скомканную рубашку вниз. Каков же был мой ужас, когда через некоторое время я посмотрел через стекло и увидел, что рубашка полощется на ветру, зацепившись за ветку. Чтобы скрыть это зрелище от посторонних глаз, я притащил из гостиной здоровенный столетник. Но потом сообразил, что отец поливает цветы сам, и отнес его обратно. Следующим прикрытием стал календарь из туалета со страшными африканскими масками, наводившими на меня священный ужас. Стоял специально повесил этот календарь напротив унитаза, чтобы я не делал из туалета убежище во время принудительных занятий музыкой.

Вскоре рубашку сбило дождем, и календарь вернулся на

место.

Отец вспомнил о ней только через месяц, а, не найдя в шкафу, "утешил" меня, обещая привезти точно такую же. Потому весь учебный год я с ужасом ждал его из каждой командировки. Обошлось.

Следующая неделя прошла вроде бы обыкновенно.

В понедельник Борька поссорился с дылдами из восьмого, а фингал под глазом они поставили мне. Чтобы не было синяка, я по методу доктора Дагмарова приложил к глазу тертую морковь. Но у нее, оказывается, было особое предназначение для супа, и отец все углы обшарил в ее поисках. Я усердно помогал.

Во вторник я в третий раз за месяц прищемил палец дверью.

Вместо того чтобы посочувствовать, Стоян орал, что незачем ломать двери собственными костями. И если у меня много лишних пальцев, их можно просто отрезать и выбрасывать.

В среду из-за пропуска хора меня не допустили до занятий по специальности. Записку отцу я сразу же уничтожил в общественном туалете и со спокойной совестью активно провел академический час на свежем воздухе.

В четверг я нечаянно сунул разорванную тетрадь с двойкой по словарному диктанту мимо мусорного ведра. Отец так же нечаянно ее нашел. Было много шума... Не из-за

двойки. И я еще раз убедился, что лень до добра не доводит. Ведь что стоило лишний раз вытряхнуть ведро в мусоропровод.

В пятницу я осознал, что одержим навязчивой мыслью: придет или нет та самая "дама из ванной" в гости к отцу еще раз.

Не расставаясь с этой мыслью, я отправился в тот же вечер покупать Бобу на день рождения книгу "Кемпо" о восточных единоборствах. Деньги у отца на подарок я, конечно, забыл взять и потому настрелял полтинников у всего класса.

В магазине было темновато. Мне пришлось подойти к ярко светящейся витрине, чтобы рассортировать свою мелочь.

Пристроившись за силуэтом упитанного Карлсона, парившего над чердаками Стокгольма с каким-то бестселлером в четырехпалой руке, я принялся за работу. И вдруг, подняв голову, увидел отца. Он стоял на тротуаре в полуметре от меня, как всегда с непокрытой головой, и густые светлые волосы его были запорошены снегом. Отец смотрел куда-то влево. Потом опустил голову и поднял руку с цветами, стараясь укрыть их от метели полами куртки.

Сколько мы простояли так в полуметре друг от друга, я не знаю. Но я чувствовал, что в эти минуты расстояние между нами куда больше, чем от нашего города до Шведской столицы.

Потом я увидел, как весь он подался вперед к подъехавшей машине и помог выбраться из нее... совсем не той жен-

щине, что мыла ноги в нашей ванной.

Какое-то время они стояли у края тротуара. Она уткнулась лицом в цветы, а он что-то говорил ей, поддерживая под локоть и смеясь.

Затем они прошли вдоль витрины, которая казалась мне рамкой киноленты, беззвучно шевеля губами. Не хватало последнего кадра с надписью

"The End".

И тут у меня начался приступ "морской болезни", которой я мучился в раннем детстве при всяких нелепых страхах.

В последний раз это случилось лет пять назад. Всех увезли из санатория на автобусе, а за мной должен был приехать Стоян на машине. Я его до вечера ждал, целый день простоял у ворот, глядя на дорогу. А потом меня "укачало", да так, что, проснувшись утром, я никак не мог сообразить, как очутился на своей кровати и почему рядом ничком на ковре спит Стоян. В белой рубашке. И галстук у него на спину брошен.

В магазине в это время вокруг меня засуетились какие-то продавщицы в халатах. Кто-то сунул в руки пакет, кто-то усадил на стул и принес воду в пластиковой бутылке. Но как я ни старался дышать глубже, рвота не прекращалась.

Потом меня засовывали в Неотложку и надоедливо спрашивали, "как сообщить родителям", а я втолковывал им, что это не отравление и со мной такое бывает.

По дороге мне что-то укололи и в больницу привезли без

рвоты, но бесчувственного, как полено. Впрочем, когда две дюжие тетки вознамерились все-таки втолкнуть в меня кишку для промывания желудка, я ожил, сел на пол, прижав голову к поднятым коленям, и заявил, что встану только тогда, когда сообщат обо мне доктору Стояну Борисовичу Дагмарову по рабочему телефону, и назвал номер.

– Отец твой? – спросила одна из теток, обессилено рухнув на клеенчатую кушетку.

– Да, – ответил я, с ужасом ощущая себя святотатцем.

Стоян примчался ко мне через полчаса. Он опустился передо мной на корточки, схватил за плечи и, заглядывая в глаза, сказал:

– Я уже здесь, малыш, и все будет хорошо.

И тут я разревелся как сосунок, потому что, сколько я себя помнил, Стоян никогда не был со мной сентиментальным. И это послужило той каплей, которая переполнила чашу моей жалости к себе.

Поскольку на доктора Дагмарова мои слезы возымели совершенно обратный, отрезвляющий эффект, здоровое равновесие в наших отношениях быстро восстановилось.

– Прямо фонтан какой-то, – недовольно сказал он, выталкивая меня из приемного покоя, – еще немного и придется вкатить тебе пол литра физраствора в ...мягкое место.

Стоян много еще произносил... монологов.

Отец пришел довольно рано. Они со Стояном ненадолго уединились в кабинете, а потом позвали меня ужинать.

Есть я не мог, но ужасно хотелось пить, а чайник, как на- зло, все не закипал.

– Что с тобой случилось? – спросил, наконец, отец и по- ложил мне руку на плечо.

Я не ответил и отодвинулся. Еле-еле.

– Его из книжного привезли, а что уж там произошло...

И тут я почувствовал, что сердце мое просто остано- вилось, потому что сейчас случится что-то непоправимое.

– Где он был? – переспросил отец, как мне показалось, чужим голосом.

Стоян вскинул на него глаза.

Отец схватил меня за плечо и развернул к себе.

– Ты меня видел?

Я не ответил.

– Я спрашиваю, ты видел нас?

У меня перехватило дыхание. Я рта не мог открыть, даже если бы захотел.

Вместо меня в разговор включился Стоян:

– Кого "нас"?

– Меня и Рэну, – бросил ему отец, продолжая крепко дер- жать меня

за руку. – Дай ему воды.

Стоян налил в стакан воды и протянул было его мне, но вдруг замер, держа стакан на весу.

– Увидел тебя и Рэну? Ты думаешь, его из-за этого выво- рачивало? Он что, приревновал тебя? Тоже – граф Альма-

вива! Знал бы – не спешил! Пусть бы этого щенка до моего приезда с двух сторон промыли.

Чтобы дурь поскорее вышла.

И Стоян демонстративно вылил воду из стакана в раковину.

Теперь сердце мое застучало как сумасшедшее. Я рванулся из рук отца и, опрокинув стул, выбежал из кухни.

У себя в Логове я быстро закрыл дверь на стул и залез под кровать – мое привычное убежище с детских лет. И все-таки я успел услышать, как в ответ на негодующее восклицание отца, Стоян резко сказал:

–...именно потому я не позволю ему изобретать трагедии!

Что перед этим говорил отец, я не разобрал.

Пока я лежал, уткнувшись носом в голенища старых сапог, кто-то несколько раз подходил к двери, дергал за ручку и уходил, не сказав ни слова.

А я все лежал и безумно жалел себя. Я ненавидел эту тетку-провокаторшу из ванной, я ненавидел свою отвратительную слабость, но больше всего я ненавидел Стояна, пожалевшего для меня стакан воды и назвавшего меня щенком.

Разве я вмешивался в их жизнь и что-то в ней менял?

Наоборот, я хотел... хотел, чтобы в ней ничего не менялось...

Тут я споткнулся об эту мысль, как будто с разбега налетел на стену.

И хотя то, что сказал Стоян, было отвратительно неспра-

ведливым, он... был прав. Я решительно не хотел делить отца с кем бы то ни было. И сейчас, лежа в своем убежище, ничуть в этом не раскаивался. Я просто злился, что Стоян додумался до этого раньше меня.

Но пить очень хотелось.

Я вылез и осмотрелся.

На столе стояла банка с водой, чуть покрашенной акварелью. Некоторое время я глядел на нее с сомнением, а потом решительным жестом поднес к губам. Глоток этой отвратительной жидкости дался мне с трудом, но я утешал себя мыслями о том, что, если я отравлюсь, это будет целиком на совести доктора Дагмарова.

Потом я подумал, что будет со мной, если от этого глотка я потеряю сознание, а дверь не смогут открыть... И тихонько вытащил стул.

Лежа теперь уже на кровати, я продолжал злиться на Стояна. Ведь если бы не он, отец... Я как-то не мог додумать до конца эту мысль. Ну, в общем, мне хотелось какого-то особого утешительного разговора, чтобы он обнял меня, как в детстве, и всякое такое... Но теперь, похоже, от этого придется отказаться до конца жизни. И все из-за того, кого я считал лучшим другом, нет – братом! Хотя (тут я задумался) отец вряд ли смог бы родить Стояна в десять лет.

Я так устал от всех этих мыслей и событий, что на минуту закрыл глаза и тотчас же отключился.

Когда я проснулся, в доме было темно и тихо. На мне был

плед, который обычно валялся у Стояна на диване.

По-прежнему очень хотелось пить.

Стараясь не наткнуться на мебель, я направился в кухню, ошупью открыл кран и прильнул к струе.

Возвращаясь к себе, я вдруг подумал, что никогда не видел отца спящим. Вот про Стояна я знаю, что после дежурства он просто бросается ничком на диван и засыпает, а в остальные дни спит на спине, закинув руки за голову. А папа всегда встает раньше меня, а ложится позже.

Поскольку завтра (нет, сегодня!) была суббота, я разделся, лег и не стал заводить будильник.

Но заснуть во второй раз за ночь мне никак не удавалось. Я все крутился и крутился на постели, терзаемый обидой на Стояна.

Зачем он сказал так... про ревность и щенка?

Сам же прекрасно знает, после чего у меня началась "морская болезнь".

Мне трех лет не было, когда мы в аварию попали: мама, папа и я. Мама и шофер сразу погибли, а мы с отцом сидели на заднем сиденье и уцелели. Отец руку в двух местах поломал, которой меня закрывал, и голову разбил. А я совсем не пострадал.

В больнице меня от папы никак не могли отцепить. А потом врач дал мне какое-то лекарство с водой, я уснул, и меня от отца оторвали.

Когда я проснулся, то всех здорово напугал, потому что у

меня, по словам Стояна, началась "неукротимая рвота". Прекратилась она только тогда, когда меня к папе принесли. Я в него опять вцепился, и снова меня чем-то поили, чтобы оторвать.

Так несколько раз повторялось, пока палатный врач не велел поставить для меня раскладушку рядом с папиной кроватью.

Домой мы возвращались втроем: отец с забинтованной головой и рукой в гипсе и доктор Дагмаров со мной на руках. С тех пор он так и живет на два дома: то у нас, то у себя в коммуналке.

Когда Стоян собирается исчезнуть надолго, то всегда говорит:

– Пошел по девочкам!

Раньше я не понимал, что это значит, а теперь, кажется, начинаю
соображать.

Маму я совсем не помню, и это отца очень расстраивает. К тому же у меня от нее только цвет глаз и ресницы, кстати, такие же, как у Стояна. Когда я иду рядом с отцом и доктором Дагмаровым, все говорят: «Это надо же, наполовину отец – наполовину дядя.»

Прямо как в сказке про слона Хортона, который высидел из яйца птичку с хоботом.

Заснул я уже под утро, а когда встал, нашел на кухонном

столе стакан молока, бутерброды и записку отца: "Приду к пяти часам. Будь дома. Целую – папа". Рядом почерком Стояна была приписка: "Если меня будут искать, пусть звонят: ..." – и какой-то номер телефона.

"Вот папа написал "целую", – думал я, перечитывая записку, – и как будто никакого вчерашнего происшествия и не было вовсе. А Стоян никаких таких слов для меня не нашел".

На меня опять накатила обида на него. Я так распалился, представляя, как нужно было бы ответить ему вчера, что, когда действительно кто-то позвонил и спросил о нем, я неожиданно для себя ответил:

– Доктор Дагмаров здесь не живет.

Опомнившись, я ужаснулся своей выходке и долго торчал возле телефона, надеясь, что перезвонят. Может, именно потому, когда раздался звонок и я услышал голос самого Стояна, я не придумал ничего лучшего, как бросить трубку на рычаги. А потом, когда телефон зазвонил опять, я убежал к себе в комнату и сунул голову под подушку.

Отец пришел чуть раньше пяти, потрепал меня по волосам доброй рукой и пошел к себе в кабинет. Не успел я дойти до кухни, чтобы поставить чайник на огонь, как раздался звонок в дверь. Один.

Я открыл.

Стоян стоял набычившись. В куртке с поднятым воротником и вязаной шапке, натянутой до бровей, он имел про-

сто-таки уголовный вид. Позвякивая связкой ключей в левой руке, он дал мне понять, что звонил специально, чтобы сразу встретиться со мной лицом к лицу.

– Ну, то, что ты бросил трубку, когда позвонил я – это просто наглая

выходка, которую я могу понять.

А вот из-за того, что меня не нашли вовремя, мог погибнуть человек. И это тебе даром не пройдет.

Тут Стоян влепил мне такую оплеуху, что я пролетел через весь коридор и шмякнулся на пол у ног онемевшего от изумления отца.

– Стоян! Ты же ему челюсть ломаешь! – наконец сказал он сдавленным голосом.

– Сам – сломаю, сам – вылечу! – рявкнул в ответ доктор Дагмаров, забрасывая мокрую шапку на полку.

Рывком поставив меня на ноги, отец немного помолчал, стиснув зубы так, что желваки заходили на скулах, а потом решительно заявил:

– Вот что. Я не потерплю в доме таких отношений. Идите и сейчас же объяснитесь – раз и навсегда!

Тут он круто развернулся и ушел в кабинет, резко закрыв за собой дверь.

Я стоял, прислонившись к стене и приложив руку к пылающей щеке. Нервно передергивая плечами, Стоян сбросил

куртку, вылез из сапог и, схватив меня за плечо, потащил в гостиную. Там он плюхнулся на диван, отпустив меня, и я, едва удержавшись на ногах, чуть не сел мимо кресла.

Несколько минут Стоян раскачивался на диване, то наклоняясь вперед, то откидываясь на спинку. Я в это время сидел, застыв, как соляной столб, и зажав ладони коленями.

Наконец Стояна прорвало:

– Не ждал я от тебя такой подлости. Думал, что-то для тебя значу.

Я весь был истерзан раскаянием и муками совести, но то, что я сказал в результате этой сложной душевной работы, сразило не только доктора Дагмарова, но и меня самого.

Я сказал:

– А ты, а ты... Я тоже никогда не думал, что ты на старости лет не

подашь мне даже стакана воды!

После этой тирады мы вперились друг в друга глазами.

Я – уже смутно сознавая, что сказал что-то не то, Стоян – в полнейшем недоумении.

Пауза затягивалась.

– Чьей старости? – почему-то шепотом спросил он.

– Не знаю, – ответил я тоже беззвучно, как бы ища разгадки этих

слов у самого Стояна.

И тут он захохотал. Он смеялся так заразительно, с таким наслаждением, что я не выдержал и ...фыркнул.

На фоне освещенной стеклянной двери кабинета показался силуэт отца. Он постоял немного, сбитый с толку нашим дружным и неуместным смехом. Но, полагая, очевидно, что для окончательного выяснения отношений прошло слишком мало времени, решил не вмешиваться и скрылся в глубине комнаты.

Наконец, досмеявшись до слез и полного изнеможения, Стоян встал и сказал мне:

– Ладно, пойду принесу тебе стакан воды. А то умрешь от старости и не узнаешь, какой я добрый.

Все!

История с географией

– Что там у тебя с географией? – требовательно спросил отец, раздраженно глядя на меня с высоты своего двухметрового роста.

– Принеси дневник.

Я в это время пристраивался на ковре у ног Стояна. Пришлось встать и плестись к себе в комнату, показывая всем своим видом, что подобное действие совершенно лишено здравого смысла.

Дознание велось в кабинете. Дневник просматривался страница за страницей с начала четверти, как редкий архивный документ. Наконец отец оторвался от его листов, на которых жирными красными вопросительными знаками обозначались пропуски записей домашних заданий. В предчувствии неприятных выводов я скосил глаза в сторону открытых дверей и увидел беспечного доктора Дагмарова, который в ожидании хоккейного матча разыгрывал немислимые комбинации на кнопках телевизионного пульта.

– Это можно как-нибудь разумно объяснить? – спросил отец с интонацией, близкой скорее к изумлению, чем гневу.

Я мысленно представил, как среди весьма приличных отметок с назойливым постоянством повторяются двойки по географии, которые сопровождает странный иероглиф учительской подписи, из-за которого нашу училку зовут Аш-

хлор.

Двойки были числителем, а знаменателем – записи внизу страниц. Географичка писала ручкой с зеленым стержнем, паста размазывалась, и мне казалось, что Соляная Кислота оставляет на бумаге пятна своей ядовитой крови.

– "Рисовал безобразные рожи в учебнике", – читал вслух отец. – "Отвлекал учеников глупыми вопросами". "Забрался на стол и прыгал на нем в позе лягушки?!!" " Менялся обувью с соседкой по парте..."

Тут отец остановился и спросил меня с неподдельным изумлением:

– Ты что, надевал женские туфли?!!

Вопрос его был так неожиданно наивен, что я не удержался, всхлипнул от душившего меня смеха и сразу же пожалел об этом. Теперь я точно знаю, что значит выражение "его глаза метали молнии".

– Да у нее не туфли были, а кроссовки. Они ей жали. Но мои тоже не подошли.

Мне показалось, что у отца вырвался вздох облегчения.

"Ясно, – подумал я.– Испугался за мою сексуальную ориентацию".

К счастью, из-за этой дурацкой записи все окончилось почти благополучно. Успокоенный отец продолжил уже почти благодушно:

– Так за что же такая нелюбовь к географии?

– Из-за Соляной Кислоты! Я еще летом весь учебник про-

читал, а она меня не спрашивает и отметки ставит за поведение.

– Все! Прекрати! Что еще за Соляная Кислота! Чтобы я не видел подобных записей! Не хватало еще, чтобы мне на работу звонили по поводу каких-то там туфель или этого как там...

Отец перевернул страницу.

– "Смотрел на девочек в трубочку из бумаги"! Скучно ему! Географ великий! Прочитал учебник за седьмой класс и все на свете узнал. Я понимаю, если бы ты тайну Розетского камня разгадал, а тебя заставили обычный алфавит осваивать. Уверен, ты даже пролив Лаперуза на карте не найдешь.

Я изобразил на лице возмущение скромного, незаслуженно обиженного отличника, втайне надеясь, что папа не заставит меня искать этот самый пролив. В общем, дело окончилось отлучением меня от телевизора до тех пор, пока из дневника не исчезнут двойки и обвинительные записи.

Два дня я терпеливо ждал помощи Стояна. На третий стал волноваться, а на четвертый мне забрезжил лучик надежды. И все потому, что по ящику начали транслировать хоккейный чемпионат. В такие дни доктор Дагмаров после дежурства мчится к нам и проводит вечер на уже навечно закрепленном за ним диване перед теликом.

Но ему неуютно "болеть" в одиночестве. Отец демонстративно заявляет, что лично он свое "отболел" еще в семидесятых. Он из поколения Третьяка и считает, что хоккеем выро-

дился. Вместо коллективной игры превратился в холуйскую суету вокруг звезд. Огибая вечером телевизор с чашечкой кофе в руке, он всегда ворчит, глядя на нашу "сладкую парочку": " Опять весь вечер на арене Агра-Амонти".

Стояну не только хочется иметь рядом с собой единомышленника, с которым одно удовольствие синхронно орать и топтать ногами. Ему еще необходимо при этом кого-то трясти и тормозить. На эту роль идеально подошел бы какой-нибудь покладистый ньюфаундленд, московская сторожевая или, на худой конец, престарелый эрдель. Однако, за неимением домашнего животного доктор Дагмаров снисходит до меня.

Итак, на четвертый день "по суду пана Мещерского" (это выражение Стояна) в дверях моей комнаты появился долгожданный хоккейный фанат и, взявшись за косяк, застыл в позе архитектурного Атланта.

– Послушай, двоечник, эта твоя географичка... ну, в общем, сколько ей лет?

Я воззрился на Стояна с изумлением. Откровенно говоря, никогда не думал, что у такого существа, как Аш-хлор, может быть возраст.

– Старая она или молодая? – торопил меня доктор Дагмаров.

– Не знаю... Но не молодая. Это точно.

– Ясно. А кто для тебя молодой?

Глубоко задумавшись, я запустил пятерню в волосы надо лбом, что осуждалось отцом, ибо, по его словам, превращало

меня в подобие австралийского аборигена.

– Студентки твои из училища. Раечка с третьего этажа...

– Понятно. Значит, не очень молодая – это как я, а старая – как Роман.

Я пожал плечами и тактично потупил глаза.

– Кроме того, что двоечник, еще и нахал невоспитанный.

Так она как я или как отец?

– Как ты, наверное.

– Ладно. Как зовут?

– Наталья Семеновна Слоним.

– В школе каждый день?

– Не знаю. В седьмом "Б" у нее по пятницам шестой урок.

Пятница была завтра, и я надеялся, что Стоян попытается сразу же схватить быка за рога, точнее – географичку за горло. Так и случилось.

После шестого урока мы с Борькой задержались в классе. Его брат из второго "А" притащил нам одну из развивающих игр, которые раздают мальчикам на переменах, чтобы они не мотались по коридорам у всех под ногами.

Мы ломали над ней голову весь последний урок, но так и не смогли сложить фигуры в нужном порядке. Очень не хотелось позориться, но пришлось. Плюнув с досады на собственный рюкзак, Боб возвратил коробку со злополучной игрой нагло улыбающемуся шербатову Илюшке. Тут я и заметил, что девчонки, только что собравшиеся разбежаться по домам, опять влетели в класс, перешептываясь и хихикая.

Столпившись у дверей, эти гусыни стали высовывать шеи в коридор с таким видом, как будто там разыгрывал свои мистерии Дэвид Копперфилд.

Пока я запикивал в рюкзак все, что валялась на и под столом, Борька растолкал девиц и сам выглянул в коридор.

Вернулся он с ошарашенным видом, сделал страшные глаза и шепнул мне на ухо: "Юлик, там твой дядька!"

Теперь мне стало ясно, отчего безумствуют наши девчонки.

Стоян – это покруче их любимого Ди-Каприо. Стоян – это мачо в косухе ста восьмидесяти пяти сантиметров роста, с раздвоенным подбородком и пылающим взглядом черных глаз. Полное его имя – Стоян Борисович Дагмаров. Отец говорит, что в Болгарии все мужчины красавцы, но Раечка с третьего этажа считает, что и среди них Стойко – первый.

Вечером, отбарабанив свое задание по музыке и наскоро выучив уроки, я слонялся по квартире, не зная, чем себя занять в ожидании "названного дядьки". Он пришел почти одновременно с отцом и вел себя как настоящий иезуит. За ужином пикировался с отцом и даже не смотрел в мою сторону.

Тогда я пошел в свою комнату, улегся на медвежью шкуру возле кровати и затаился, как питон в ожидании добычи. Наконец папа удалился к себе в кабинет, и Стоян явился ко мне для переговоров.

– Послушай, старик, я все уладил, но... придется выпол-

нить некоторые условия. Гм... И тебе, и... мне.

Я сел на шкуре, как шаман в чуме, и вопросительно уставился на Стояна.

– Ну, мне пришлось пообещать твоей Наталье Скорпионовне, что раз в неделю ты будешь делать на уроке короткие сообщения.

– Что-о?! – я просто взвился с пола.

Стоян вытянул руки с выставленными перед собой ладонями и плюхнулся в кресло.

– погоди. Я не все сказал. Во-первых, сообщения короткие, минут на пять. Во-вторых, ты выбираешь тему сам. В-третьих, я тебе приволок целый чемодан журналов "Вокруг света".

– Ну а ты, ты? – спросил я, задыхаясь от негодования. – Ты что пообещал для нее сделать?

– Я? Я обещал регулярно приходить в школу и узнавать, как у тебя дела.

Он сделал паузу, поставил локти на колени и уткнулся лицом в ладони. Потом поднял свою коротко стриженную иссиня-черную голову и, наморщив лоб, умоляюще посмотрел на меня.

– Ты думаешь, мне будет легче?

Я безмолвно рухнул у его ног, и мы долго молчали, объединенные общей печалью.

Впрочем, все окончилось не так плохо, как начиналось.

Я с удовольствием перечитал все журнальные подшивки,

сделал пару сообщений, а Соляная Кислота поставила мне за них пятерки. Потом она заболела, а четверть окончилась. В конце концов, после долгих каникул я превратился в обыкновенного ученика. Почитывал на уроках "Молоток", списывал сам и давал списывать другим, но географичка смотрела на это сквозь пальцы.

Что же касается доктора Дагмарова, то, сделав над собой героическое усилие, он еще раз два пришел в школу, переполошив весь наш курятник и оставив романтическую память в сердце Натальи Семеновны, которой оказалось от роду двадцать шесть лет и три месяца.

Зато мы оба вдоволь наорались и настучались ногами, сидя перед ящиком, каждый раз доводя отца до приступа мигрени. Впрочем, отдавая дань его благородству, нужно сказать, что он не навязывал нам своей симпатии к "Детройту" и стойчески ждал окончания чемпионата.

Боты

В ту зиму погоду просто-таки лихорадило. Пару дней держался легкий мороз, падал снег, потом неделю стояла весенняя теплынь с лужами на дорогах и частой капелью с крыш. Так, попеременно одерживая верх друг над другом, мороз и оттепель боролись весь декабрь и январь.

Прошлогодние сапоги мои не то, чтобы стали дырявыми, а как-то поизносились и оттого легко промокали. Тем более что мы с Борькой по пути из школы обычно гнали ногами перед собой все, что напоминало хоккейную шайбу. Ну и, конечно, луж не обходили.

Обнаружив, что я постоянно хожу в мокрой обуви, и не найдя в ней видимых изъянов, отец велел мне вытирать сапоги тряпкой и сушить их недалеко от батареи. Но я постоянно забывал об этом, и к приходу отца сапоги обычно плавали под вешалкой в лужице грязной воды. В зависимости от настроения папа или относил их сушиться, ни слова не говоря, либо вызывал меня в прихожую и указывал на сапоги, как на провинившихся щенков. Ни в том, ни в другом случае они не успевали полностью высохнуть до утра, потому что отец задерживался у себя в институте допоздна.

Наконец отцу это надоело, и он купил специальную сушилку обуви. Это был четырехугольный ящик с гофрированными трубками, похожими на слоновий хобот. Работая,

ящик симпатично ворчал, а из трубок дул теплый ветер.

Почти целую неделю я таскал ворчуну сапоги для суши. А один раз даже попробовал высушить им волосы. Потом это занятие мне надоело, и папа, передохнув, заступил на привычную вахту. Но на этот раз его терпение лопнуло очень быстро. Дня через три он грозным тоном вызвал меня в прихожую. Мои сапоги, зажатые в его железных пальцах, как в тисках, казались жалкими и беспомощными зверьками. В дополнение к этому они беззвучно плакали редкими грязными слезами из растаявшего снега.

– Все! – жестко сказал отец. – Завтра же они отправятся на помойку, а тебе я куплю боты.

После этого он швырнул сапоги на пол и исчез в направлении кабинета.

Я еще немного постоял, глядя на пол, как замороженный, потому что вместо сапог видел двух беззащитных существ, обреченных из-за меня на неминуемую гибель среди картофельной кожуры и бумажных обрывков. Опомившись, я схватил их в охапку и бросился к сушилке.

Весь оставшийся вечер и еще полночи я думал, что же это за обувь такая – БОТЫ! Если не промокает, то значит из резины, но тогда почему бы ни сказать: "Куплю резиновые сапоги".

Боты... Боты... Я перебрал все книги на своих полках, потому что где-то с этим словом встречался. И, как назло, Стойко после дежурства не появился, спросить было не у ко-

го.

Утром я явился в класс злым и не выспавшимся, забыв дома половину учебников, и к тому же без сменки. Сердобольная тетя Клава дала мне какие-то затрапезные тапочки из тех, что валялись в гардеробе не востребованными с прошлых каникул. С Борькой я обсуждать эту проблему не стал: будет тут хрюкать под ухом. Перебрав в уме всех одноклассников, я остановился на Ленке Карташовой. Она всегда в рюкзаке вместе с учебниками таскает какие-то толстенные тома и все читает, читает. Даже на перемене стоит в коридоре, уткнувшись в книгу. Поэтому, наверное, бурный поток классной жизни обтекает ее, как Бразильский карнавал фонарный столб. Но не зря же она столько книжных слов переварила, может, и вспомнит что-нибудь о ботах.

На большой перемене я подошел к Карташовой и очень вежливо спросил, что она читает. Елена захлопнула книгу и со здоровым любопытством посмотрела на обложку.

– Боборыкина.

– Кстати, – совершенно некстати заметил я. – Ты не знаешь, что из себя представляют "боты"?

– Обувь, – безо всякой паузы ответила Карташова.

– Понятно! Но как они выглядят? Тебе же, наверное, по-падалось какое-нибудь их описание.

Елена подняла на меня свои выпуклые близорукие глаза и серьезно ответила:

– Описания не помню. У бабушки моей были не "боты",

а "ботики" – высокие такие галоши на каблучках, а сбоку кнопочки. И еще...

Что у них было "еще", я не узнал, потому что, взявшись за руки, нас окружила неразлучная тройца – Алиса, Зита и Сонечка. Алиска просто закатывалась от смеха.

– Юрик и Леночка обсуждают семейную покупку к 8 Марта! Ботики с кнопочками!

Если бы моя нервная система не была истощена недосыпанием, я бы вывернулся. Сказал бы, например, что подарок готовлю не Карташовой, а самой Алиске. Да только не знаю, где достать коробку для упаковки, разве что чемодан прикуплю. У этой дылды нога размера на три больше моей. Так нет! Вместо этого я покраснел и понес какую-то ахинею о литературных архаизмах! Жуть! Это меня и сгубило.

До конца следующего урока Алиска оглядывалась на меня и вытягивала губы трубочкой, отчего ее длинное лицо приобретало совершенно лошадиный вид. При этом она тарасила глаза и произносила: "Бо-бо-бо..." В конце концов ничего не подозревающий Борька принял это на свой счет и огрел ее географическим атласом, вызвав огонь на себя.

И все же до следующего дня я не был уверен, что это дурацкое "Бо-ботики" не прилипнет ко мне как прозвище. У Алиски уникальная способность приклеивать людям клички. В прошлом году она сказала Витьке Каплану: "Ах ты, дуряка такой!"

Так он с этой "Дурякой" целый месяц проходил. А назови

его таким нелепым словом другой – оно так и осталось бы случайным.

Таким образом, если утром у меня была одна проблема, то к вечеру их стало две.

Придя с работы, отец о сапогах не вспомнил. Но на всякий случай я спрятал их под кровать. Отец ведь железный, если сказал, что купит "боты", то так и сделает. Не ходить же мне в этих самых галошах на каблуках на самом деле!

Мы мирно поужинали, и я совсем уже собирался ложиться спать, когда явился слегка захмелевший доктор Дагмаров. Как он объяснил – "с корпоративной вечеринки". Я сварил ему кофе в джезве. Потом заварил папе его любимый зеленый чай. Себе я налил молока. Я его очень люблю, и потому Стойко называет меня "молоконасосом". Я на такое прозвище не обижаюсь, потому что он произносит его не обидно.

– Стоян, а как тебя звали в школе?

– Даг.

– Всегда?

– Нет.

– А как еще?

– По-разному. Но я не откликался.

– А тебя, па?

– Ну, не знаю... В младших классах по имени, а потом – "Князь".

– Почему?

– Фамилия такая. Князь Трубецкой, "князь Мещерский".

– А "Рич" – это из-за меня?

Я знал, как это случилось, но сейчас мне захотелось услышать обо всем от отца.

– Из-за тебя, поросенка. Когда нам телефон поставили, то в первые дни ты мчался во весь опор и сам снимал трубку. Я не прислушивался, о чем ты там болтаешь. Потом на кафедре то один, то другой вдруг обращаются ко мне "Ричард", "Ричард" ... Ну и извиняются, конечно, а я ничего не пойму. Наконец, рассказал Стояну. Он расхохотался, а потом притащил тебя и говорит:

– Вот автор. Его благодари, ему и кланяйся.

Тут выяснилось, что "Роман Ильич" тебе было не выговорить, ты и отвечал "Рич", Рич". Так и приклеилось. Кстати, тогда же ты окрестил себя Юликом, и до тех пор, пока сам не научился "р" выговаривать только на Юлика и откликался. Так-то, Юрий Романович, а теперь ложись спать.

Слегка расслабленный, Стойко балансировал на задних ножках стула, благодушно улыбаясь.

Я вымыл свой стакан, чмокнул отца в щеку, обнял Стояна за шею и удалился. А когда уже тянулся к выключателю, услышал шаги доктора Дагмарова.

– Вот что, старик, – сказал он, стоя в дверях. – Если не захочешь, она не прилипнет.

– Кто? – торопливо сказал я, сбивая его со следа.

– Кличка. Ведь это все о ней?

Через несколько дней у меня появились крепкие ботинки

на меху с высокой шнуровкой и на толстой подошве. А проботы Алиска забыла.

Все!

Свинка

Борька заболел на третий день после своего дня рождения. Можно сказать, подложил нам свинью перед весенними каникулами, потому что за ним сразу же заболели Гарик, Левка и я.

Я редко болел с высокой температурой и теперь переносил ее тяжело, все время был в каком-то дурмане. Иногда мне казалось, что я весь ужасно распухший и громадный. А когда ко мне подходил отец и Стоян, я их почему-то путал.

В те часы, когда температура поднималась до сорока, у меня перед глазами появлялась деревянная игрушка: медведь и мужик били молотками по наковальне. И так они громко били! Я просил отца унести их, а он вместо этого вытирал меня чем-то противно мокрым.

И тут же его длинные узкие ладони превращались в смуглые крепкие

руки Стояна. Почему-то меня это мучило – путаница с руками.

Когда температура спала, я посмотрел на себя в зеркало и с отвращением увидел бледно-синюшного головастика с оттопыренными ушами.

Нездоровая терпимость Стояна сменилась к тому времени привычной язвительностью. Я стал именоваться "поросюком", "Мумми-свинкой", "милой Хавроньей". Наконец, не

выдержав, я запустил в него подушкой, которая, к сожалению, из-за моей слабости до него не долетела. Стояна поднял ее и принес на вытянутых руках, обращая ко мне с подчеркнутой почтительностью:

– О, свирепый вепрь!

Что же касается отца, то он ухаживал за мной, как за младенцем.

Это вызвало у меня запоздалые муки совести по поводу нелегально

съеденной до болезни коробки неизвестно кем подаренных конфет.

Но, похоже, "свинка" все спит.

На пятый день температура опустилась до тридцати семи с небольшим хвостиком и больше не поднималась. Днем я уснул, а когда проснулся, вся комната была залита теплым весенним солнцем.

По мохнатому ковру на стене бегали наперегонки солнечные зайчики. Меня вдруг охватило пронзительное чувство радости.

За окном тьякала собачка и жалобно скулил потревоженный кем-то

автомобиль. Из кухни доносились приглушенные голоса отца и Стояна. Я вновь закрыл глаза.

Тихо скрипнула дверь, но я продолжал неподвижно лежать лицом

к стене в сладкой полудреме.

– Спит, – прошептал отец. – Послушай, у него очень тяжелая форма?

– Не самая легкая, но летального исхода не ожидается.

– Стойко, прекрати! Но ты уверен, что это... гм... не отразится на нем

как на мальчике?

– Как на мальчике, так и на девочке.

– Я серьезно!

– А чем твой мальчик отличается от девочки?

– Стоян!

– Сливным устройством?

– Выйдем! Еще разбудим его. Вечно ты со своими медицинскими шуточками.

Они вышли. Я тот час же открыл глаза и перевернулся на спину.

Что значит "как на мальчике"? И почему Стоян ответил этой глупостью ... про девочку?

Мне уже было не радостно и не спокойно. И все из-за доктора Дагмарова.

Тут он появился в комнате собственной персоной со стаканом

клюквенного морса на блюде.

– Проснулись? Ну, так извольте откусать, – с ернической интонацией произнес он и поставил стакан на стул у кровати.

Я мрачно взглянул на него и молча отвернулся.

– Ну-ну! С чего бы депрессуха в столь нежном возрасте?

Я промолчал.

– Ладно, Наф-наф! Я ухожу на дежурство. Приду послезавтра.

Не вставай, даже если температура будет нормальной. И пей только

то, что даст отец. Никакого молока из холодильника.

Он похлопал рукой по одеялу в том месте, где предполагались мои

дистрофичные колени и вышел.

Весь следующий день я выдумывал предлог, под каким мог бы

легально взять у отца нужный том энциклопедии, потому что он весь

день был дома. Мало того, его сотрудники решили провести у нас

в квартире выездное заседание кафедры. Так что мне не то, что в кабинет незаметно пройти, мне в туалет было не выбраться.

Заботливый папа принес мне из кухни маленький телик. Но я был такой дохлый, что не выдержал даже половины "Джанго" и заснул.

На следующий день отец вынужден был пойти в институт на

Ученый Совет, который, к моей радости, никак нельзя было пропустить. Как только он ушел, я сразу же сделал вылазку в кабинет и вытащил том "Рубежное- – сферолиты".

Быстро пролистал его до "свиньи" с таблицей каких-то свиноматов, но понял, что это не то и стал возвращаться назад. Стоп! Вот! "Свинка (заушница, эпидемический паротит)... так..от пяти до пятнадцати, заражение..., "лицо заболевшего принимает характерный вид". Да уж! Дальше, дальше... "Из осложнений наблюдается ...воспаление половых желез". Хотел бы я знать, где они у меня.

Нужен том на "П".

Тут в гостиной послышались шаги, и я понял, что, зачитавшись, не услышал, как пришел Стоян. И все же я успел поставить энциклопедию на место, радуясь, что сделал это вовремя.

Обнаружив меня в комнате отца, Стоян сделал жест: "марш к себе в комнату".

– Тебе своих книг мало? С чего такая любовь к научной литературе?

И тут острый взгляд доктора Дагмарова заметил злополучный том на букву "П", поставленный мной вверх ногами.

– Нездоровый интерес к своему здоровью? – фыркнул он.

Я не дал себя спровоцировать на какой-нибудь непродуманный

ответ, молча удалился в Логово и забрался под одеяло. Но отделаться

от недочитанной фразы в энциклопедии было нелегко. Хотя думать

о воспалении этих самых желез было противно.

А вдруг со мной это уже случилось? Недаром же папа волновался?

Вдруг я вырасту каким-то не таким!

Температура к вечеру не поднялась. Стоян объявил, что нечего меня

обслуживать, как в ресторане в отдельном кабинете, и велел идти

ужинать "на кухню в общепит".

Я сидел скучный и вялый. Мне казалось, что я уже не такой как

раньше. Хотя в чем я не такой, мне было не совсем ясно.

Отец несколько раз участливо спрашивал меня, не кружится ли у меня голова и еще что-то там такое. Зато Стоян невозмутимо и с большим аппетитом ел свои любимые спагетти.

Неужели я ему так безразличен?!

Доктор называется!

Наконец, тягостный ужин окончился, и я отправился в постель,

терпеливо пережив процесс "укутывания околушных желез"

вонючей мокрой марлей и ватой. Как прокаженный, которому прижигали прыщик на носу.

Пожелав мне спокойной ночи, отец ушел, а я остался в темноте

один на один со своим осложнением. И вдруг кто-то во-

шел и сел

на кровать у меня в ногах. И этот кто-то сказал голосом
Стояна:

– Страдания мартовского кота? Утешься. Трансвеститом
не станешь!

У меня прямо дыхание перехватило от негодования.

–Ты, ты...

Я приподнялся, вытянул руки и попытался столкнуть его
с кровати.

Стоян, смеясь, отшатнулся и вдруг совершенно неожида
нно наклонился, опершись руками на подушку, и потерялся
колючей щекой о

мою щеку.

Все!

В "городе Киеве"...

Каждое лето начиналось с того, что я с нетерпением ждал, когда студенты отца сдадут свои экзамены, а сам отец закончит, наконец, писать отчеты Грандам. Я никогда не спрашивал отца, кто они такие. Само собой – важные персоны в Испании. Впрочем, однажды, когда меня спросили по телефону, чем занят отец, я оговорился и безмятежно ответил:

– Пишет отчет Дожам!

– Кому-кому? – осторожно переспросили на другом конце провода.

– Ой, не Дожам, а Грандам в Испанию, – поправился я.

Вечером отец проводил ликбез на тему, что такое "гранты", кто и от кого их получает. Все это происходило под истерический смех Стояна:

– Дожам! До-жам! Профессор, Павлик Морозов уличил Вас в запрещенной переписке.

Ну, в общем, когда, по словам Стояна, отец решался ненадолго оставить "свой курятник" без присмотра, мы втроем отправлялись к дяде Мите в Город на Днестре. Вернее в дяди Митину квартиру, потому что чаще всего папин двоюродный брат Митя с женой Вероникой и моей любимой сестрой Маргошей на это время уезжали к родственникам в Ригу. Оставшуюся часть Митинога отпуска мы проводили на различных широтах и в разном составе.

Традиция совместной поездки в Город была нарушена только один раз – в прошлом году. За четыре дня до предполагаемого отъезда Стоян внезапно объявил, что... едет с коллегами в Карелию на байдарках. И, похоже, даже билеты по брони не успеет для нас получить.

При этом известии отец молча медленно осел в кресло у телевизора, скрестив вытянутые ноги и упершись подбородком в грудь.

Пауза затягивалась.

Стоян постоял-постоял рядом и плюхнулся на свой диван.

– Понимаете, они достали мне эту ... “Щуку”...надувную байдарку, всего 8 кг веса и гидродинамические показатели э-э-э лучше, чем у “Тайваня”.

Стоян замолчал, чувствуя, что сказал что-то не то.

– Я хотел сказать – у “Тайменя”...

Голос его пресекся.

Отец деликатно кашлянул. Ведь даже мне было совершенно ясно, что представления Стояна о байдарках приблизительно такое же, как в свое время было у меня о “грантах”.

Следующие четыре дня мы ходили вроде бы как обычно. Отец, правда, за бронью не пошел и купил билеты в порядке общей очереди.

Стоян приходил два раза, но на ночь не оставался. Один раз играл с отцом в шахматы и ужасно неумно острил. Отец выслушивал все его нелепые шутки с терпением и состраданием врача у постели больного.

Я радовался жизни без школы и музыкалки и целыми днями болтался с ребятами во дворе.

Если же мне удавалось встретиться со Стояном на безопасном расстоянии от отца, я демонстративно дулся и всеми доступными средствами показывал доктору Дагмарову, что он обманщик и перебежчик.

За два дня до отъезда Стояна внезапно осенило, что если мы уедем, без полива погибнут его любимые горькие перчики, которые он выращивал на кухонном подоконнике с самого Нового года.

Китайская роза обещала пережить невзгоды в корыте с водой, что ей было не впервой. Но любимые перцы! И Стоян решил тайно подсадить их на клумбу, которую с маниакальным постоянством разбивал и поливал наш дворник, татарин Хаким. И с таким же маниакальным постоянством вместо цветов к осени там вырастал один бурьян.

Поздно вечером мы направились во двор. Стоян тащил ведро с водой и пакет с горшками. Я волочился за ним с китайским фонариком и детским железным совком для песочницы. При таинственном свете фонарика Стоян отыскал среди зарослей крапивы подходящее место для трех ямок.

Мы влили в них воду и посадили три хилых растеньица, на одном из которых уже завязался крошечный зеленый перчик.

Это было похоже на сцену из старого фильма “Белые одежды”, где какие-то передовые генетики в лице артистов

Болтнева и Гаркалина прятали в сорняках свои ценные сорта картофеля. Я потому этот фильм запомнил, что отец ни одной его серии не пропустил. А потом нашел для Стояна книгу, которая как-то странно называлась. Я только одно слово запомнил – “сессия”, потому что постоянно слышал его от отца. А дальше были просто отдельные буквы. И они долго ее обсуждали. Я слушал-слушал и стал выращивать из хомяка Дейла маленькую собачку: сделал ему ошейник и косточки давал.

Стоян это заметил, дал мне хорошего щелбана по затылку и сказал:

– Лысенко какой нашелся! Еще увижу – самого на поводок посажу.

Когда до отхода поезда оставалось несколько часов, отец закрылся в кабинете, чтобы очередной раз напомнить своим сотрудникам, что к его приезду они должны, а чего не должны делать.

Стоян отправился в кухню готовить сэндвичи и складывать их в нашу походную бутербродницу: жест доброй воли и скрытого раскаяния.

Проходя мимо кухни, я заглянул в дверь и сделал одну из своих коронных “морд”, которая выражала жалость, доходящую до скорби, с элементами презрения. Стоян только зубами скрипнул, но не сказал ни слова. Это и ввело меня в заблуждение. Потому, когда на пороге своей комнаты я почувствовал у себя на загривке его тяжелую руку, спастись было

почти невозможно.

И все-таки я успел вывернуться. Убирая свое логово перед отъездом, я развернул стол так, что он отгородил угол комнаты, куда я и успел пролезть. Здесь я был в относительной безопасности. Попробуй Стоян пролезть под столом, меня бы уже и след простыл.

– Ладно, малолетний мерзавец, платить по счету будешь по возвращении. Вылезай! Заключим перемирие, только перестань корчить эти жуткие рожи. Я тебя предупреждал – можешь остаться с такой мордой на всю жизнь. Я понятно говорю?

– Хау! – бодро ответил я. – Но только я не вылезу отсюда, пока ты не выйдешь!

Стоян перегнулся и попытался ухватить меня за рубашку. В ответ я сцепил руки замком и отбил атаку.

В эту минуту в дверях появился отец.

Тебе нечего делать, Юра? – спросил отец со сталью в голосе.

Стоян оттолкнулся от стола и вышел из комнаты, не сказав ни слова.

– Я повторяю! Тебе нечем себя занять?

Я молчал.

– Тогда садись за рояль и пять раз проиграй этюд на октавы. Живо!

Итак, Стоян был отомщен, и я отправился выкручивать свои суставы, уж не знаю на радость или на горе старику Бех-

штейну.

Я вяло отыграл два раза “этюд № 4, Черни т. IV”, обнаружил, что до меня уже никому нет дела, и выскользнул из-за рояля.

Поскольку в этот раз билеты брал отец, у нас оказалось два верхних места. Я сразу же представил, каким удобством для остальных пассажиров будет почти двухметровый отец, читающий научный трактат на приставном стульчике в коридоре! И все потому, что сидеть на чужой полке была для отца недопустимым, спать в поезде – невозможным, а лежать – неудобным.

Почти у нашего подъезда Стоян тормознул какую-то ВАЗовскую развалюху, и мы доехали до вокзала достаточно быстро и без приключений. Отец остался на перроне объясняться с молоденькой проводницей, а Стоян поднял меня вместе с сумкой и поставил на площадку, минуя все ступени. Потом вскочил сам. Мы быстро нашли свое купе и я грустью убедился, что нашими соседями будут... дамы.

Одна – пожилая, похожая на забуревшую картофелину, с толстыми линзами на выпуклых глазах. Другая – хилый картофельный проросток цвета солонина. Места для наших вещей под их полками, конечно же, не нашлось.

– Так! – сказал Стоян. – Забрасываем сумку в нишу над входом:

– По крайней мере, не будете зависеть от того, когда проснутся эти ку-у... купейные соседки, – добавил он шепотом.

том.

Пристроив мой рюкзак к сумке, мы вышли в коридор. Отец, не любивший духоту стоящих вагонов, ждал нас на платформе.

– Послушай, бандит, следи за отцом в оба. Не давай профессору проводить сухую голодовку. Бери у проводника чай и приноси. Раза два-три. Все ясно? Ну, а сам продолжай наши с тобой славные традиции: отсыпайся и отъедайся за двоих.

Тут мимо нас стали проталкиваться какие-то пассажиры с огромными ящиками и тюками, и я волей-неволей “пал на грудь” Стояна.

На груди доктора Дагмарова я неожиданно обнаружил, что срочно нуждаюсь в носовом платке. Стояну пришлось вытереть мой шмыгающий нос собственноручно, поскольку в коридоре было тесно от пассажиров и отстраниться от него я не мог, даже если бы хотел.

– Ну, что, кривляка, съел? О мордах я тебя предупреждал! Еще немного и останешься при соплях и слезах до седых волос. А между тем соленой воды на Земле избыток!

Тут Стоян ловко поменялся со мной местами.

– Прижмись к окну, на перрон не выходи.

И исчез.

Через минуту они вместе с отцом появились у окна. На меня они не смотрели. Стоян что-то втолковывал отцу, потом стал хлопать себя по карманам куртки и, в конце кон-

цов, вытащил какую-то пластинку с крупными таблетками, которую ловко затолкал в жилетку отца. Отец всегда одевал в дорогу джинсы с жилетом, потому, что страшно не любил копаться в сумке и предпочитал билеты и все прочее держать в полном смысле слова “под рукой”.

Тут что-то звякнуло, вагон дернулся, и оба, отец и Стоян, посмотрели почему-то в разные стороны. Потом обнялись, и отец побежал к ступенькам.

А доктор Дагмаров искоса взглянул на заляпанное грязью окно, за которым подразумевалось мое присутствие, и, засунув руки в карманы, пошел против движения поезда. Не оглядываясь.

Я быстро перескочил в купе и запрыгнул на вторую полку против движения поезда. Отец ее не любил. И лег лицом к перегородке.

В общем ехали так, как я и предполагал. Отец сидел с книгой в коридоре, я приносил чай ему и соседкам по купе, слопал, не слезая с полки, все свои бутерброды, пару раз проветрился в коридоре, а остальное время спал “как сурок”.

Картофельная дама оказалась ветеринаром на пенсии, а девица – любительницей кошек, так что тем для разговоров у них было предостаточно.

Первую, русскую, таможеню я проспал. Когда проверяли документы во второй раз, я проснулся оттого, что в глаза мне ударил яркий свет. Я увидел затылок отца, стоящего перед столиком спиной к окну, и пограничника, тыкающего мне в

лицо фонарик. И это при включенном на всю мощь верхнем освещении!

Полусонные дамы, лежа на спине, держали паспорта в скрещенных на груди руках. Жуткое зрелище! Низкорослый пограничник все листал и листал паспорт отца, периодически бросая на него странные взгляды.

– Вам никто не говори, что вы похожи на Иствуда?

Брови отца поползли вверх.

– Или Чемберлена?

– Лорда Чемберлена? А как вы его себе представляете?

Я прыснул от смеха. Спрашивать отца о голливудских звездах!!!

Кроме того, Иствуд и Ричард Чемберлен также похожи между собой, как отец и Чак Норрис!

Я попытался было сказать этому свихнутому на Голливуде, что я о нем думаю, но отец положил мне руку на плечо. Ох уж эта папина рука! Все, что надо, поймешь без слов. Сейчас она вежливо так попросила: “Чтоб и звука от тебя не было слышно!”. Так что с таможенным кинолюбителем мы расстались мирно.

Финансовый крах наш был предопределен с той минуты, когда отец, не торгуясь, дал таксисту десять баксов, хотя красная цена дороги до Липок была доллара два с половиной.

Дядя Митя жил в знаменитом доме на узкой тенистой улице. Мемориальных досок была на нем почти столько же, столько окон.

Обычно бывало так. В первые дни отца как подменяли. Казалось, он вообще забывал о нашем со Стояном существовании. Он исчезал из дома ни свет, ни заря и возвращался вечером. Когда я допытывался у Стояна, где отец, он отвечал:

– Бродит по дорогам прошлого. Но тебе этого не понять. Ты еще существо без биографии.

Я дулся и уходил к ребятам во двор гонять мяч. Стоян валялся в постели до десяти, потом бежал в магазин за пивом и опять заваливался теперь уже на диван и просматривал по виду все новинки из коллекции дяди Мити.

Но, к сожалению, время безграничной свободы проходило быстро. И однажды утром отец никуда не уходил и из романтического странника опять превращался, по словам Стояна, в “отца-наставника”. Явление печальное и неотвратимое. На этот раз никаких перевоплощений не было.

В день приезда отец отсыпался, а мне велел сидеть дома. Спал он долго. Я нашел картошку и сварил. Немного съел, остальное сунул под подушку – для отца. Включил холодильник и положил туда неприкосновенный запас, который Стоян, незаметно, сунул мне в рюкзак – немного сыра, колбасы и масло.

На другой день было воскресенье. Отец дозированно выпу-

стил меня во двор, но сам никуда не отлучался, уверенный, что пункт обмена валюты в воскресенье закрыт.

Наконец, пришел понедельник.

Отец отправился менять валюту на гривни и вернулся в прекрасном настроении с двумя пакетами всякой еды.

– Ты знаешь, Юра, везде все есть, и в этих... в “гривнях” или “гривнах” очень даже доступно.

Отец достал из кармана целую пачку денег, ну, просто толстую-претолстую. На одной бумажке я узнал здание банка, который стоял на соседней улице. Там дядя Митя получал свою золотую школьную медаль. И еще было много синих гривен с портретом Богдана Хмельницкого.

Всю эту кучу денег отец сунул в тумбочку у кровати, и мы отправились на кухню разбирать сумки с продуктами.

В этот же день объявился какой-то школьный друг дяди Мити – Вадим, Вадим Петрович.

Сотрудников его института отпустили на все лето в отпуск за свой счет. Через неделю он собирался к родственникам в деревню, как он сказал, – “подхарчиться”. А пока он предложил отцу повозить нас на какие-то озера под Козинцем. Уверил, что они экологически чистые, и там можно покидать спиннинг. “Вот только... вот только бензин в Украине дорогой”.

– Ну, это не проблема, – сказал отец и все расходы взял на себя. Еще бы! Такой соблазн для спиннингиста!

Итак, мы стали ездить на озеро, где у Вадима Петровича

жил друг, а у того была лодка с подвесным мотором. Отец бросал спиннинг, друг Вадима Петровича с рыбным именем Карп сидел на моторе, я купался и собирал на берегу ракушки, а хозяин машины вдохновенно готовил “козацкий кулиш”. Из продуктов, купленных на деньги отца.

Разжигался костер, втыкались «рогульки», и в черном от сажи казане дядьки Карпа, больше похожем на котел общепита, поочередно варилась курица, какая-то крупа и... рыба! “Кулиш” или “чумацька уха” заправлялась острым тузлуком из помидоров, чеснока и горького перца. И его с аппетитом уплетали... Вадим Петрович с другом, которому “за услуги” полагалась еще четвертинка “Горилки”.

К кулешу шел молодой чеснок, ранние крымские помидоры и молодая картошка. Отец и я удовлетворялись несколькими ложками странного варева и парой картофелин. Потом пили чай с сахаром вприкуску. Добычу забирал Вадим Петрович:

– Чтоб вам дома не возиться!

На пятый день Вадим Петрович приехал прощаться и привез в двухлитровой кастрюльке с незабудками “рыбу фиш” – фаршированную щуку, тушеную с овощами в красном вине. Было очень вкусно и... очень мало. Остальными восемью щуками, надо полагать, “подхарчевывалось” все пять дней семейство дяди Митиного однокашника.

На следующий день отец выдвинул ящик тумбочки, и... убедился, что там осталось только несколько мелких купюр

с портретами князя Владимира и Ярослава Мудрого. Он с изумлением взял их в руку, силясь осознать, что же такое случилось с той огромной пачкой денег, которые он положил сюда так недавно. Отец даже ящик вытащил и осмотрел его дно, как будто это был реквизит фокусника.

Потом, вспомнив о моем присутствии, отец, не выпуская ящика из рук, посмотрел на меня через плечо с выражением, которое Стоян назвал бы “изумление и смущение в одном флаконе”.

– Побудь у себя, Юра!

“У себя” – это значит в “светелке” Маргоши, где я всегда обитаю, приезжая к дяде Мите. “Светелкой” называет комнату ее мама. И, по-моему, точнее не скажешь.

Узкий диванчик под старинным гобеленом: “Пикник за стенами замка”. Каждую ночь, засыпая, я разглядываю знатных барышень в костюмах пейзажников, кавалеров в белых чулках и слуг, уставляющих скатерть на траве корзинами с изысканной едой и изящными кувшинами. Наверное, с вином и водой. Когда мы жили со Стояном и отцом под Ногайском, там все болгарские женщины пили вместо воды вино с водой. И детям давали. Мне нравилось.

У окна – стол. У него тонкие фигурные ножки, соединенные разными арками. Если бы к нему крепилось зеркало, он стал бы похож на туалетный столик “эпохи гобелена”.

В замок узкого верхнего ящика был вставлен крошечный

ключик. Я не смел даже прикоснуться к нему. Потому что там... хранились тетради с Маргошиными стихами. Кстати, по-польски “Swietlica” – клуб. Поэтический клуб...

"Небрежная походка. Шляпа. Фрак.

Глаза устремлены наверх, на небо.

Так ходит в городе смешной чудака,

Узнать его – случится непременно.

.....

И верит, что наступит век добра,

И милосердье не пустым взметнется звуком.

А Вы, случайно встретив чудака,

Не отворачивайтесь, протяните руку.

Пусть, как дитя, наивен он и чист,

В его руках да не умолкнет лира!

Он спотыкается. Да ведь не смотрит вниз,

Его влекут небесные светила".

Какая несправедливость родиться кузеном да еще на десять лет позже!!!

А она мне написала:

– Здравствуй “раз и навсегда!”

Над столом – две книжные полки. На нижней царит Наполеон и Цветаева. На верхней – только томики любимых поэтов Серебряного века и несколько тоненьких поэм Лины Костенко. Они раскинуты двумя крыльями, а между ними –

деревянный складень: “Спас нерукотворный” и “Владимирская икона Божьей матери”.

Против дивана – секретер, сделанный по чертежам моего двоюродного деда. Когда полка-стол поднимается, получает-ся просто закрытый шкаф, а ножка образует рамку с “Танцовщицами” Дега.

Итак, я сижу на застеленном пледом диванчике и пытаюсь осмыслить то, что произошло.

Из спальни никаких звуков. Потом крутится телефонный диск. Несколько раз. Но разговоры коротки и, как видно, проблему не решают.

Время тянется медленно, и я, не замечаю, как засыпаю. Будит меня отец:

– Я думал ты зачитался. Идем ужинать.

Ужинал я. Отец пил чай. Потом сказал:

– Возможно, нам придется возвратиться домой.

Я подумал, “а куда же еще”, но смолчал.

Взял свою тарелку и пошел к мойке.

– Послезавтра, – добавил отец.

Я не раскрывал рта. Зоопарк, Новый Ботсад, Канев, Устье Десны... Ничего этого не будет. Вот был бы с нами Стоян, такого бы не случилось.

Вечером мы с отцом смотрели по телику “Трех мушкетеров”, в котором Арамиса играл Ричард Чемберлен. Отец сидел в кресле, а я у его ног, опираясь спиной на отцовские колени. Вообще-то тот тронутый таможенник в чем-то был

прав. Но попробуй узнать в этом французском ловеласе отца, если характером он вылитый граф де ля Фер.

Сеанс был ночной, и глаза мои слипались сами собой. Но лень было подняться и идти спать. Хотелось, как той лисе из сказки, притвориться меховым воротником, чтобы отец, как бывало раньше, сам отнес меня в постель.

Но не тут-то было!

Я уже упоминал, что руки отца умеют говорить очень выразительно.

Я прочитал в каком-то журнале у Стояна, что известно более пяти тысяч языков, включая мазатекский язык свиста. Мальчишки-индейцы этого племени начинают свистеть раньше, чем говорить. Так вот, отец утверждает, что его слова не всегда доходят до моего сознания, а руку на плечо положит – и мне все ясно!

Сложный такой язык прикосновений. Но в тот вечер отец совершенно бесчувственно тряхнул меня и сказал:

– Иди в постель и не засни на ходу!

Откровенно говоря, эта его бесчувственность так меня разозлила, что сонливость как рукой сняло.

Я плюхнулся на диван, прямо разжигая в себе обиду на отца. Почему из-за каких-то денег мы должны уезжать из Города? И тут же с не меньшим раздражением стал думать о Стояне. Плавает в Карелии на своем “Таймене-Каймане” и, наверное, забыл о нас.

Потом я вспомнил, как Стоян шел по перрону, не огля-

дываясь и тяжело отрывая ноги от асфальта. Будто водолаз, идущий по земле в стальных башмаках. И мне стало стыдно!

Господи, почему я такой бессердечный? Почему ни разу до сегодняшнего дня я не вспоминал о Стояне. Вдруг он там перевернулся на своей байдарке или что-то там еще случилось? А я вот даже сейчас просто думал об этом, а ничего такого не чувствовал. Вот когда неожиданно увидел, как отец обнимает незнакомую женщину, тогда вообще ничего не думал, только чувствовал... до потери разума.

Я встал и подошел к столику Марго. Там к стене под полками она прикрепляла скотчем записочки такие маленькие, с какими-нибудь стихами, изречениями. В прошлом году это был очень красивый псалом царя Давида: “Господь – Пастырь мой...”.

Теперь там тоже был листочек. Я все эти дни скользил по нему взглядом, скользил, а так и не вчитался толком. Все некогда было. Из постели на рыбалку, с рыбалки – в постель. А теперь меня просто тянуло к нему.

“Это очень лично, но надо к этому стремиться: научиться любить хоть одного человека с забвением себя...” – было написано рукой Марго. – Антоний Сурожский.

Открывшееся мне знание о себе было пугающе и не приятным. Я не умел любить даже самих близких.

Я любил их только тогда, когда они делали мне что-то нужное или приятное.

Любил бы я Марго, если бы она не присылала мне свои

стихи, тем самым возвышая меня в моих же собственных глазах?

Любил бы я отца, если бы он каждое лето отправлял меня в какой-нибудь лагерь, а не возился со мной весь свой отпуск. Вот отдыхал бы он где-то с красивой женщиной Ирэнной – любил бы я его?

И, наконец, любил бы я Стояна, если бы он не то, чтобы на байдарке без меня куда-то там отправился, а взял бы жену и переехал в другой город?

Я с большим трудом задал себе эти вопросы, даже не пытаясь на них ответить.

Вместо этого, не влезая в тапочки, я поплелся в кухню пить воду. Часы в гостиной пробили два раза. Через полуоткрытую дверь ее было видно, что в спальне горит свет.

Чтобы не греметь посудой, я присосался к крану, вопреки суровым после чернобыльским запретам. Вернувшись в светелку, я залез в постель и натянул на голову простыню. Хотя мне самому непонятно было, от чего я хотел отгородиться. Ведь все пугающее меня находилось во мне самом!

– Господи, – искренно шептал, как мне казалось, неискренне, театрально, с какими-то вымученными слезами, – Научи меня любить... самых близких...

Потом мне стало душно. Я вылез из своего кокона и долго крутился на влажных простынях.

Когда я открыл глаза, на будильнике было шесть часов пятнадцать минут, и кто-то отчаянно трезвонил в парадную

дверь. Я соскочил с дивана и бросился в прихожую.

– Спроси кто! – крикнул из спальни отец.

Но я уже крутил все замки двумя руками. На пороге, набывчившись и держа руки в карманах, стоял доктор Дагмаров.

Я бросился ему на шею, оцарапав лицо жесткой щетиной отпущенных им усов и бороды. С таким “ярмом” Стоян и переступил порог, за которым нас уже ждал совершенно одетый отец. Разве что рубашка его была застегнута не на все пуговицы.

– Да сними ты с меня этого клеща! – взмолился Стоян, пытаясь разжать мои пальцы.

Но отец не стал отрывать меня от Стояна, а просто заключил нас в объятия длинными своими руками.

Сбросив с плеча сумку у порога, Стоян решительно объявил о своей программе:

– Мыться, есть и спать! Летел в кабине пилотов во-от в таком положении (показал согнутый крючком указательный палец), весь рейс травил байки. До этого двое суток не спал, а в самолете пил только кофе.

Пока Стоян блаженствовал в огромной старинной ванне на чугунных львиных лапах, я судорожно соображал, чем его кормить. В холодильнике лежали последние два яйца, кусок сыра, и я решил сделать свою коронную “королевскую глазунью”.

Посыпал желтки тертым сыром и зеленым луком. Получилось экзотическое блюдо.

Отец в кухню не заходил. Стоян заявился к столу с мокрыми курчавыми волосами. И тут я впервые заметил, что борода его кое-где как бы испачкана мелом. Я даже не сразу сообразил, что это... седина.

Седина у Стояна?

Вооружившись вилкой, Стоян плотоядно склонился над тарелкой:

– Что, лопухий, жаба давила? Слабо было еще два яйца разбить?

Я отвел глаза. Отец, появившийся было в дверях, круто развернулся и вышел.

– Та-а-ак! – протянул Стоян, – Потом разберемся.

Запив кефир сладким-пресладким чаем, он заглянул в холодильник, присвистнул и отправился разыскивать отца.

– Как я догадываюсь – семейный дефолт?

– Пока нет, но, понимаешь...неразумная доверительность... гм ...в денежных отношениях.

– Так. Туземные знаки остались?

– Мелочь какая-то.

– А капуста?

– Капуста? Зачем тебе капуста?

– Рома! Вспомни “лимон”.

– А-а-а! На три билета, Юрке – без места. Но ведь это ... “зеленые”?

– Синонимы. Богатый и могучий современный язык. Ладно. Как там говорила эта, которую уносил ветер? Хорошие

мысли приходят после хо-о-рошего сна. Ты в спальне устроился?

– Да.

– Я прикорну рядышком. Батарейки подсели. Что бы ни было – меня не будите и не делайте лишних телодвижений. Все.

Убирая свою постель, я вспомнил историю с “лимоном” и прыснул. Но тут же оглянулся на дверь, за которой укрылся в кабинете отец.

Что позволено Стояну, как говорится, не позволено никому.

А дело было так. Когда я был маленьким, к отцу зашел в гости школьный приятель и пожаловался, что не может достать для своего предприятия какие-то детали на другом заводе, потому что к директору без “лимона” не подберешься. И наивный отец принес ему из холодильника несколько слегка подсохших плодов. Что тут было с нашим гостем и Стояном!

Стоян проснулся в полдень. Принял душ и уединился с отцом. Меня выставили на кухню. Слов разобрать я не мог, но понял, что отец железно стоит на своем: уезжать!

А Стоян злится и не соглашается. Никогда еще я не слышал в его голосе такого отчаянного призыва пойти ему навстречу. Наконец, отца вообще не стало слышно, и говорил только Стоян.

Потом замолчали оба.

Вскоре кто-то, очевидно Стоян, открыл дверь. Отец сказал вдогонку примирительно:

– Ей Богу, Стоян, это же разумно! Оставайся! Уговори Юрку, а деньги я вам передам. Живите здесь, сколько хотите!

– Ты так ничего и не понял! Я не хочу, чтобы мы расстались и не могу вернуться.

– Но объяснить почему – можешь?

Молчание.

– Знаешь, Стойко, мне иногда кажется, что у меня не один ребенок, а два. И с каким труднее – не знаю.

Опять пауза.

– Ты вспомни, как Юрка требовал, чтобы ты пошел на рынок за деньгами и купил ему велосипед. Что ты ему ответил семь лет назад? “Деньги на рынках только цыганам даром достаются”. А сейчас ты пытаешься уверить меня, что достанешь 100 долларов в чужом городе за пару дней, как будто они здесь под ногами валяются.

Отец отвлекся и не заметил того, что увидел я: Стояна реплика о рынке, как громом поразила. Он тряхнул чернокудрой своей головой и хитро так протянул:

– Цы-ы-гане, значит, на рынке деньги даром получают.

Ну, что ж, мы “люди не здешние”, не гордые, сойдем и за цыган.

Отец с недоумением воззрился на него, но заметил весьма добродушно:

– Особенно в твоем костюме от Версаче.

– Ну, если, дорогой профессор, "главное, чтобы костюмчик сидел", – переоденемся! Юрка, где Митины брюки, в которых он на рыбалку ездит?

И, не дожидаясь моей реакции, сам полез на антресоли и достал пакет, из которого, кроме брюк непотребного вида, выпали красная футболка Марго и бейсбольная кепка, которую дядя Митя не раз использовал как подсак. Стоян с ходу напялил на меня два последних предмета, при этом в горловину футболки вылезло мое голое плеча.

– Это что? – срывающимся голосом сказал отец. – Сейчас же снимите эту дрянь. Здесь вам не театр "Ромэн".

– Отчего же! Парень – настоящий Калдерари, цены не будет на рынке такому спутнику!

Разъяренный отец сорвал с меня футболку, и она вместе с кепкой полетела на пол. Сам же профессор Мещерский удалился на балкон, где уселся под сенью вынесенного из комнаты лимонного дерева. Чтобы схваченное по дороге первое попавшееся под руку печатное издание удерживалось на коленях, отец поставил ноги на небольшую скамеечку.

В старом кресле с резной спинкой, похожем на трон, в странной позе с поднятыми коленями да еще рядом с китайскими деревянными шторами, закрывающими окна спальни, он был похож на сурового правителя царства Цинь.

Стоян в это время задумчиво водил утюгом по злополучным брюкам.

Наконец отец не выдержал, явился в кухню.

Увидев его, Стоян плутовски снял брюки со стола и прикинул к себе:

– Сойдет для цыгана?

– Вот что! Прекрати дразнить меня этим маскарадом. А ты, Юра, – сбегай за хлебом и кефиром. Эти... гривни... в тумбочке.

Отец ушел, а Стоян швырнул брюки на пол и сказал мне:

– Убери с глаз долой!

Пока я заталкивал весь этот реквизит обратно на антресоли, он написал что-то на клочке бумаги, оставил ее на кухонном столе, схватил одной рукой нашу необъятную хозяйственную сумку, а другой вытолкнул меня на лестницу черного хода.

До метро мы бежали, выкладываясь, как на стометровке.

Я спросил:

– Стоян, ну, зачем ты сердишь отца? Что ты написал в записке, и куда мы спешим?

– Пытаем счастья, сынок! Пытаем счастья! Остальное узнаешь потом, а то рано состаришься.

Длинные эскалаторы, сменяя друг друга, увозили нас прямо в ледниковые глубины.

Стоян стоял ступенькой выше.

Вдруг он обнял меня и, склонившись к правому уху, прошептал:

– Я не могу возвратиться, Рыжий, и остаться один без вас

тоже не могу. Ты уж меня прости!

Мы сошли на левобережном рынке и сразу же направились к овощным рядам. Там Стоян прислонил меня к ограде.

– Жди!

А сам быстро пошел вдоль прилавков, перебрасываясь с продавцами коротким фразами. Наконец, остановился, уперся руками в прилавок и даже влез под козырек.

Торговка семечками, которая сидела рядом со мной, раскорячившись на низенькой скамейке, как и я не спускала глаз со Стояна.

– Доню! – позвала она.

– Шо вам? – отозвалась молодая женщина, поливающая на лотке пучки увядшей зелени.

– Дывы! То не актер, шо грав Будулая?

– Ни, просто схожий. Молодой ще.

– То воны ж гримуються!

Боясь расспросов, я стал старательно вжиматься в ограду.

– Хлопчык, любыш семки? На! – торговка протянула мне газетный кулечек с жареными семечками.

– Спасибо, спасибо, у меня денег нет.

– Та я не за гроши. То я тебя прыгощаю.

Стоян в это время уже спешил назад.

– Давай за мной на ту сторону платформы!

– Дядько! – игриво окликнула его торговкина дочка. – Вы часом нэ з кино? Ми тут гадаемо, чи вы сын Будулая, чи може онук?

– Внук, внук, только не Будулая, а Карая.

И мы помчались в обратную сторону. Но только у меня от смеха сбилось дыхание, и я начал отставать. Стоян, чертыхнувшись, велел мне “не хрюкать” и не терять его из виду.

А дело в том, что когда я был маленьким, он сам же читал мне книгу о пограничном псе Карае. Потом было продолжение – “Сын Карая”, которое я прочел уже самостоятельно. Но и этими героическими историями я не начитался и замучил Стояна просьбами принести мне новое продолжение: “Внук Карая”. И сколько он не убеждал меня, что такой книги нет, я не успокаивался. Потом топнул ногой и сказал:

– Так сядь и напиши!

На другой стороне насыпи были ряды, где продавали мед. Среди продавцов было много мужчин. Увидев носатого седого старика в каком-то театральном брыле, Стоян остановился, как вкопанный, и закричал:

– Хома! Хома!

Тот встрепенулся.

– О Стоянэ, сынку! Яким витром занэсло тебэ сюди, волюцюга?

А цэ хто з тобою? Давай-но його сюды!

Он перегнулся через прилавок и подхватил меня под руки узловатыми, как корни, пальцами.

– Пид мыкитки його! Пид мыкитки! – хохотали тетки.

Не успел я оглянуться, как очутился среди мешков, кор-

зин и липких бидонов.

– Очи твои, цыганськи, клятый булгар, а тильки дуже воно билявэ та тэндитнэ.

То твий хлопець чы ни?

– Мой, мой. Наполовину!

– А на другу?

– Романа Ильича.

– А-а-а, прохвесора!

– Слушай, Хома, отойдем. Есть разговор.

– Тетяна! Прогощуй малого мэдом. Я зараз.

Каким только медом не угощала меня тетка Татьяна и ее не то односельчане, не то родичи. У меня уже все слиплось внутри от этого угощения, а Стояна и деда Хома все еще не было.

Наконец, они объявились. Веселые. Нос у деда стал еще больше и покраснел. В руках Стояна была наша необъятная кошелка, откуда торчали горлышки каких-то бутылей, закупоренных кукурузными початками. Они расцеловались.

– Петко прыйиде до Риздва, йому и виддасы гроши. Прохвесору перекажэш прывит и запрошэння до Водяной. З Юрком. И з тобою, звисно. И скажи: медовуха справжня, на бджольний заквасци. А я, разумиеш, зрадив, що Юрко – то твий хлопець, не впизнав малого. До рэчи, Петко вже на онукив чэкас, а ты...

Тетяно, сходи до дивчат, нехай збэруть йому до борщу, и сальце визьмы у Мыколы, та з проростю, як Стоян любить.

Мы вернулись к ужину, нагруженные, как верблюды.

Отец открыл дверь, не сказал ни слова и ушел в кабинет дяди Мити.

Записка по-прежнему лежала на кухонном столе. Я прочитал: “Колдерари ушли на промысел”.

– Ну вот, сказал я. – Доигрались в цыган. Теперь “будет нам и белка, будет и свисток”.

– Помолчи! – неожиданно резко сказал Стоян и пошел за отцом.

Я тоже вышел из кухни, плотно прикрыв за собой дверь, как будто там, в сумке, находились не продукты, а бомба замедленного действия.

– Неужели ты допускаешь, что таким дурацким розыгрышем удержишь меня здесь хотя бы на один лишний день! – донеслось из кабинета.

Я прошмыгнул на балкон и уютно устроился в кресле, где, судя по всему, отец старательно изучал “Советы молодым хозяйкам” госпожи Молоховец.

И надо же, отец и Стоян вдруг решили в качестве исповедальни использовать спальню. Кто-то, вероятно Стоян, рухнул на кровать возле самого окна, в полуметре от меня!

– Когда ты отказался ехать с нами, ты уже знал? – услышал я.

– Не все. Мишке сообщили, что там ЧП. Но я сразу почувствовал – с Асей!

– И ты ничего мне не сказал?!

– Я бы и сейчас не грузил тебя всем этим. Просто ты меня достал! Что не скажешь – у тебя на все одна реплика: “В Москву! В Москву”. Прямо “Три сестры” Виктюка!

– Стоян, как ты говоришь!!!

– Боже мой, я еще должен следовать правилам изящной словесности! Юрки-то – нет! И потом ты что, думаешь, он в школе изъясняется языком Державина?

– Оставь, сейчас мы не это обсуждаем, и все же пощади мои уши. Кроме

того, пьеса все-таки не Виктюка.

Молчание.

– Не сердись, Стойко, рассказывай.

– Он уговорил ее оставить группу и идти через пороги вдвоем. Спасатели нашли их через два дня. У этого идиота была сломана пара ребер и морда побита о камни.

А у Аси...

Ты знаешь, где мы с Мишкой ее перехватили? В местной больничке. Готовили к ампутации обеих ног. Мы договорились с военными... Завидов бился в истерике и настаивал, чтобы делали операцию на месте.

– Почему?

– Он боялся, мы ее не доведем.

– А ты?

– Я об этом не думал.

– А если бы не довели?

– Его бы судили... вместе с нами. А живая Ася, даже без

ног, взяла бы вину на себя. Но, вообще, лучше всех держалась Аська!

У нее хватило сил сказать: “Мальчики – к Бурденко”, и только после этого она отключилась.

По улице то и дело проезжали машины, скапливаясь у светофора на углу. Оттого я слышал не все. Но и того, что услышал, было достаточно, что бы любой из них свернул мне шею за непотребное любопытство. И разбираться не станут, как я очутился у них под окнами.

– Знаешь, о чем она попросила, когда пришла в себя и поняла, что ноги при ней? “Морикразу” достать.

– Что это?

– Новый препарат, чтобы на морде у него не остались рубцы.

– Она будет ходить?

– Будет. Годик на костылях, а потом с палочкой, потом без палочки.

Они замолчали. Только кровать под Стояном заскрипела.

– Послушай, Стойко, может это покажется тебе банальным... если не можешь изменить обстоятельства, измени свое отношение к ним.

– Как можно изменить отношение к тому, что ты... теряешь человека?!

– Ася жива и будет ходить! Безразлично с кем и где! Ася бу-дет!

Если бы мне сказали сейчас, что Машка есть... Где-то

там, не со мной, но

жива... Понимаешь? Хотя мне ее никто не заменит!

– “Пой, ласточка, пой!” Попробовал бы я в свое время предложить тебе

“изменить отношение!”

– Хорошо, что удержался! Но я-то не двадцатилетний моралист! Ты

знаешь, сколько за этим стоит... (отец не успел закончить).

– ...женщин – Инга, Лера, Рэна! Просто монах!

– Что?!! (послышался ”плюх”, будто кто-то свалился с кровати на пол).

Тут я четко осознал, что с балкона нужно исчезать. Если бы я был кошкой, то, не раздумывая, прыгнул бы с пятого этажа на все четыре лапки. Но представив после этих жутких разговоров об ампутации, что реально случится с моими хилыми конечностями после приземления, я просто стал на четвереньки, выбрался на кухню и уже на двух ногах спустился во двор, предусмотрительно захватив с собой ключ.

Стемнело, когда оба нашли меня на качелях. Отец тормознул меня в верхней точке и медленно спустил в руки Стояну, который не устоял на ногах и опрокинулся в детскую песочницу.

После того как мы с отцом вытащили его, он долго отряхивался от песка, загаженного дворовыми собаками и кошками. Отец пытался помочь. Когда с этим было покончено,

мы отправились домой.

Впереди шел я с ключом наготове (свои ключи они, разумеется, не взяли).

За мной брели, спотыкаясь обо все неровности дороги, отец и Стоян и дружно ругали меня всякими нехорошими словами. И пахло от них как от деда Хомя – чем-то хмельным и медовым.

И я шел и думал, что надо бы с утра пораньше сбегать за квасом. Вот только знать бы, куда Стоян сунул деньги.

Все!

Стихи Ольги Стрижковой.

"Бунт на корабле"

– Ты что Левке собираешься подарить? – спросил Боб.

– Не знаю.

– Давай на мяч скинемся?

– Это по сколько выходит?

– Если Митроху уговорим – будет по тридцатнику...

– Ладно. Покупать вместе пойдем?

– Ну, да! Дождешься тебя с твоими сольфеджиями. Сам куплю.

На том и решили.

Разговор был недели за две до Левкиного дня рождения. Я сразу же у отца взял деньги и обрадовался тому, что он не стал мне десятки отсчитывать, а дал одну бумажку в пятьдесят рублей. Значит можно будет и без Митрохи обойтись.

В этом году Левка решил пригласить к себе чуть ли не половину класса и даже знакомых по даче девчонок.

–А что, – объяснил Левка, – батя сказал "гуляй на родительскую деньгу, пока молодой, пока паспорт не получил, а на следующий год курьером тебя пристрою, и на свои тусовки сам будешь зарабатывать".

– Между прочим, первыми мы с Митрохой паспорта получим, а ты еще в "детках" целую четверть проходишь, – отреагировал на его заявление Борька.

–Дались вам эти паспорта, – сказал я. – Этих заработков

курьерских хватит разве что на пару заходов в Му-Му, а других выгод я, например, не вижу.

— Не видишь, потому что получишь его последним. А я так жду не дождусь, потому что с паспортом меня уже не повезут как багаж по доверенности. Будьте добры, вначале спросить меня, хочу ли я ехать, и без этого документа шиш ты билет на меня купишь, — распалился Боб.

В прошлом году он со старшей сестрой ездил к тетке, и родители оформляли Катерине доверенность, чтобы она имела право брать с собой в поездку брата. Борьку тогда это здорово задело. Он даже ехать не хотел, хотя тетка его в Пскове живет и пообещала свозить их в Михайловское. Тогда ведь двухсотлетний юбилей Пушкина отмечали. А теткин друг по студенческим годам в Питере теперь был директором музея в Тригорском. Он сам показал им и усадьбу, и Святогорский монастырь, и парк. И книгу свою подарил — "Золотая точка России". Жаль только, что когда наша русичка взяла Борьку в заложники и хотела заставить его во всех седьмых подробно рассказывать о празднике в Пушгорах, Катерина принесла эту книгу в жертву школе. Зато Боб был спасен.

День рождения приходился на понедельник, а в воскресенье отец посмотрел на меня как-то особенно пристально и заявил:

— Завтра пострижешься. Совсем на девчонку стал похож. И, пожалуйста, безо всяких крысиных хвостиков сзади. Коротко.

– Не буду я коротко! Я же не первоклассник!

– Пострижешься, как я сказал, – резко оборвал отец разговор и отправился к себе в кабинет. Тут-то я и вспомнил наш вчерашний базар о паспортах, и признался самому себе, что Борька, возможно, был прав. Если бы у меня в кармане был такой документ, папа не позволил бы себе обращаться со мной как с десятилетним пацаном!

О дне рождения Левки я злонамеренно отцу не напомнил. Если он забудет – его проблема. У него же профессорская память! В понедельник после уроков я забросил рюкзак к Борьке в соседний подъезд, оттуда и отправился на день рождения, минуя парикмахерскую.

У меня были длинные волосы, Левкины дачные знакомые оказались классными девчонками, к тому же его родители деликатно оставили нас одних. Всем заправляли его сестра со своим бой-фрэндом из экономического колледжа. Пили шампанское, диски были что надо, студент обучал всех танцевать хастл, но мне было как-то не по себе.

Часов около одиннадцати я пришел домой. Отец (невиданный случай!) сидел перед телевизором. Я сказал "добрый вечер" и хотел проскользнуть в свою комнату, но он спросил меня железным голосом:

– Где... ты... был?

Пришлось задержаться на пороге.

– Ты же знаешь – у Левки на дне рождения, – ответил я, как мне показалось спокойно и невозмутимо, но войти

внутри Логова и закрыть дверь не решился. Пауза затягивалась.

– Хорошо, иди спать, поговорим завтра, – наконец сказал папа, и я нырнул в свое убежище.

На следующий день после уроков я отправился в парикмахерскую и постригся наголо. Таким и заявился в музыкалку. Когда из класса вышла Карина – местный вундеркинд шести лет, которая занималась передо мной – она артистично всплеснула своими талантливыми ручками:

– Юра, тебя в Чечню посылают?

– Вай, Кариночка, типун тебе на язык, родная! – всполошилась ее бабушка Ануш Вазгеновна. – Мальчик не Самсон, чтобы ему волосы свои беречь!

Вечером перед ужином, увидав мою шарообразную голову с оттопыренными ушами, отец ничего не сказал и только высоко поднял брови. Но после чая не выдержал:

– Ну, и как называется эта ...это? – и жест такой сделал в направлении моей головы.

Мне бы просто сказать – "никак не называется", потому что это была бы чистая правда. Ведь я постригся наголо именно для того, чтобы уничтожить всякое подобие прически. Нет прически – нет проблем!

Но, неожиданно для себя, я на полном автомате произнес – "зачистка". Это было то слово, которое я услышал от нашего школьного охранника по прозвищу "Дембель", с которым столкнулся на пороге парикмахерской. Он тогда сказал:

"Что, пацан, "зачистку" сделал, «операция антивошь»?"

Я ему не ответил, только плечами пожал, потому что "зачисткой" в школе называют резинку для стирания.

Отец помолчал немного, потом встал и склонился надо мной. В левой руке на отлете он держал чашку с чаем, а правой прижал мою голову к себе и шепнул на ухо:

–Горя ты еще не знал, мой мальчик...

И ушел.

С чего я так подставился – сам не пойму. Ясно, что у отца вылетевшее воробьем словечко не с резинкой ассоциацию вызвало. В последнее время водится за мной такая дебилность: хочу сказать одно, а говорю... В общем, язык мой – враг мой.

А что касается "зачисток", "зеленки" и заложников, то мы с ребятами живем как бы отдельно от всего этого, хотя об армии базарим довольно часто. В основном, как от нее откосить. Особенно от службы в Чечне, потому что цену генеральским разговорам о контрактниках и добровольцах все знают. Считается, что лучше всего дать взятку врачу и получить справку о том, что ты псих.

С доктором Дагмаровым я на эту тему не говорю. Скажешь ему про справку и получишь в ответ: "Я тебе ее и без денег дам, если ты еще раз в тазик с моей рубахой свои носки бросишь!" или что-нибудь в этом роде.

Спустя несколько дней после Левкиного дня рождения, я смотрел новости по НТВ вместе со Стояном, и там сообще-

ли, что в Чечне в засаду боевиков попала и была уничтожена почти полностью рота наших ребят-десантников. Я спросил Стойко: "Это много?"

Он посмотрел на меня, как-то оценивающе что ли, и спросил после паузы:

–Сколько у вас одиннадцатых?

–Два.

–Представь все стулья пустыми.

Сказал, как отрезал, и направился в кухню.

И не успел я отреагировать на его слова, как на экране появилась размытая картинка любительского видео. Контур нечеткие, цвета плывут, но понять можно, что в окружении бородатых вооруженных людей стоит пожилой человек в каких-то лохмотьях.

Год назад я увидел, как изменилась жизнь в теплом доме дяди Вади, когда умерла, ушла "за перевал", как говорят на Кавказе, тетя Эля. Мне казалось, что там все замерло, как в сказке о "Спящей красавице". Но приехал Геня и разбудил и Дом, и дядю Вадю. Жизнь к ним вернулась, хотя была уже не такой, как раньше.

А вот теперь, когда камера "наехала" на лицо в центре кадра, я понял, что вижу, как жизнь покидает человека до прихода смерти и возрождения не будет...

–Сейчас меня будут убивать... – услышал я какой-то механический голос, как будто бы уже с того света. – Но, может, вы успеете выкупить...

И он назвал какие-то имена.

После этого он по-старчески неловко стал на колени, и над ним занесли саблю...

Я моментально выключил ящик и скрылся в своем Логове.

Меня не мутило, как бывало раньше при всяких сильных переживаниях, меня просто... не... бы-ло... И говорить обо всем этом не хотелось ни с кем.

Несколько дней после школы я отсиживался у себя в комнате, перечитывал Николая Гумилева, к ящику не прикасался и даже к Бобу не навевывался, хотя он опять подцепил ангину от Илюшки. Потом во мне что-то начало устаканиваться, и я решил покататься на велике. Погода была не ахти, ветер гонял по двору скрюченные кленовые листья, похожие на разноцветных крабов, но мне хотелось куда-то мчаться и ни о чем не думать.

Ездил я на отцовском полугоночном "Туристе". Ничего была машина – легкая на ходу, но истрепанная временем. Во всяком случае, полагаться на ручной тормоз не приходилось. Большинство ребят, и я в том числе, обычно катались во дворе: места хватало и для гонок и для фигурной езды по детской площадке. Иногда вместе с Борькой мы гоняли по парку или ездили в гости к Левке, который жил в четырех трамвайных остановках от нас. Единственным местом, где отец категорически запрещал нам кататься, были вечно скользкие глинистые берега зловонной парковой речушки.

Там на каждом шагу валялись железки, стекла и другой опасный хлам, который оставляли после себя бомжи, ночующие летом в прибрежных кустах. Любил там развлекаться только Гришаня со своей компанией из строительного колледжа. Они там и костры жгли и пивом баловались. Гришаня раньше учился в нашей школе в классе коррекции, хотя нормальный был парень, даже с харизмой. Просто жутко ленивый, когда дело касалось учебы, зато геймер продвинутый. И вот этот Гришаня заметил, что я один, без Борьки, и предложил мне прокатиться вместе с их бандой. Мне его приглашение показалось даже лестным, поскольку парни такого возраста на нас обычно внимания не обращали.

Вначале все было отлично. Мне понравилось чувствовать себя своим среди взрослых парней, тем более что я удачно совершил объезд и пристроился вторым за Гришаней.

Все случилось на мостике через русло мелкого ручейка, весной впадающего в речушку. Собственно, это и не мостик был, а несколько щербатых досок, кое-где скрепленных планками. Его нужно было проезжать, не снижая скорости, а я по неопытности замешкался, мне стали наседать на пятки, колесо вильнуло, и я свалился. Велосипед не очень пострадал, а вот я пропорол себе ступню огромным гвоздем. Он вонзился в изношенную подошву моих кроссовок и вышел между пальцами. Кровищи было ужас! Надо сказать, Гришка вел себя, как настоящий парамедик. Он велел парням крепко держать мою ногу, а сам рванул доску с гвоздем. Потом

он перевязал мою ступню своей банданой поверх носка, усадил меня на багажник и отвез к своей тетке – акушерке. Она жила в доме напротив. Анастасия Ивановна промыла рану перекисью и перебинтовала ногу. Потом сказала, что нужно поехать в травмопункт и сделать укол от столбняка. Я поблагодарил и пообещал сделать все, как она советовала.

Мне было неловко, что я испортил Гришане прогулку, но парни вели себя так, будто ничего особенного не произошло. Доставили меня домой и отправились прежним маршрутом.

Я несколько раз проковылял из кухни в Логово и обратно, что-то почеркал в тетради по русскому и завалился в постель до прихода отца часов в десять. Чтобы не испачкать белье, надел на раненую ногу два носка: один свой и один Стояна. Заснул почти мгновенно. Ночью мне снились кошмары. Какие-то мясники рубили мясо на чудовищных колодах и все ближе и ближе подходили ко мне, а я будто прирос к земле.

Когда я проснулся в холодном поту, в комнате горел свет, а на кровати сидел папа и осторожно стаскивал с ноги очередной носок. Одеяло валялось на полу.

–Ты так кричал, что у лифта было слышно! Что, Юра, что случилось?

Он говорил и осторожно разматывал бинт. Я приподнялся на локте, ступню дергало.

–Чем поранился?

–На гвоздь напоролся.

Слипшийся от засохшей крови бинт перестал раскручи-

ваться.

Отец вышел из комнаты и быстро вернулся с клеенкой и бутылочкой перекиси.

– Чем-нибудь смазывал?

– Перекисью.

– Хорошо. Теперь потерпи, я размочу и сниму повязку.

Ступня без бинта оказалась опухшей с багровым синяком у пальцев. Отец приложил к ране бинт, густо смазанный какой-то гадостью от доктора Дагмарова, и опять перевязал ногу. Потом принес мне чаю, выключил свет, но уходить не стал, а устроился в кресле у кровати.

– Спи.

Утром отец разбудил меня и велел одеться.

– Сможешь идти?

– А если нет? – неожиданно для себя развязно произнес я.

– Тогда попробуешь опираться на дедушкину палку, – невозмутимо ответил папа.

В конце концов выяснилось: единственное, что я могу, – это допрыгать на здоровой ноге до прихожей и натянуть куртку.

Тогда, ни слова не говоря, отец подхватил меня на руки, вынес на улицу, остановил частника и привез в больницу. Там мне наложили новую повязку и вкатили укол под лопатку.

Да, еще фотографию скелетную сделали! Жуть! Костлявая нога голода!

Дома я весь день валялся на кровати – бритый, перебинтованный и совершенно несчастный.

Доктор Дагмаров приехал на следующий день. Этот провёл настоящее дознание и осмотрел не только ногу, но и велосипед.

– Нашел себе новое развлечение! – гремел он. – Ноги гвоздями протыкать! Сектант несчастный! И такая стойкость духа! Молча помирал в моем грязном носке!

– Я чистый взял!

– Молчи! В любом случае, я его лишился! Не хватало, чтобы меня звали "Стоян – кровавый носок". Устроил тут бунт на корабле!

– Может, я на берег хочу списаться.

– Послушай, селявка, не буди во мне зверя... морского!

– Стойко, а котики свирепые?

– У тебя что, бред уже начался?!

– Ну, ты сам только что... ну, про зверя...

Доктор Дагмаров вдруг замолчал, погрустнел и раздумчиво сказал после паузы:

– Всеядны, но на десерт предпочитают исключительно наглых детенышей... Научный факт.

– "Исключительно предпочитают" или "исключительно наглых"? – спросил я невинным тоном и тут же был слегка придушен подушкой.

Вечером я тихо проползал через гостиную по пути из туалета. Дверь кабинета была приоткрыта.

–Я, собственно, не понимаю, что происходит именно потому, что, на мой взгляд, не происходит ни-че-го! Я не понимаю, за что он обижается на меня и почему меня избегает! Может он дуется из-за того, что я забыл, когда у его друга день рождения? Но ведь деньги на подарок я дал заранее? Или там случилось что-то, из-за чего он постригся, как арестант, а я этим не поинтересовался?

–Роман! Опомнись! Ты передо мной что ли оправдываешься или покаянную речь готовишь перед этим паршивцем.

–Да я сам с собой пытаюсь разобраться. Вот гвоздь! Неужели я такой изверг, что оставил бы его без помощи из-за старого велосипеда, гори он ясным пламенем! Простить себе не могу, что мальчишка до сих пор калечится на такой рухляди...

Знаешь, я таким злым домой возвращался, звонил Юрке днем раз пять, и никакого ответа. Если бы его крик не услышал, даже не посмотрел бы, как он там спит. Куртка висит на месте, чайник еще теплый – все нормально. Представляешь, довел бы ребенка до остеомиелита!

–Ну, профессор, нахватался ты от меня словечек! Небольшое воспаление, "нарывчик" – по-домашнему. Всего и делов-то. А вообще порадуйся, что пороссячий паротит его уже позади. Отрок-то наш мужает. Почувствовал: потом от него пахнет. Так-то.

–Хорошо бы мужал без особых опасностей для здоровья.

–Его или твоего?

–Нашего.

–Такого не бывает. И учти – это самая ранняя стадия переходного возраста, так что наберись терпения.

–Наберешься тут на всех вас! Переходной возраст! У Юрки – подростковый, у тебя с твоими "девочками" – кризис тридцатилетних...

Стоян засмеялся:

–А у тебя самого – "опасные сороковые" с рефлексией сложных порядков. Сюжетец – то каков! "Взрослый сын молодого человека".

После этого послышались такие звуки, как если бы отец запустил в доктора Дагмарова диванной подушкой.

Потом начали опрокидываться стулья.

–Ладно! Ладно! Сдаюсь! – сдавленным голосом молил Стоян. – Профессор! Вы же не Дракула!

Я не удержался, просунул голову в дверь и сказал с интонацией миссионерской терпимости:

–Спокойной ночи.

Не успел я и шага сделать в направлении своего Логова, как в дверном проеме показались две встрепанные головы – одна над другой – и сказали дуэтом сакраментальную фразу:

– А ты, что здесь делаешь, а?!

И затем, уже на своей территории, я услышал речитатив Стояна, с поправкой отца:

–"Минерал" запел...

–"пропел!"...

–"о чем-то"!

Когда уходят...

С того дня, как Стоян помог отцу доехать со мной из больницы домой, мы стали одной семьей. Ведь я еще тот фрукт был: почти год никому, кроме отца и Стояна, не давался. Так что, пока у отца не срослась рука, несчастный Стойко лишился всякой личной жизни.

Отец еще не был профессором, но докторскую диссертацию уже защитил и заведовал лабораторией в институте. Пока он выздоравливал, у нас в квартире побывали все его сотрудники, поодиночке и группами.

Я пугался гостей и, если дома был Стоян, влезал на него, как обезьяна на дерево.

С ним знакомились, а он отвечал, протягивая руку:

–Арина Родионовна...

–Арина Родионовна...

–Арина Родионовна... В медицинских кругах известен под псевдонимом "доктор Дагмаров".

Сейчас, когда у нас разворачиваются прения по поводу очереди в туалет или собственности на диванную подушку, Стоян вопит:

–И на это вредное насекомое я потратил лучшие годы своей жизни?!

На что я резонно отвечаю:

–Значит, такая была им цена, этим годам.

После чего обычно начинается баталия со швырянием подушек, беготней и опрокидыванием мебели.

Если отец дома, он терпит-терпит, а потом вылетает из кабинета и выставляет меня в мое "Логово".

–Ты можешь мне ответить, кто из вас взрослый, а, Стойко?!

–Только не я! – Стоян демонстративно укладывается на диван, скрестив руки. – Я – наивный младенец. Чудовище – он! "Младенец и чудовище"!

–"Красавица и чудовище!" – поправляю я, высунувшись из-за двери.

–Юрий! Прекрати ерничать! – грозно отзывается отец.

Я быстро захлопываю дверь.

За ней молчание. Кажется, занавес опустился.

Но тут дверь приоткрывается, стукнув меня по лбу, и влезает лохматая голова доктора Дагмарова:

–И совсем не то, чудовище, что с красавицей, а то, что "огло" и "лай".

Дверь тихо и плотно вжимается в паз.

Я не берусь объяснить, почему два таких разных по возрасту и характеру человека, как мой отец и доктор Дагмаров, сблизились после знакомства в больнице... Написал и подумал, что нужно сразу оговориться: они – натуралы. Стоян так просто "Дон Жуан". Говорят, раньше, если одинокие мужчины дружили, то никому в голову не приходило называть их "голубыми". А в наше время только это всем в голову

и приходит. Поэтому на вопрос, кем мне приходится Стоян, я отвечаю – "дядя".

Теперь у меня родственников – своих кровных и Стояна – как у косоглазого друга Винни-Пуха: полк и еще шеренга. И что удивительно, многие живут в Меатиде, малороссийском Приазовье: и украинцы, и русские, и болгары, и поляки. Настоящий Вавилон!

А в городе на реке Берде, где живет самый старший и любимый папин родич Вадим Иванович Львов – все говорят на таком странном жаргоне, что украинцы принимают его за русский язык, а русские – за украинский.

Дядя Вадя, как я его называю, – это уютная копия отца. Ну, вот точно такой же, только гораздо ниже ростом и старше. Я не жалею, что мой папа может быть украшением баскетбольной команды. Но не все же утыкаться носом в пряжку на его ремне. Хочется уже и плечом к плечу постоять и в глаза не снизу вверх посмотреть.

Стоян называет дядю Вадю "вечным комбатом Второй мировой", а квартиру Львовых рядом с портом – "Домом у моря".

Когда я в младенчестве совершал в "Доме у моря" какую-нибудь оплошность, отец жутко переживал, беря вину на себя. Ему казалось, что, разбивая рапан на подставке или поворачивая не в ту сторону парус на декоративном корабле, я просто-таки меняю ход истории. Он не наказывал меня и даже не говорил каких-либо особенно строгих слов, но его

волнение передавалось мне, и я то впадал в состояние крайнего возбуждения, то плакал и капризничал.

Стоял в таких случаях поступал не лучше. Он давал мне по рукам и выставлял за шиворот в коридор, заявляя, что в приличный дом такого "шмендрика" даже на порог нельзя пускать. (Тоже словечко откуда-то выискал!).

И только мудрый дядя Вадя ласково обнимал меня за плечи и говорил:

—Ну, и шо вы хотите от ребенка? Помазать одно место клеем и на стул посадить? Нашлись тоже Песталоцци на его голову.

Потом он уводил меня в "детскую", из которой давно улетели в далекие края два его замечательных и ученых сына, укладывался на широкий диван и говорил:

—Ну, давай, родненький, неси своего "Ушастика" и плед прихвати.

Мы уютно устраивались под штопаным красно-черным шотландским пледом, и дядя Вадя с большим личным интересом читал мне о приключениях чешского игрушечного медвежонка.

Это были, пожалуй, самые тихие и спокойные минуты в моем раннем детстве. Я успокаивался и засыпал, уткнувшись в теплый бок дяди Вади, а когда просыпался, все неприятности – реальные и надуманные – оставались в далеком и уже забытом прошлом.

Я никогда не называл его дедушкой, но, про себя, думал

именно так.

Жену дяди Вадима – Эллу Ивановну – я побаивался. Она преподавала английский язык в институте и очень точно и твердо знала, что плохо, а что хорошо, что ей нравится, а чего она терпеть не может.

Тетя Эля назидательно учила меня, как надо обращаться с игрушечными машинками, и так же обстоятельно объясняла дяде Вадиму недостатки технологического процесса на заводе, где он был директором.

У нее была энциклопедическая память, и беседы с папой были для обоих просто праздником.

– Это же Мещерский! – говорила она, обсудив все культурные и научные новости в жизни большого города с жадностью провинциального интеллигента.

– Это же Мещерский! – повторяла она уже с другой интонацией, круто сдобренной иронией, когда упиралась в "железобетонную" отцовскую щепетильность.

Стояна она обожала. Только для него делалось исключение, и он мог существовать в этом доме на правах родственника, как угодно долго. В других случаях звучало непререкаемое:

– Три дня – гость. А потом пусть устраиваются, как хотят. Я не собираюсь менять свой образ жизни и лишаться приобретенных удобств из-за кого бы то ни было!

Потому сверх деликатный отец, к которому эти слова не относились, на четвертый день брал меня в охাপку и съезжал

к рыбакам в поселок у маяка. А "Балканский завоеватель" Стоян наслаждался благами цивилизации и морем в "одном флаконе" под крылышком тети Эли сколько хотел. И это при том, что южная кровь постоянно провоцировала обоих на горячие перепалки по поводу того, как готовить "манжо, солить кавуны, кто лучший нападающий в "Колосе" или защитник в "Днепре", хороший ли голос у Соловьяненко, и, вообще, "эта медицина, она хоть чем-то отличается от ветеринарии?".

Только своих детей тетя Эля любила во всяком возрасте. Людей младше пятнадцати лет она вниманием не удостоивала, не признавая за ними право быть личностью.

У нее были красивые золотистые волосы, волнами ниспадающие ниже пояса. Они были похожи на золотое руно из мультика об аргонавтах. Тетя Эля мыла их яичным желтком, потому что не признавала ничего ненатурального ни в еде, ни в жизни вообще.

К тете Эле Вадим Иванович относился, как добрый лев к любимой укротительнице: притворялся ручным и выполнял ее капризы исключительно по собственному желанию.

Тетя Эля говорила одно, дядя Вадя соглашался и делал другое, но как-то так, что оба были довольны, и ссор я не помню. Правда, голос тети Эли звучал всегда громко, а дяди Вадин был почти не слышен.

В этом году дяде Вадиму исполнялось семьдесят пять лет. И отец решил непременно с ним увидеться. Мы ведь не были

в Доме у моря пять лет, а там многое изменилось. И самое главное – не стало тети Эли. Когда это случилось, туда летал один папа.

Теперь дядя Вадим жил вместе со своим старшим сыном Геней, ровесником отца. Он тоже был биологом, как папа, и долгое время работал на какой-то научной горной станции возле Алма-Аты. Геня часто, хотя и ненадолго, навещался к нам, и я звал его "дядя Йог". Все из-за того, что на одной из фотографий, присланных отцу, Геня в плавках сидел на склоне снежной горы, и ноги у него были сложены кренделем.

После юбилейного застолья отец пробыл с нами, вернее в обнимку с дядей Вадимом, всего три дня, а потом вылетел в Питер на какой-то симпозиум. Ну, а меня решено было оставить на десять дней со Стояном, хотя август оканчивался и начинался учебный год.

После отъезда папы Стоян объявил мне, что хочет дня на три смотаться к друзьям в Приморск. Будь это пять лет назад, как бы я рад был побыть наедине с дядей Вадей. Но теперь я испугался чего-то нового и непонятного мне, что поселилось в этом Доме, и от чего мне хотелось убежать и укрыться...

В этом любимом мной "Доме у моря" как будто бы ничего не изменилось: не сдвинулся с места ни один стул, не пропала с полки ни одна книга. Но я помнил этот дом живым, теплым, с виноградной лозой в окнах вместо штор, со смешными

ми дверями, которые или двигались по рельсам, как в поезде, или складывались гармошкой. Книжные полки украшали диковинные раковины, коралловые кусты и веселые кораблики с разноцветными парусами.

И по всему Дому разносился громкий голос тети Эли.

Теперь это был печальный виноватый Дом, который стыдился того, что пережил хозяйку. Он тускло отражался в застекленных портретах тети Эли, и даже юбилейная суматоха не изменила его настроения.

Дядя Вадим прятал за темными очками свои печальные глаза, ставшие старческими, и при разговоре невпопад кивал головой. Он почти полностью потерял слух. Испугавшись этих перемен, я не находил себе места от какого-то внутреннего волнения и просто не отлипал от Стояна, который, по моему, и сам чувствовал себя не в своей тарелке.

Геня разрешил мне играть в последнюю версию "Цивилизации", снял с полок добрый десяток томов из моей любимой серии "Фэнтази", но мне все было не в радость. Посмотрел название одной из книг Лукьяненко "Мальчик и тьма", и меня замутило. В компьютере отходила какая-то пайка, и все время приходилось стучать, чтобы вернуть изображение на монитор. Чем больше я стучал, тем меньше мне хотелось играть.

Геня изредка подходил ко мне, спрашивал ласково:

– Ну, что, родненький, не скучаешь?

Я фальшиво улыбался и отвечал:

–Спасибо. Нет.

А самого до холодка в животе тревожил пристальный Геннин взгляд, так похожий на прищур тети Эли. В этой комнате было особенно много ее портретов. На снимках тетя Эля была молодой и веселой, и я никак не мог поверить, что это она лежит там, в земле, на высоком холме над речкой, куда возил нас дядя Вадим.

Накануне отъезда Стояна в Приморск я поздно уснул, а среди ночи вдруг проснулся мокрый, как мышь. Не от жары, а от приступа безотчетного страха. Задыхаясь, я сполз с постели и на дрожащих ногах добрал до дивана, где спал Стоян.

–Стоян! Стойко! – я тряс его и трялся сам.

–А? Что? Юрка? Что случилось?

–Стоян! Не оставляй меня здесь одного! Я чувствую... У меня предчувствие...

Стоян помотал головой, сел и притянув меня к себе.

–Что-то приснилось?

–Нет! Нет! Я просто боюсь...

–Чего, дурачок?

–П-п-портретов... – только и смог выговорить я.

Стоян помолчал, потом встал, обнял меня за плечи и повел в ванную. Там поставил под теплый душ, а затем, закутав в купальное полотенце, взял меня, как маленького, на руки, принес на кухню и посадил на табуретку. После этого без единого слова поставил на огонь чайник. Пока вода закипала, Стоян очень буднично вынул из шкафа две чашки, нашел

к ним блюда и стал разыскивать сахарницу.

– Не знаешь, где сахар? – спросил спокойно.

Я показал рукой на полку над холодильником. Голос еще не слушался меня. Стоян налил в чашки холодную заварку, кипяток, размешал сахар и, придвинув одну ко мне, стал невозмутимо потягивать горячий чай из своей.

Так мы и сидели молча, пока чашки не опустели. Потом Стоян вымыл их, поставил в сушилку, и мы возвратились в "детскую". Там, подтолкнув меня к своему дивану, он сказал:

– Ложись к стенке.

Проснулся я поздно. Один. Прислушался. Из гостиной доносились голоса Гени и дяди Вадима, работал телевизор.

Я оделся и, не зная, где Стоян, некоторое время стоял перед дверью, не решаясь ее открыть. Наконец, не выдержал и вышел в коридор. На звук раздвигаемой, как в купе, двери туалета из гостиной выглянул Геня:

– А... Ореховый Соня проснулся...

И тут же потеснился, пропуская Стояна.

– Давай, матрос, умывайся поскорее и за стол. Нас с тобой рыбаки на Косу пригласили. Виталик тебя уже ждет не дождется.

– Может, ты его здесь оставишь? – сказал Геня. – Я бы с ним позанимался или устроил бы в свою школу. Все-таки седьмой класс.

Я похолодел, не смея даже взглянуть на Стояна, чтобы Геня не понял, как я отношусь к его приглашению.

–Этого диверсанта... в школу... сопредельного государства?! Не хватало ноты протеста от вашего МИДА!

И хотя Стоян при этих словах засмеялся, я понял, что одного меня он здесь не оставит. Это решено.

Пока я умывался, завтракал, пока ждал, когда Стойко соберет наши вещи, я все пытался разобраться, что со мной происходит.

Мне вспомнилось, как я разглядывал средневековую картинку из школьного учебника. На ней был изображен путник, который высунул голову через дырку в небесном своде и с изумлением глядит за край Земли. Вообще-то я тогда тоже удивился тому, что там увидел: облачка какие-то и пара колес от телеги.

Но сейчас мне было не до шуток. Тетя Эля ушла за край земной жизни, и я не мог думать ни о чем другом.

Этот Дом... этот дом с виноградными лозами вместо штор смотрелся без нее театральной декорацией. Живым казался только Генин стол в детской с виртуальной реальностью на экране монитора.

А что чувствовал папа, когда мы вернулись из больницы без мамы? Я ведь ее так и не вспомнил...

Когда я смотрю на фотографию в старинной рамке, которая стоит на отцовском столе, я узнаю на ней только папу, хотя и с трудом. Такой он на ней веселый и молодой. Про остальных я просто знаю, что красивая девушка с длинными темными волосами – моя мама, а толстый лысый младенец с

бессмысленным взглядом – я.

Неужели... неужели папе не страшно вот так жить и думать, что эта жизнь может внезапно оборваться? У него... у Стояна...у ...

Я так увяз в этих печальных мыслях, что даже обрадовался, когда Стоян обозвал меня захребетником и велел уложить в рюкзак зубные щетки и еще что-то. Чтобы "ускорить процесс", он даже вытянул меня полотенцем пониже спины.

Геня проводил нас до «парка лейтенанта Шмидта» и усадил в микроавтобус.

Пассажиров было мало, шофер скучал на лавочке у ограды, и Стоян убедил Геню не ждать нашего отъезда. Мы расцеловались, и он ушел по своим делам.

Я уселся на сидении лицом к водителю и с удивлением уставился на металлическую табличку с надписью:

"Хлопнешь дверь – умрешь от монтировки!"

Уяснив смысл надписи, я не удержался и фыркнул. Стоян, сидевший напротив меня, удивленно спросил:

–Ты что хрюкаешь?

Тут меня затрясло от смеха. Кроме того, что надпись была более чем странной, я еще был взвинчен всеми своими ночными и дневными страхами и потому не мог выдавить из себя ни одного членораздельного звука, а только указал рукой на табличку. Стоян прочитал и покачал головой:

–Приколы города Урюпинска.

В это время в автобус забралось сразу несколько пасса-

жиров. Шофер метко выстрелил окурком в урну и, лениво переваливаясь с боку на бок, направился к кабине. Он уже поставил ногу на ступеньку, когда в открытой двери салона показалась худая старушка в рваных кедах на босу ногу. Она вопросительно посмотрела на водителя и только успела спросить: " А льготы, сынку...", как водитель, устраиваясь на сиденье, кинул ей кирпичом:

–Бабка! Ты шо, слипа? Чытать умееш? Это ж загородний рэйс!

И раздраженно изо всех сил хлопнул дверью.

Стояна так и подбросило в кресле. Он ловко левой рукой помог глуховатой старушке устроиться в салоне, а правой крепко ухватил водителя за плечо и, повернув голову в профиль, как на египетских фресках, отчеканил:

–А ты, крутой, умееш? Помнишь о монтаровке?

Шофер глянул в жгучие глаза доктора Дагмарова и так газанул, что нас откинуло на спинки кресел, как космонавтов при взлете.

Минут через десять мы выехали на Косу – узкую полосу песка, уходящую далеко в море. По одну ее сторону сонно плескалась вода в заливе, укачивая уток, собравшихся к отлету на Юг. По другую – волновалось море, покрывая берег пенным кружевом. На небе не было ни облачка. Вдоль дороги серебрились рощи диких маслин. У самой воды под разноцветными зонтами возились дети, а рядом в самых нелепых позах лежали недвижимые тела взрослых.

На горизонте медленно тащился длинноносый сухогруз, а от берега в открытое море, кренясь бортом, спешила белая яхта.

В автобусе тихо переговаривались белорусы. Я расслышал:

"гэта", "тяглык", "диети"...

Шуршали шины по разогретому асфальту, я сидел и, как видеокамера, фиксировал все, что проплывало мимо меня в окне. Разомлевшего от жары Стояна подбрасывало на кресле и он, теряя равновесие, наклонялся и упирался ладонью в спинку моего сиденья...

И вдруг меня охватило острое чувство беспричинной радости. словно невидимая рука схватила меня, как зайца за уши, встряхнула и пробудила от тяжелого сна. И я, как будто впервые, увидел и это выцветшее от зноя небо, и это синее море, играющее в пятнашки с солнцем, и храбрую рыбацкую моторку, отважно прыгающую по волнам, и такую родную руку Стойко со шрамом на запястье. И все это было моим – весь этот мир, вся эта красота. И любовь Стояна, дяди Вади, Гени... И папа приедет из Питера...

Я просто захлебнулся от нахлынувших на меня чувств и, чтобы перевести дыхание, уткнулся в стекло.

Когда мы приехали на конечную остановку недалеко от маяка, Стоян помог старушке выйти, а потом бросил на сиденье рядом с шофером гривню – плату за проезд без льгот.

Мы уже долго шагали по тропинке между камышами, уда-

ляясь от автостоянки, а я все еще чувствовал на своей спине злобный взгляд "шефа", прошивающий нас Зингеровской строчкой.

Вдруг Стоян оглянулся на меня и сказал насмешливо:

–Помог бы старушке выйти... ты... Вертер!

Вот всегда так. Скажет как припечатает.

Узнавай теперь, кто он такой, этот "Вертер"!

“У рыбаков”

Когда мы со Стояном вынырнули из высоких жестких зарослей камышей, то оказались на берегу зловонного лимана. По краю его была проложена узкая тропа, небрежно вымощенная осколками битых кафельных плит. И тут мы сразу же увидели Светлану Ивановну – статную, не по южному белокожую, с бушменской копной светлых волос. Она энергично взбиралась на кучу строительного мусора у дома напротив. На ногах у нее были старые галоши на босу ногу, короткое яркое платье открывало полные круглые колени. Несмотря на то, что ей приходилось выбирать, куда поставить ступню – на железный обломок бетонной арматуры или погрузиться в зловонную жижу каких-то пищевых отходов, она мгновенно отреагировала на наше появление из-за камышовых кулис:

–Ой! – крикнула она и с той же скоростью, с которой взбиралась на Анапурну из мосора, стала спускаться вниз.

–Хорошо, что успела вас увидеть!

Светлана Ивановна была почти одного роста со Стояном. Она обняла его одной рукой, а другой – притянула меня к себе. Я потерял равновесие и неловко уткнулся ей в живот.

– Ну, вы просто прелесть, Стоян Борисович! Ну, все такой же молодой и красивый! А Юрочка, Юрочка... Вот уж Виталик обрадуется. А я до наших спешу. У них же бригада, а Тимофей в городе, так взяли Васю. А он после вчерашнего,

ну никакой. Они с "крышей" гуляли. Так хлопцы ничего, а этот вышел злой как черт. Да машина еще неисправная, на тележку придется все нагружать и тащить. Думаю может помогу чем.

Стоян опустил сумку на землю.

– Светлана Ивановна! Вы возвращайтесь, а я пойду помогу.

– Не-е... Вы же не найдете. Они сейчас лодки в другом месте держат. А вообще, если есть желание, можем вместе пойти. А Юрочка пусть с вещами во двор идет. Там Таня. Вы же знаете, наверное, от Гены. Два месяца уже осталось.

– Так, – сразу же отреагировал Стоян. – Дуй во двор, командир, становись на постой. Без меня, чтоб и нос за ворота не высовывал! Ясно? Иначе голову оторву!

И не успел я сообразить, что ответить, как под невообразимый визг и лай кривоногих косяцких уродцев и бляение коз Светлана Ивановна и Стоян преодолели мусорную высоту и скрылись в кукурузных джунглях.

Я вздохнул, ухватился за ремень сумки и поволок ее к калитке. Снаружи все было как раньше.

Белые жестяные чайки на голубых воротах, шиповник у ограды, длинноногие поросли разноцветных мальв у сарая.

Я отворил калитку и шагнул за порожек. И сразу же просто оглох от злобного лая посаженной на цепь беспородной собаки, слегка смахивающей на немецкую овчарку.

Это было уже не то, чтобы незнакомое, но просто-таки чу-

жеродное явление для этого дома. Пять лет назад мне навстречу выкатился бы целый выводок звонкоголосых собачонок: Кнопа, Джеб, Муха и, конечно, отважный сэр Тобиас, размером с пакет молока.

Ну, была будка. Была даже довольно большая собака Джулька, но бегала она, где хотела, и на цепь ее не сажали.

И вдруг вместо этих веселых собачьих лилипутов и Джульки – цепной пес!

Рядом с собачьей будкой – еще одна новая будка, железная, для старенького "жигуленка" Василия Ивановича. Рядом с ней на шестах висели нейлоновые сети.

Ну, а все остальное, похоже, без особых изменений. Плоскую крышу кухни продолжал легкий настил из реек, покрытый с одной стороны старым брезентом. По углам он держался на деревянных столбах, соединенных низеньким заборчиком, на котором развешивали вымытые кастрюли и банки.

Самое главное под кухонным навесом – неглубокий колодец с ветхой крышкой, куда сквозь песок просачивались и обессоливалась морская вода. Внутри него были сделаны полочки, где, как в холодильнике, можно было хранить рыбу и даже кастрюли с борщом.

Над колодцем сетку из реек густо оплетали виноградные лозы. Брезент туда не доставал. Его хватало только, чтобы закрыть от солнца стол у входа в кухню. Ножевые порезы на клеенке, покрывающей его поверхность, обнажали прямо-таки археологические напластования из прежних кле-

нок, потому что они не заменялись по мере истирания и изрезания, а накрывались новыми. Значит, где-то в глубинах этих исторически-клеенчатых слоев сохранялась и та памятная, с островами и пальмами, за которой мы с Виталиком давились манной кашей на козьем молоке. Век не забуду этой гадости! А нам еще голову морочили, что мы от нее станем "такими же большими, как дядя Роман".

Как же! Стали! Во мне чуть больше полутора метров будет, а Виталька, похоже, еще ниже. Так, во всяком случае, сказала Светлана Ивановна. И это в 7-то классе!

Вокруг стола были по-прежнему расставлены крепко сбитые табуретки, выкрашенные "половой" коричневой краской и коварные лавки. Забудешься, сядешь на край – и загремишь на землю.

Пока я осматривался, собака перестала лаять, потеряв всякий интерес к сумке, которую я поставил у нее под носом на курчавые заросли спорыша. Насколько я помнил, туда сливали "сладкую" воду после стирки, эту местную разновидность "бальзама – ополаскивателя" для сорняков. Итак, выполнив свой долг, собака забралась в будку. А я, по привычке многолетнего читателя "Миши" и "Трамвая", продолжил искать "10 отличий»" в знакомой картинке. Смотрел – смотрел, но увидел только четыре: новую раковину под жестяным бачком для умывания, новую детскую ванночку у кухонной стены, клеенку на столе да яркое пластиковое ведро для мусора.

– Отдыхающий! – вдруг услышал я за спиной тонкий голосок. Я оглянулся. Позади меня стояло метровое существо, похожее одновременно на японскую куклу и Арлекина с челкой пуделя Артемона. На тоненьких ножках были надеты зеленые коротковатые легинсы, с которыми уживалась красная юбочка и голубая полосатая футболка.

На круглой румяной мордочке сверкали большие чуть раскосые черные глаза. Темные прямые волосы с неровно постриженной челкой опускались до плеч.

– Так вы отдыхающий? Да? – переспросило существо, переступая с ноги на ногу и, почесывая искусанные комарами места тыльной стороной пляжных босоножек на липучках.

– А ты-то кто?

– Я... Я... Витрина.

– Ну да?! – удивился я. – Разве есть такое имя? Может ты Виктория?

– Нет! Я вспомнила – Викторина! Викторина! Таня! Скажи отдыхающему, что я Викторина!

Из открытой настежь двери дома выплыла Татьяна – младшая дочка Светланы Ивановны. В длинном темно-бордовом халате, расписанном турецкими огурцами, она бережно несла впереди себя огромный живот. Только теперь до меня дошел смысл сказанного о каких-то двух месяцах.

– Та это ж не "отдыхающий", это ж Юрочка! Здравствуй! А Стоян Борисович где?

– Здравствуйте. Стоян со Светланой Ивановной пошел.

– А ты догадался, кто это тебя встретил? Это Виталькина сестричка. Когда вы были у нас, она еще только в проекте у Натальи была. Как мой сейчас. Ее Вика зовут. Димка, тоже! Выдумал такое! Виктория Дмитриевна! А мы с мамой все забывали и у нас то Виктория выговаривается, а то Викторина.

Татьяна крупными пальцами мягкими, как у тряпичных кукол, взяла меня за плечи.

– Вот уже Виталик тебе обрадуется. Он на Оголовке сейчас, с другом, скоро явится. А ты на отца стал очень похож.

От Татьяны нежно пахло молоком, как будто она принимала молочную ванну. Из глубин моей памяти вдруг всплыло воспоминание о каком-то очень похожем запахе. И мне (о ужас!) вдруг захотелось уткнуться лицом в манящую нежный душистой испариной ложбинку на ее груди. Я понимал, что это приступ какого-то безумия, перепугался, вдруг Татьяна догадается об этом, и жутко покраснел.

И все из-за фокусов моего дурацкого носа!

То, что он у меня какой-то не такой, папа обнаружил, когда я ходил в детский сад. Однажды мне дали за обедом ложку, я ее понюхал и не стал есть сладкую кашу.

– Почему не ешь?

– Ложка рыбой пахнет.

Дали другую.

– И эта!

Оставили без второго, пожаловались папе на капризы и упрямство.

Папа пристально посмотрел на меня и не увидел на моем лице ни тени смущения.

Тут вмешалась повариха:

– Я этими ложками вчера рыбу с противня снимала. Но они мытые, вы же видели.

– А вы дайте ему несколько ложек: мытых после рыбы и каких-нибудь новых что ли.

Это в папе заговорил экспериментатор.

Дали.

Я, как щенок, понюхал и определил, где какая.

Стоян долго смеялся, узнав об этом. Он принялся рассматривать мой нос через лупу, а потом сказал:

– Смотри ты! Нос та-а-кой маленький, а нюх – такой "острый".

Это он меня пародировал.

Татьяна моего смущения, слава Богу, не заметила и продолжала:

– Ну, ладно, неси вещи в летний домик, а я чайник на газ переставлю. На плите он до вечера не нагреется.

Она улыбнулась и ласково посмотрела как бы сквозь меня. Нередко мне очень хотелось, чтобы такой взгляд был у Стояна. Потому что, как бы строго Татьяна не говорила со мной и Виталиком, глаза ее постоянно от нас отвлекались и напоминали, что долго сердится на нас она не будет: у нее есть дела и поважнее. А вот, когда Стоян тебя припечатает словом, а потом пригвоздит немигающим взглядом черных

глаз, так сразу поймешь, что "приговор окончательный и обжалованию не подлежит".

В летнем домике, который мы раньше делили с множеством пауков и паучих, все было, как раньше. Только вентилятор повесили над дверью.

Я сел на самую большую кровать, которая раньше считалась "моей". Конечно, я предпочел бы отправиться на поиски Виталика, а не общаться с этой неожиданно для меня появившейся Викториной. Но ведь Стоян слов на ветер не бросает. Устроит тут шоу! Размышляя над этим, я не заметил, как рядом со мной очутилась Вика и стала подпрыгивать на скрипучей кроватной сетке.

– Отдыхающий! То есть Ю-ра! Ты будешь вещи развешивать, ну, полотенца там, одежду всякую?

– Что? – я воззрился на нее с недоумением.

– Видишь – гвоздики? Их дедушка Вася набил, чтобы одежду весить.

Я вздохнул, слез с кровати и раскрыл сумку. Девчонка присела рядом с ней и с любопытством принялась разглядывать ее содержимое.

В общем, из моего в ней было только два полотенца и ветровка. Поэтому, вынув их, я закрыл сумку и засунул ее под кровать.

– А чево ты остальное не вынимаешь?

– Потому что там не мои вещи.

– А чьи?

– Любопытной Варваре...

– Так Таня ж тебе сказала, как меня зовут? Да? А ты за-
был?

Я не стал заканчивать поговорку и решил выйти на улицу.

– А в рюкзаке это твои вещи или тоже не твои?

– Ну, какая тебе разница!

– У Виталика тоже рюкзак есть, только он зеленый, и тут
вот карманчик.

Он в него книжки сует и тетрадки. А у тебя есть книжки?

– Есть... есть... Давай выйдем отсюда. Я потом с вещами
разберусь.

– А конфеты у тебя есть? Меня все отдыхающие угощают,
а я отказываюсь.

– Не знаю. Есть, наверное. Это у Стояна нужно спросить.

Я выбрался наружу и тут же в испуге шарахнулся в сторо-
ну. Рядом со мной шмякнулась и разбилась в лепешку здо-
ровенная груша. Ну, просто как бомба разорвалась.

– Мальчик, тебя Юра звать, да? Ты не пугайся! Они все
время падают и падают, а мы убираем и убираем.

В конце дорожки у бочки с дождевой водой появилась Та-
тьяна.

– Ну, познакомились уже? Идите чай пить, пока рыба до-
жаривается. А как наши придут, будем завтракать.

Неожиданно девочка, кокетливо улыбаясь, взяла меня за
руку и повела к столу.

Я попытался освободить руку, но не смог вырваться из

цепких липких пальчиков.

Неужели и мы с Виталиком были когда-то такими же настырным, как это существо?

Бедные взрослые!

Окончательно растерявшись, я плюхнулся на край скамейки, но вовремя спохватился и передвинулся на середину. Хорош бы я был, скатившись под стол у "Витрины" на глазах.

– А Виталик скоро придет?

– Скоро, скоро... Вика, выгляни за калитку. Может они у Макарыча кирпичи бьют с Коляном.

Вика-Виктория-Викторина выбежала на улицу, разбудив мирно дремлющего Рекса. Он вскочил на ноги и стал носиться вокруг будки, гавкая и звеня цепью, как целая колонна кандалников.

– Рэ-э-кс! – пропела Татьяна. – Ну, тихо. Успокойся.

Собака остановилась, как вкопанная, постояла немного, а потом как-то сразу обмякнув, залезла в будку и затихла.

Тут с улицы донесся писклявый Викин голос:

– Та-а-ня! Макарыч сам грузила делает, а Виталик с Коляном под забором у лужи просто так сидят.

Не успела Вика добежать до Виталика, как, увидев меня, тот вскочил на ноги.

– Юрка!

Мы неловко обнялись. Левая рука Виталика, с какой-то красной опухшей кистью, была прижата к груди. Он мало изменился. Худой, мосластый, с короткой темной челкой над

восточными, как у сестры, глазами. И ростом он был по-прежнему на два пальца ниже меня.

– Знакомься – Колян!

Рыжий с красным облупленным носом Колян, сидевший на корточках, даже не привстал, а только головой кивнул, гоня в лиманной лужице крохотных рыбок.

– А что у тебя с рукой? – повернулся я к Виталику.

– Та накололся, когда куклу выламывал. Ночью дергало – спать не мог. А ты чего так поздно? Или на сентябрь останешься? Говорят, у вас в некоторых школах позже занятия начинаются. В лицах каких-то.

Мы уже возвращались к дому, а впереди нас на одной ноге в облаке пыли скакала Вика.

– Да нет, у нас обычная школа. Стоян в Ногайск поедет на неделю, а я его здесь буду ждать.

– А ты брата Коляна не помнишь? Пашу? Ну, мы ж с ним и твоим дядькой на кладбище кораблей были.

– Помню, что были, а с кем – не помню.

– Так вот пропал его братан в море. Они в тридцати километровую зону ходили зимой. Море ж так в этом году и не замерзло. Ну, пошли в декабре и все. Не вернулись. Он и Серега Чернов. Только-только из армии дембельнулся.

Я оглянулся через плечо. Колян продолжал сидеть на корточках перед лужей, в которой шарахались из стороны в сторону косяки микроскопических рыбешек. Такая крошечная модель океана.

Услыхав, что калитка открывается, из будки опять выскочил Рекс и стал со злобным лаем кидаться на нас.

– Во дурной! – раздраженно сказал Виталик и сплюнул в его сторону.

– Послушай, а где Мушка, Кроха? Сэр Тобиас?

– А-а-а! Когда баба Киля в больницу слегла, она их знакомым раздала. Ну, а после... Тобика в Донецк увезли, Мушка сбежала от хозяев и сгинула где-то. А Кроха у сторожа на Маяке осталась. Щенки у нее там.

– А Рекс откуда?

– Дед приволок. Кусается, зараза! И батю недавно за ногу ухватил, и меня куснул.

– А Таню он ни-ког-да не кусает! – объявилась Викторина. – Она его кормит.

– Ну да, Таня кормит, а батя кусок изо рта вынимает!

Вика задумалась и стала носком босоножки ковырять землю. Потом вскинулась:

– А Таня ему стишки читает...

–.. а он ей песни поет! – заржал Виталик.

Словно откликаясь на разговор о себе, из кухни выплыла Татьяна:

– Что-то задерживаются наши, идите чай пить... Молодеж!

Виталька залпом выпил уже успевший остыть чай и потащил меня за кухню к зарытому в землю баку с питьевой водой, чтобы поболтать наедине. Уселись на крышке.

– Послушай, ты Децла видал?

– Ну, как и ты, по телеку.

– Жалко, у меня рука болит, а то рванули бы вечером в Дыру.

– В "Дыру"? Что это?

– Дискотека на Средней Косе.

– На "Бригантине"?

– Не... ближе. Километров шесть будет. Мы пешком туда ходим. А пацаны из города все двенадцать топают, если на тачку не скинутся.

Ты посмотрел бы наших рэпперов. Такие есть! Не уступят вашим, столичным. Я здорово рэппом увлекаюсь. А ты?

– Нет. Я вообще на дискотеки не хожу.

– Ладно, если задержишься – приобщусь. А правда, что Децл в школу на "Ямахе" ездит.

– Правда.

– А как же телохранители?

– Не знаю. Видел по телику каких-то лбов. Может они с ним только на концертах.

В это время из-за угла, путаясь в ворохе старых сетей, выползла Вика, держа правую руку на весу. Стреноженная веревками, она не один раз плюхалась, как каскадер, на мягкую подстилку, но каждый раз ловко выпутывалась и поднималась на ноги. Очутившись рядом с нами, она разжала кулак:

– Вот, на, отдыхающий, то есть Юра. Это тебе от меня ириска. Я не жадная. Я тебе просто так ее отдаю. А у твоего

дяди правда есть шоколадка?

Не успел я придумать, как бы вежливей отказаться от липкого грязноватого комочка на Викиной ладошке, как Рекс пулей выскочил из будки и опять зашелся астматическим лаем.

– Наши! Во артист... лает... своих не узнает! – с досадой сказал Виталик.

Мы выбрались из своего закутка. Во двор въезжала целая процессия. Светлана Ивановна с пакетом в руке открывала ворота, через которые Стоян с дядей Димой волокли металлическую тележку на двух автомобильных колесах. Сзади ее толкали Василий Иванович и худой незнакомый парень в тельняшке.

– У нашей четверки аккумулятор сел, – объяснил он Татьяне. – Взяли тележку у Тимофея.

– Этот парень кто? – спросил я Витальку.

– Илья. Татьянин муж. Он с Донецка. Там работы нет, так он с батей в бригаде рыбу ловит.

Откровенно говоря, я испугался, что окажусь в центре внимания, и сразу же начнутся всякие дурацкие вопросы и замечания типа:

"как ты вырос", "как учишься", "кем собираешься быть"...

Но время шло, и я стал испытывать совершенно другие чувства. Как будто внезапно стал "Невидимкой". Все энергично занимались своими делами, не обращая на меня ника-

кого внимания. Стоял с дядей Димой уволокли в гараж сети и какие-то ящики. Виталька пристраивал на спину Илье мокрый мешок. Светлана Ивановна и Татьяна быстро накрывали на стол.

Один только раз, когда Василий Иванович пришел под навес сполоснуть руки, Светлана Ивановна сказала ему:

– Смотри, как Юра стал похож на Романа Ильича.

А он глянул на меня и хмыкнул рассеянно.

Единственным человеком, для которого я оставался источником неиссякаемого интереса, была Вика.

– Отдыхающий! – она мило, но делано засмеялась. – Ну, я никак не запомню, что ты просто Юра, да? Юра, ты с Виталиком будешь сидеть? Таня, я сдвинусь, чтобы Юра сел. Ты ему тарелку на мое место поставь.

Вскоре все собрались за столом вокруг огромной сковороды с жареной картошкой и рыбой. Рядом в миске вкусно пахли подсолнечным маслом из жареных семечек крупно нарезанные помидоры вперемешку с луком и зеленью.

Ели быстро, обмениваясь короткими, не совсем понятными мне фразами.

– Вася! – это Светлана Ивановна – Василию Ивановичу. –

"Крыша" придет – дашь ему из холодильника.

– "Крыша" у мэра гуляет, – это дядя Дима – Светлане Ивановне.

– Они "Аризону" обмывают, – дополнение Ильи.

Я тихонько толкнул Виталию в плечо и спросил шепотом:

– Это что еще за "крыша" такая?

– Та "Грыжа", ну Гриша Жариков. У него бар на Косе, так мы ему рыбу даром даем. Зато рэкет на нас не наезжает. У Грыжи все схвачено и на Косе, и в городе. Он нас крышует.

Светлана Ивановна в это время объяснялась со Стояном.

– Шо вам сказать, Стоян Борисович! Такой год невезучий. Теперь же в городе работы нет, так организовали бригаду и купили лицензию, а по ней тонну сулы сдавай задарма, да и "крышу" кормить надо. Тут еще погода... Штормит и штормит. Одних сетей сколько потеряли.

– Одиннадцать, – буркнул Василий Иванович.

– И за каждую отдай одиннадцать зеленых, – добавил дядя Дима, уже успевший поесть и теперь сгребаящий косточки в кошачью мисочку.

– И отдыхающих почти нет, – вздохнула Татьяна. – Раньше из Москвы приезжали, из Ленинграда, а теперь...

Стоян сидел напротив меня, ел и без комментариев слушал все, о чем говорилось за столом.

Несколько раз он внимательно посмотрел в нашу с Виталькой сторону. Слишком внимательно. Я подумал, что нарушаю какие-то правила "обеденного протокола". Но он вдруг отставил тарелку, перешагнул через скамейку и сказал тем тоном, которым говорил с больными и который требовал беспрекословного подчинения:

– Иди сюда, Виталик.

Виталик, вяло ковыряющий вилкой в своей по-прежнему

полной тарелке, поднял голову, но с места не сдвинулся.

– Быстро!

Светлана Ивановна с недоумением переводила взгляд с одного на другого. Потом отодвинула табуретку, стоящую на пути Витальки, и он, оберегая левую руку, неловко вылез из-за стола. Стоян плюхнулся на отставленную табуретку, пригнул Витальку к себе и стал осматривать его кисть, а потом осторожно ощупывать всю руку, даже футболку заставил снять.

– Давно нарывает?

– Та дня три, Стоян Борисович, – ответила за Виталика Светлана Ивановна. – А что?

Илья до того сосредоточенно обсасывающий хвост калканчика – мелкой местной камбалы – вдруг встрепенулся, вскочил и, упершись руками в столешницу, неожиданно громко сказал:

– Мать! Ты чё? Он же неделю назад, когда я тебя на рынок возил, этой рукой ничего взять не мог!! Во дает?!! Три дня!!!

Все замерли. Все – это я, Виталик и Стоян.

Василий Иванович рассеянно потыкав вилкой в тарелку, уже давно встал из-за стола и ушел в гараж. Дядя Дима подхватил и понес куда-то ведро с помоями. Вика кормила под столом котенка. Таня продолжала спокойно есть индивидуальную кашу, собирая ее круговыми движениями ложки по краю тарелки.

А Светлана Ивановна, неожиданно для меня, поднялась с

табуретки, повернулась к столу боком и, поджав губы, стала снимать с веревки над головой какую-то ветошь.

Илья продолжал стоять – худой, кадыкастый, с испариной на носу. Я не понимал, ни отчего он сорвался на такой крик, ни почему Светлана Ивановна явно боится ему ответить. Ища объяснения, я уставился на Стояна. Он крепко держал Виталика за плечи, и, наморщив лоб, переводил взгляд с Ильи на Светлану Ивановну, а потом на Татьяну.

Тут вдруг Таня совершенно спокойным и даже каким-то сонным голосом сказала, подняв голову:

– Ильюша! Мама не может в ее возрасте все помнить (Светлана Ивановна поджала губы и подняла глаза кверху).

А ты молодой, и у тебя хорошая память. Вот Виталик и то так точно не вспомнит, как ты. Сядь и успокойся.

Илья коротко вдохнул и, как ни в чем не бывало, сел и принялся за рыбу. Все ожило. Таня принялась окучивать свою кашу. Светлана Ивановна опустила ведро в колодец, Стоян принялся помогать Виталику, который натягивал на себя футболку. И только у меня кусок рыбы в горле застрял, и я зашелся кашлем, как престарелый астматик. Стоян, не глядя, пропихнул ко мне через стол чашку с водой, и я выхлебал ее на одном вдохе.

Тут вернулся дядя Дима.

– Та у Витали просто кровь меняется, – заявил он Стояну. – У меня в его возрасте еще не такие нарывы были! А один так возле носа – как раз в треугольнике жизни.

– Где?! В каком еще треугольнике?! – круто повернувшись к Виталькиному отцу, сказал Стоян.

– Ну – вот этот! – уже несколько растерянно стал объяснять тот, обозначая движениями руки треугольник на лице, в центре которого был нос, а вершина – на переносице.

Стоян осуждающе покачал головой:

– Дима! Виталика нужно срочно везти в больницу. У него гнойный абсцесс и, сам посмотри, уже лимфоузлы вспухли.

– Ой, Стоян Борисович! У нас же все платное, и так трудно устроиться!

– Это я на себя беру. Собирайте мальчика!

Расстроенная Светлана Ивановна увела Виталика в дом, туда же отправилась и Татьяна. Мне ничего не оставалось, как пойти в нашу хижину, улечься на кровати и ожидать Стояна. От жары меня разморило, и я даже вздремнул.

Разбудил меня голос Светланы Ивановны, отчетливо слышимый за фанерной стенкой. Судя по звукам, она собирала в ведро груши с трех самых ценных деревьев, которые росли на маленьком помидорном плацдарме за кухней.

– Стоян Борисович, шо я вам могу сказать. Сами же знаете, как я переживала за Таню. А он и ласковый такой, и преданный, и работающий. Вася ж очень изменился. Работы нет, он нервничает. Ну, выпьет лишнего. Димка тоже. Из-за Надежды. Представьте, оставила детей, живет в городе, как кукушка. Говорит, ждет вызова на биржу. А там, кто его знает. Так вот, что я хочу сказать. Мужики сети поставят, вылома-

ют и все. А огород? А курей же сколько, виноградник. Бычка ж держали. Если бы не Илья, я б уже ноги протянула. А Илья как? Все спят, а он сорняки дергает. И детей любит. Если что – за Викой приглядит лучше Надежды: и покормит, и спать уложит.

Ну, вот эти срывы у него, я и хочу спросить, чи скажется ли это на ребёнке?

– Сколько ему?

– Та двадцать три.

– Родителей знаете?

– Да нет их у него. Мать умерла, когда он был как Вика. Отец на шахте работал, каждый год новую мачеху приводил. А потом что-то там случилось, покалечился он на работе, и не спасли в больнице. Илья со старшей сестрой жил. Очень хорошая женщина, и ребенок у нее – девочка.

Илья в армии был, механиком при аэродроме, но списали его досрочно. Язву у него нашли.

Говорили из-за нервов. Так что вы скажите, Стоян Борисович, как врач.

– Да ничего. С возрастом пройдет.

– А новорожденное?

– А "новорожденное" будет здоровое и счастливое. В предложенной ему ситуации разумное дитя выбрало себе самую лучшую маму и самую надежную бабушку.

– Ой, ну вы и скажете, Стоян Борисович.

– Когда автобус, Светлана Ивановна?

– Через два часа. Мы ж как раз собирались с Татьяной в женскую консультацию. А теперь вот и Виталик...

А вы, может, еще искупаться в море успеете? Так неприятно получилось...

– Да не переживайте, Светлана Ивановна! Получилось так, как надо!

Спустя несколько минут взлохмаченная голова Стояна показалась в дверном проеме.

– А... ты здесь... Сумку мою не разбирал?

– Не успел. А у тебя там не найдется шоколадки какой-нибудь для этой девочки – "Викторины"?

– Найдется, найдется.

Стоян раскрыл сумку и достал пакет.

– Держи! Коробки – для Светланы Ивановны и Тани, а шоколадки – детям.

– Да, вот еще рубашка отца ко мне затесалась – сунь в свой рюкзак.

– Может, сходим на море?

– Нет. Не будем суетиться.

А ты вот что, сынок, я останусь с Виталиком, сколько надо будет, а потом смотаюсь в Приморск. Если захочешь – возвращайся в город.

– Нет!!!

– Тогда... так. Дядя Дима по пустякам доставать тебя не будет, но если что-нибудь попросит или запретит – выполняй немедленно. И в море – только до второго меляка и если

рядом будут взрослые. Обещай!

– Ладно, Стойко, ты не волнуйся за меня.

– Да, и еще... парень этот... Илья. Если не будешь падать в обморок при каждом удобном случае и вспоминать о своей голубой профессорской крови – все будет в порядке.

Виталик обедать не стал. Вика – Викторина привела меня в дом, где он, уже одетый в новые джинсы и футболку, лежал на кровати перед одним из трех телевизоров. Вообще в трех смежных комнатах стояло семь кроватей и так хитро, чтобы телевизор можно было смотреть с любой из них.

– Щас ваши про "Курск" расскажут. У нас здесь, что хочешь и что не хочешь поймать можно – сигнал через море идет. А в городе – "Киев" и то с помехами. На Косе все за ребят переживают. Тут же все рыбаки да моряки. Батя во Владивостоке четыре года служил, дед – в Севастополе.

Пришел дядя Дима, присел рядом:

– Что нового?

– Та ничего. Аппарат спасательный течением сносит. Про стук уже не говорят.

– А про помощь от норвегов?

– Вроде согласились.

– Не прошло и года... Адмиралам по пластиковому мешку на башку, так сразу б зашевелились. Людям же дышать уже нечем.

Ну, ладно, Виталя! Так ты ж смотри – все делай так, как врачи скажут. А я послезавтра подскочу. Болит рука?

– Та не очень.

– Ну, точно, это кровь меняется. Один к одному, как у меня.

Подхватился с раздраженно скрипнувшей кровати и вышел, шлепая босыми ногами.

– Юр! Ты если захочешь, попроси Илью, он для тебя мои сети на таранку и селяву поставит. Там за кухней корзина – возле велосипеда. Все уже "разобрано": и клячики, и якорь, и коловые веревки с сеткой, и грузики с поплавками.

Мне Илья все лето помогал. Я вечером ставил, а ночью выламывал. Заработал на брюки, кроссовки и еще ботинки купил за 80 гривень.

Сегодня Грэга задул, может, пойдет рыба. Эх, и неудачно же ты приехал.

Я засмеялся:

– Эх, и неудачно же ты заболел.

До остановки автобуса шли гуськом. Впереди выступала Татьяна в чем-то воздушном развивающемся на ветру, как парус у яхты.

За ней с обожанием в сияющих глазах, как бы даже над землей "плыл" Илья, ну и остальные шагали в затылок друг другу.

Даже "Викторина", которую, к моему ужасу, решено было оставить на Косе. Пока ждали автобус, Светлана Ивановна давала последние наставления Василию Ивановичу.

– Вася, ты ж смотри за детьми. За Вику я особо не беспо-

коюсь, но Юра ж стеснительный. А вы глаза зальете...

– Ну, мать, ну, ты чего? Мы их с Виталей женить скоро будем, а ты заквохтала.

– «Заквохтала»! Вот одного жениха уже везем в больницу!

Тут показался автобус, и инструктаж прервался.

Вечером все занимались своими делами. И даже Вика-Викторина убежала через дорогу играть в песочные куличики с подружкой.

Я и рад и не рад был своей свободе. Да еще вспомнил, как Стоян смотрел, припав к стеклу, будто уходил в далекое плавание, и это отнюдь не прибавляло мне бодрости.

Обошел огород, сад, вспомнил, где что было раньше. Нашел в зарослях крапивы старые качели. Столбы и железные палки были целы, а доска пропала.

Виноградник зарос сорняками. Кусты были низкие с какими-то ржавыми листьями и виноградными кистями, похожими на инвалидные культы. В той части дома, где жила бабушка Киля, разобрали печь, и комната превратилась в хранилище старых изорванных сетей.

Бабушка Киля...

Вика ее не знает... Когда она родилась, прабабушки ее уже не было в живых.

Бабушка Киля была высокая, костистая с суровым старообрядческим лицом. Огромные черные глаза, обведенные темными кругами. На голове в любую погоду темный платок шалашиком. Я ее боялся. Она казалась мне не человеком, а

ожившим сухим деревом: коричневые до черноты руки-ветки, босые ноги с ногтями, похожими на морские ракушки.

Раньше она была здесь главной хозяйкой. Все остальные жили и работали в городе, а на Косу переезжали летом.

Дачников с детьми она не пускала. Для меня было сделано исключение из уважения к дяде Вадиму, на заводе которого работали когда-то ее муж, а потом сын Вася и Светлана Ивановна. Я думал, что ей было сто лет, но папа сказал – "девяносто два". Впрочем, для меня это было одно и то же. Целый век!

Зашелестели листья, небо стало обносить серыми облаками. Быстро наступили сумерки.

Замигал маяк.

Тетя Эля, брат Коляна, ребята с Курска, баба Киля... мама...

Я чувствовал себя как солдат под обстрелом, взятый неприятельской артиллерией "в вилку" из рассказов дяди Васи. Вот-вот саданет по мне. Но прислониться было не к кому.

И я обрадовался, когда объявился дядя Дима, зажег свет в кухне и стал звать Вику от соседей. Потом дошла очередь до меня, Ильи и Василия Ивановича.

Дядя Дима ловко расставил тарелки с жареными калканчиками. Чай, как всегда здесь, я пил с трудом, хотя для него брали из бака специальную "сладкую воду», которую привозили на Косу в цистернах откуда-то издалека. Она, конечно,

не была такой соленой, как в местных колодцах, но все равно до нормальной речной ей было очень далеко. Видя мои мучения, Илья приволок из дому трехлитровую бутылку с компотом из груш, сделал "коктейль" с водой, и получился приятный напиток, которым я поделился с Викой. Василий Иванович и за ужином почти не ел, ворчал на всех вместе и по очереди и сразу же вернулся в гараж к машине, которую никак не мог починить. Потому что таскать туда-сюда сети, канистры, рыбу и еще кучу всяких вещей на тачке по песку было тяжело, а "четверка" никак не заводилась. И не верилось, что недавно купленный аккумулятор сел! А значит, свой же «косяцкий» рыбак так нагло его кинул. Потом все отправились к телевизору и принялись крутить ручки в поисках новостей о "Курске". На экранах плыла какая-то рябь. Если появлялось сносное изображение, то исчезал звук и наоборот.

– Погода меняется, – мрачно заявил Василий Иванович и повернулся к стене.

Вика играла с котами, и мне было совершенно непонятно, почему полосатого котенка она называла "Пушок", а громадного белого кота – "Малышом".

Дядя Дима и Илья, лежа на кроватях, громко комментировали все происходящее на экранах, а Василий Иванович мирно спал. Тут я впервые заметил, что левая стопа у него какая-то опухшая и в белых шрамах.

Дядя Дима проследил за моим взглядом и объяснил:

– У соседей лодка с катка сорвалась, так глиной ногу ле-

чили, как бабе Киле. Ты помнишь?

Еще бы не помнить!

Как сейчас вижу:

бабушка Киля со скорбным землистым лицом лежала, вытянувшись во весь рост, на печке. Одна нога у нее была в валенке (летом!!!), а другая – обмазана выше колена глиной. С тех пор я такой и представлял себе бабу-Ягу-Костяную ногу, хотя ни с кем не осмеливался поделиться своими наблюдениями. Наконец, Вика надоела обоим котам. Пушок сбежал, а Малыш нашел защиту у Ильи, рядом с которым улегся спать на спину, ну, прямо как Стоян!

Теперь "Викторина" принялась за меня. Она прыгала с кровати на кровать, кувыркалась на полу, пытаясь сделать стойку на голове, и всякое свое движение сопровождала вопросом:

– А ты так умеешь?

Дядя Дима и Илья в это время пришли к выводу, что после такого взрыва ничего хорошего ждать не приходилось, и про стук военные наврали. Потому что, если кто и спасся, в холодной воде при выключенном реакторе ребятам с "Курска" долго не продержаться.

Мне хотелось уйти в "хижину", но я был уверен, что Вика станет спрашивать:

– Ты спать хочешь, да?

Вообще, именно этого я и хотел, но признаться такой мелюзге?!!

Я сидел и злился, ну, почему ее не укладывают спать?!

Но с другой стороны, болтовня Виктории не давала мне погрузиться в печальные мысли, как "Курск" на дно Баренцева моря. Просто удивительно! Не первый год живу на свете, и сколько людей за это время погибло в катастрофах, ну и так... И о многих же я знал. О землетрясениях всяких, о взрывах домов. Дворник из нашего двора умер в прошлом году. У Маргоши не стало бабушки, у Левки – деда. Но вот все это как бы меня не касалось. А теперь, наоборот, всякое известие о несчастье пугает меня, как если бы я ждал, что буду очередной жертвой.

Тетя Элла, бабушка Киля, брат Коляна, ребята с Курска... А вдруг с Виталькой случится что-нибудь непоправимое?

Тут, наконец, пришел дядя Дима, принес таз с теплой водой и позвал Вику мыться. Я воспользовался моментом и выскользнул во двор.

С востока порывами продолжал дуть прохладный ветер "Грэга", небо еще гуще обнесло облаками теперь больше похожими на тучи. И только кое-где в просветах между ними пульсировали звездные маяки. Я вошел в "хижину", зажег свет и уселся на самой большой скрипучей кровати. Хотел раздеться и лечь, но сна как не бывало. Пожалуй, впервые мне неудобно было оставаться один на один с самим собой. Я чуть не смалодушничал и хотел было опять вернуться в дом, но тут открылась дверь и через порог шагнул Илья. Он держал в охапке огромное ватное одеяло в веселом ситцевом

пододеяльнике. Положив эту гору стеганой ваты на пустую кровать, он сказал:

– Мать велела отнести тебе на всякий случай. Ночи теперь прохладные. А ты не забоишься один спать?

Я отрицательно покачал головой, испугавшись, что слова могут прозвучать неубедительно.

– Ну, тогда спокойной ночи. Мы «куклы» пойдем выла-мывать, сети то есть, часа в четыре, если ветер утихнет. А вернемся, как сегодня.

– Все?

– Не. Отец нас только проводит. Мы на большой лодке сейчас не ходим, на нее особое разрешение нужно.

– А мне с вами можно?

– Места не будет. Виталя тоже с нами не ходит, он с берега сетки ставит.

Я никак не мог привыкнуть, что Илья называет Светлану Ивановну и Василия Ивановича матерью и отцом и чувствовал какую-то неловкость, как будто сам называл папой чужо-го человека.

Тут Илья увидел книги на столике.

– Читать любишь?

– Люблю.

– И я. Я пацаном, если книга нравилась, мог по два раза ее перечитывать. Эти, из какой серии?

– Не понимаю.

– Ну, "детективы", "криминал" или там – "фэнтези".

– Одна – историческая, о Копернике. А это – три тома Толкиена. Я их уже третий раз перечитываю.

– А я и не слышал о таком. Фантастика?

Я растерялся, не зная как ответить.

– Ну, это ... и сказка, и фантастика, и приключения, – я замялся. – Но воспринимаешь все, как настоящую жизнь. Толкиен – он, вообще, ученый, мифы изучал. Мифы европейских народов.

– Ладно, поздно уже. Завтра посмотрю. У меня здесь тоже много книг. Я читать люблю больше, чем телевизор смотреть. Таня говорит, что глаза испорчу, а я думаю, от телевизора они больше портятся. Ну, спокойной ночи. Если что – замерзнешь или дождь там – я тебе в пристроечке тоже постелил, одеяло только перетащишь. Мы с отцом крышу здесь смолой покрывали, да только в сильный дождь течет кое-где. А то давай в дом, кровати свободных навалом. А?

После прихода Ильи я немного успокоился. Читать в постели я не стал. То есть взял книгу в руки, но решил на минуту закрыть глаза и сразу же уснул. Проснулся я от холода. Перетащил к себе на кровать ватное одеяло и решил выйти во двор. Ветровка куда-то пропала, и я надел папину рубашку, которую Стоян бросил на спинку кровати. Ветер унесся за море и, как заботливый пастырь, отогнал туда серые барашки облаков. Все до одного. Теперь надо мной была черная бездна с россыпью равнодушных звезд, мерцающих холодным голубоватым светом. Скользя по раздавленным грушам,

я пошлёпал в уединенную кабинку. Фонарик я забыл взять и потому дверь не стал закрывать. Вместо фонаря каждые пять секунд вспыхивал маяк, посылая в темноту острое световое стаккато и освещая дорожку. Возвращаясь в хижину, я поднял голову. Рубашка отца хлопала меня по ногам ниже колен, и под равнодушным взглядом тысячеглавой космической бесконечности я до холода сердечного ощутил страх абсолютного одиночества.

А ведь когда-то я сидел на плечах отца, одетого в эту самую рубашку, и небо представлялось мне уютным звездным покрывалом. Папа показывал мне Медведиц и Млечный путь. Иногда необходимость будила меня до рассвета. Тогда я замечал, что узор звездного неба менялся, как на сбившемся от беспокойного сна одеяле. Уплывали Медведицы, складывалась Кассиопея, зато ярко мерцали звезды на поясе Ориона.

Как мне хотелось убежать в то время, когда звезды были теплыми!

В хижину я не возвратился, пойти в дом – не решился, устроился в пристройке, о которой говорил Семен. Это была скорее не комнатка, а коридорчик, соединяющий дом со вторым выходом на красивое крылечко под навесом, увитым виноградными лозами.

Дверь в комнаты была закрыта на ключ, но я знал, что возле нее стоит кровать Василия Ивановича. Я даже слышал, как он сипло кашлял во сне. Видно не согласился перебраться-

ся в комнату Тани и Ильи.

Одеяло я не стал перетаскивать.

Я просто залез под один из двух матрацев, лежавших на кровати, свернулся калачиком и заснул.

Когда я проснулся, солнце уже красным шаром проглядывало сквозь кусты шиповника у калитки. Но не успел я сбежать в хижину, чтобы одеться, солнце уже мячиком отпрыгнуло от кустов и засияло на лазоревом небе раскаленным медным пятакom.

Во дворе было тихо.

То есть не тихо, а просто никто не ходил, не разговаривал. Часов у меня не было, и я не представлял, насколько сейчас рано или поздно, и где Василий Иванович, дядя Дима и Илья. Хотелось пить. Я зашел в кухню. Чайник был еще теплый. Значит ушли. Но не очень давно. С чашкой чая в руках я осторожно перешагнул через высокий кухонный порожек и сел за стол.

Из будки выглянул Рекс, выполз, гремя, как кандалник, цепью, потянулся, выгнув спину, и пару раз гавкнул в ответ на козлиное бляение.

Ночные страхи улеглись. Я был легкий и радостный, ну, просто как одинокое белое облачко, уплывающее в сторону моря.

Я пил маленькими глотками чай и слушал утро.

Тявкали маленькие собачки, фыркал бычок, привязанный

к колышку за воротами, покрывали утки, квохтали куры, жужжали мухи, испуганно вскрикивали нечаянно залетевшие далеко от берега чайки, цвиринькали ласточки и где-то вдали вздыхало море.

Вот такая она была тишина – на рыбацкой Косе.

Тут скрипнула калитка и, чуть-чуть припадая на больную ногу, во двор вошел Василий Иванович.

– Что рано поднялся? Замерз? Давай я тебе хлеба с маслом дам, а то завтракать будем поздно, когда ребята возвратятся.

– А Вика?

– Ты на Вику не равняйся. Она рано не встанет и о себе позаботится.

Хлеб я есть не стал, а помог Василию Ивановичу отнести корм в курятник. Того "бойцовского" петуха, который бил нас с Виталькой и которому Стоян чуть шею не свернул за это, уже не было. А куры были все на одно лицо – белые и рябые, неинтересные.

Потом Василий Иванович опять принялся за свою выдавшие виды "четверку". Я собрал груши с дорожки, вспомнил, что мы с Виталькой всегда раньше так делали. Подошел к Василию Ивановичу, спросил, надо ли помочь. Он вначале сказал, как обычно:

– Та гуляй!

Но потом принес кастрюлю с мелкой выращенной на своем огороде картошкой и предложил:

– Можэ почистишь? Хлопцы ждуть не люблять, а я ж надеюсь, шо машина пойдет.

Когда я перечистил и перемыл картошку, из дома вышла Вика в трусах и майке с сонным Малышом на руках.

– Ты картошку будешь жарить, да?

Я пожал плечами.

– Ты ее соломкой нарежь и еще моркву туда натри и цыбулю. А ты чай пил?

– Пил.

– Так и мне налей.

Я послушно отправился в кухню ставить чайник на огонь. Пока ожидали, когда закипит вода в чайнике, я резал картошку, а Викторина опять принялась показывать мне свои "акробатические этюды". Делала "шпагат", "мостик", как-то смешно продевала руки через сложенные кренделем гибкие тоненькие палочки-ноги и подпрыгивала на ладонях, как лягушка. Ну, точь-в-точь, как когда-то делал Виталька. Наверное, он ее этому всему и научил. Он в детстве очень ловким был, а я – неуклюжим. И с качели вечно падал, и через забор не мог перелезть, не зацепившись за гвоздь, а однажды умудрился свалиться с приставной лестницы прямо в железную кадку с водой. Барахтался в ней, как головастик, пока Стоян за руки не вытащил.

Но Виталья надо мной не смеялся. Потому что, как говорил дядя Дима, у него была "земная ловкость", а у меня "водная".

Я уже в шесть лет плавал до первого меляка, а Виталик и

в семь барахтался у берега

Ну, сейчас он, наверное, и плавает не хуже меня и вот с Децлом готов потягаться. И стало мне почему-то обидно, что ничем таким я эту самую Викторину поразить не могу. И "рояль в кустах" здесь на Косе для меня не спрятан.

Василий Иванович, отчаявшись починить свой драндулет, разогнул спину и, плюнув на пол гаража, в самом прямом смысле этого слова, сел чаевничать рядом с Викой. А мне действительно пришлось вместе с картошкой жарить и морковь и лук. Впрочем, у себя дома мы тоже так делали.

Часов около десяти Василий Иванович велел Вике надеть платье, идти к соседке и ожидать нашего возвращения. Она не соглашалась, театрально рыдая и бросая на меня умоляющие взгляды из-под косо постриженной челки.

К счастью вскоре за ней пришла соседка со своей дочкой Яной. Девочка держала в руках пакет, в котором весьма отчетливо просматривалась картонка с распятой резинками корейской куклой Барби. Викины глаза моментально высохли от слез, и она упорхнула со двора, даже не оглянувшись на нас с дедушкой.

К тому месту на берегу, где Сенчины держали теперь лодки, мы довольно долго шли дворами и огородами под несмолкаемую канонаду собачьего лая, овечьего и козлиного блеяния и гусяного гогота.

Наконец, дома и дворы остались позади, и мы вошли в рощицу диких маслин. Вначале шли по узкой тропинке, из-

рытой вымоинами, в которых стояла вода, кишевшая лягушками и еще какой-то насекомой живностью. Но вскоре тропинка стала подниматься вверх, становиться рыхлее и шире.

У обрывчика, откуда было видно море, это уже была не тропинка, не дорога, а просто песчаный косогор, изрытый причудливыми следами шин, оставленных машинами, велосипедами, мотоциклами и тележками всех размеров.

– Я тут в тенечке посижу, повяжу грузики, – сказал мне Василий Иванович, усаживаясь у груди белого битого кирпича. – А ты иди... скупайся.

Под обрывчиком расстилалась плоская утрамбованная морем песчаная полоса, проросшая сизыми колючками, похожими на перепончатые крылья маленьких сказочных дракончиков.

Я оглядел берег.

Слева и справа от меня стояло несколько перевернутых лодок.

Две – большие со стеклянными козырьками и одна – черная шляпка. Я сложил на ней футболку, шорты и сразу же бросился в воду.

У самого берега волны еще до первого меляка нарыли два песчаных языка, между которыми оказалась глубокая вымоина – прямо-таки Мариинская впадина. При большой волне вода входила в нее с таким шумом, что дремавшие, пригревшиеся на меляках чайки просыпались и с испуганными криками мячиками поднимались в воздух.

Одолев вброд первый меляк, я поплыл, впервые, пожалуй, оставшись с морем один на один, как любил это делать отец. Я... я... даже почувствовал себя немного похожим на него. Впрочем, "накачав" себя таким восторгом, я сбил дыхание и быстро устал. Пришлось перевернуться на спину... Надо мной в еще по-летнему высоком небе летели на зимовку косяки уток и гусей.

Пока лежал на спине, то насчитал семь стай. В самой маленькой было шесть птиц, но и они пытались лететь уголком.

Перелетные птицы летели под самым куполом неба, зато чайки и Мартыны опускались к воде или садились на волны рядом со мной.

Дальше второго меляка я не поплыл. Я хорошо помнил, как Стояна чуть не отнесло течением в открытое море, и отец с ума сходил, спуская с рыбаками на воду моторку и стараясь не потерять из виду темную голову Стойко.

И еще мне вспомнился почему-то тот день, когда я научился плавать брассом.

Мне не было и шести лет, когда Стоян вознамерился научить меня плавать по-настоящему. И поспорил с дядей Димой и его приятелями, что через неделю я буду плавать брассом и выдыхать в воду, как олимпийский чемпион.

Надо сказать, я к тому времени не только не боялся купаться в море в любую погоду, но и довольно далеко заплывал с отцом от берега, колотя по воде руками и ногами.

Все смеялись над Стояном и говорили, что даже рыбацкие

дети в таком возрасте плавают только по-собачьи.

Итак, Стоян принялся меня тренировать, применяя исключительно метод прыника. Он был очень ласковым, терпеливым и совершилось чудо: я проплыл лягушкой метра два.

По этому случаю Стоян с дядей Димой и какой-то пляжной дивой решили поехать на Среднюю Косу в "Бар-морьяк".

Был вечер. Отец сидел на резиновой шине и читал. Я самозабвенно плескался на мелководье, позабыл все, чему учил меня доктор Дагмаров. И надо же было появиться ему на берегу вместе со своими спутниками в эти минуты. Через мгновенье, когда в воде рядом со мной выросли длинные ноги Стояна в черных брюках и модных ботинках, я понял, что утонуть можно даже в чайной ложке воды. А между тем он и пальцем до меня не дотронулся. С того дня я по-собачьи не плавал.

Но зато и Стоян надолго лишился спального места в нашей хижине. И было ему тогда двадцать четыре года.

Как и когда они помирились с отцом, я не помню. Всплывает в памяти одна картина, но я не уверен, что она относится именно к тому времени:

Стоян сидит за домом на крышке бака, в который сливали дождевую воду. Черная кудлатая голова уткнулась в поднятые колени, охваченные крепкими загорелыми руками. Я приношу ему какую-то мятую сливу, пытаюсь пропихнуть через плотно сжатые губы. Он отворачивается, мотает головой и глаза у него мокрые.

Тут мои воспоминания обрываются. Я слышу голос Василия Ивановича:

– Юра, выходи! Наши возвращаются!

Переворачиваюсь на живот и кролем дую к берегу.

Василий Иванович стоит по щиколотку в воде и показывает мне на две едва различимые точки на горизонте. Скоро и я уже отчетливо вижу, что это две лодки, которые быстро идут к берегу. У первого меляка рыбаки глушат моторы и прыгивают в воду.

У дяди Димы поверх длинных резиновых сапог натянуты желтые непромокаемые брюки. Держатся они на "лямках". На талии – широкий кожаный пояс. У Ильи в длинные охотничьи сапоги заправлены обычные брюки. Они толкают лодку через песок в вымоину перед берегом.

Мы с Василием Ивановичем спешим им навстречу, помогаем. Когда нос лодки уже на суше, Илья быстро вытащил из нее мешок с рыбой и потащил его к кустам.

– Илья! Та скорэе!

Илья возвращается, и мы вчетвером выталкиваем лодку подальше на берег.

После это все начинают быстро, бегом перетаскивать под кусты грузила – четвертушки и половинки битых кирпичей – по четыре-пять штук в каждой руке. Затем наступила очередь сетей и еще каких-то непонятных мне предметов.

Наконец сняли мотор.

Тут подошла и вторая лодка.

Все повторилось, но уже с участием двух незнакомых мне рыбаков – Тимофея и Жоры-семафора.

Под пустые лодки подложили резиновые валики, похожие на толстые колбасные батоны, и стали катить их подальше от воды.

В этом участвовали все, даже Василий Иванович с больной ногой. Перетасили и перевернули, уложив носы на здоровенные резиновые шины, в которые перед этим затолкали поплавки – пустые пластиковые бутылки из-под воды и пива.

Когда я был маленьким, к сетям привязывали куски пробкового дерева, но у некоторых рыбаков еще сохранились разноцветные стеклянные шары.

Однажды мы с Виталей утащили парочку из соседского двора, чтобы украсить ими свой вигвам, который был тайно сооружен в конце сада в зарослях камышей у лимана. Но Татьяна нас вычислила, как настоящий Шерлок Холмс. Мы дурачками были с Виталькой, взяли и нарисовали фломастерами и вигвам свой и поплавки эти, которых соседи обыскались. Так что пришлось возвращать.

Мне очень жаль, что, как утверждает реклама, "нынешнее поколение выбрало "Пепси" в пластиковой упаковке. Хотя Василий Иванович говорит, что делать поплавки из бутылок – очень удобно, да и мусора на берегу меньше становится.

Тележку на этот раз не тащили, а Жора подъехал к самому берегу на Уазике и доставил нас прямо ко двору со всем грузом.

Дядя Дима пошел за Викториной, которая с большой неохотой оторвалась от своих куличиков, и, надувшись, усе-лась за стол рядом со мной.

На какое-то время не она, а мной поджаренная картошка и я оказались в центре внимания.

Не выдержав такой несправедливости, Вика спустилась под стол, обогнула на коленях стул Ильи, вскочила и исчезла в кухне. Вскоре она возвратилась с ожерельем сушеных бычков на тонкой смуглой шее. С важным видом она стала срывать их с веревки и оделять ими всех по очереди.

Мне досталось последнему.

После завтрака Василий Иванович отправился "досы-пать", дядя Дима сказал, что пойдет на Маяк позвонить в город, "узнать, как там малый", а Илья стал мыть посуду. Я помог ему собрать все со стола и согреть воду.

Вика возилась с котами. Толстый сытый Малыш вскоре вырвался на свободу и скрылся в доме. А тощий полосатый Пушок, только и мог, что жалобно мяукать и извиваться в ее цепких маленьких руках.

– Илья! А почему котов так странно назвали? Я думал "Пушок" – это большой кот. Он же белый и пушистый!

– Не-е. Это мой Малыш. Я его из Донецка привез. Друг на день рождения подарил, слепого еще. Я резинку с пипетки снял, нашел у сеструхи флакончик подходящий, натянул, проткнул иглой и выкормил молоком. Он для меня так и останется Малышом. Ко-тя-ра такой!

Когда перемыли и положили на стол сушиться всю посуду, Илья сказал:

– Если хочешь – иди в хату, там прохладнее. А я на огород пойду, помидоры полоть.

В "хату", где спал Василий Иванович, я, разумеется, не пошел. А в "хижине" было жарко, как в духовке. И потому, натянув себе на голову "кепарик" Стояна, я отправился помогать Илье.

– У тебя брат или сестра есть? – неожиданно спросил он, когда мы, присев на корточки, выдергивали длиннущую траву, среди которой, как по волшебству, возникали приземистые кустики, украшенные маленькими яркими помидорами, как новогодняя елка шарами.

– Родных нет. Кузина есть... в Киеве.

– А у меня сестра есть... очень хорошая. И племянка Ксюша. Во второй класс пошла. Я ей куклу привез, а она мне: "Ты что, думаешь, я маленькая?!" Я прямо взвился! (Тут голос у Ильи дал петуха) Большая! Я пеленки ей менял. Она для меня как была "малышкой", так и останется. "Малыш" и "малышка".

Помолчали.

То, как Илья относился к коту, мне понравилось, но вот с Ксюшей...

Нет, не хотел бы я, чтобы отец и Стоян постоянно помнили, например, что я – тот мальчик, которого они учили пользоваться туалетной бумагой.

Хлопнула калитка, несколько раз нехотя гавкнул Рекс. Я встал и оглянулся. Дядя Дима вернулся. Он подошел к нам сам.

– Витале операцию сделали и оставили в больнице. Стоял сказал – все прошло нормально. Надежда с малым осталась, а мать и Татьяна дома, в городе. Батя спит?

Ну, ладно, пойду сеть обшивать.

Я смотрел вслед дяде Диме и думал, что между тем, как человек двигается и говорит, определенно есть какая-то связь.

Дядя Дима ходил, цепко держась ступнями за землю. Шаги неширокие, и ноги он почти не отрывает от поверхности, а вот угнаться за ним трудно. Он и в разговоре лишнего не скажет, лишний раз не повторит ни просьбу, ни замечание. Даже Вике-Викторине.

А Илья не ходит, а бегаёт и так, будто постоянно находится в состоянии неустойчивого равновесия, что случается с канатоходцем, который делает последние шаги перед спасительной площадкой для отдыха.

И говорит он так, точно спешит, чтобы успеть все сказать. Потом вдруг даст "петуха" или внезапно изменит интонацию и замолчит. А после неожиданной паузы опять, как ни в чем не бывало, возвратится к прежнему тону.

Папа мой ходит быстро и легко, как будто по воздуху летает, не замечая ни подъемов, ни спусков, хотя под ноги не смотрит. И говорит он, выстраивая предложения, как музы-

кальную фразу, очень красиво. И от настроения это совсем не зависит. Я маленьким любил засыпать, прислушиваясь, как он за стенкой с кем-нибудь разговаривает. Слов не разобрать, а просто качаешься по звуковой дорожке вниз – вверх, плавно так.

Довольный собой (ведь я, похоже, что-то такое постигал в людях сам) я стал сравнивать походку и манеру говорить у Стояна. И тут все складывалось!

Стоян ходил также цепко как дядя Дима, но только двигались у него не одни ноги, а как бы он весь. И еще: если надо круто развернуться, он делает это ну просто как НЛО. Р-р-раз и развернется на сто восемьдесят градусов. И в разговоре последняя фраза его почти всегда неожиданна.

С Татьяной тоже, кажется, получалось, но додумать не успел, потому что Илья перехватил мою руку в тот самый момент, когда я уже пытался выдернуть с корнем дрожащий от страха помидорный куст.

На этом наши аграрные труды закончились, и мы отправились отдохнуть на сквознячке под тентом у кухни.

К вечеру погода изменилась. Внезапно набежали облака, которые принес редкий в этих местах ветер со странным названием “Гарбий”.

Брызнул дождик, который к ночи превратился в ливень.

– Ну ты скажи! – сердился Василий Иванович. – С мая дощу нэ було, все города пожгло, а теперь – на тебе! Цыклон из Грэции!

Я окончательно перебрался из хижины в коридорчик, потому что крыша ее протекала сразу в четырех местах. Чтобы не прогнил пол под струйки ставили тазики и большую кастрюлю со сколотой эмалью. И такая звонкая зазвучала капель, что даже шум ливня не заглушал ее.

Все собрались вокруг телевизора. РТР-Юг продолжало рассказывать о пожаре на Телевизионной Башне в Москве. На несколько минут дали картинку с места событий. Когда стемнело, ветер усилился, а на море разыгрался шторм. Гул, доносящийся с моря, стал перекрывать все звуки.

Я отдал фломастеры Вике и потерял покой, потому что рисовать-то пришлось мне!

Рядом с нами, на спине, раскинув лапы, спал Малыш. Ну, просто доктор Дагмаров после дежурства.

Дядя Дима и Илья, обсудив все последние новости, отправились в ту часть дома, где была комната бабы Кили, и принялись латать и обвязывать сети. После ужина по местной программе стали показывать какой-то мыльный сериал, и внимание Викторины сразу же переключилось с меня на него.

Я воспользовался моментом и убрался подальше от своей подружки и собственных рисунков, на которых изобразил заказанных мне африканских зверей. Ну, просто как знаменитая Мурочка, которая испугалась, нарисованной ею же "Буки-закаляки".

Впрочем, Вика была в неподдельном восторге от моих

свиноподобных бегемотов и даже от пальм, похожих на гигантские кухонные веники.

Я немного покрутился возле дяди Димы и Ильи, потом сунул ноги в Виталькины резиновые сапоги и отправился в гараж, где тускло светила переносная лампочка и Василий Иванович продолжал возиться со своей четверкой.

В гараже было зябко и неуютно. Я что-то подержал Василию Ивановичу, что-то подал из инструментов, но вскоре понял, что толку от меня никакого и побежал под дождем в свою комнатку на крыльце. Добежав, сбросил у порога сапоги, забрался с ногами на постель, открыл Толкиена и.. очутился в Шире. И маленькая каморка моя превратилась в норку хоббита.

"Если ты сам хочешь мое колечко, так и скажи!" – чуть не зашелся в крике Бильбо...

Глаза Гэндальфа полыхнули. Маг шагнул вперед и разом словно вырос до потолка. Его огромная тень заполнила всю комнату." В этот самый миг слышались раскаты грома, дверь резко со скрипом открылась, и я, невольно вздрогнув, с испугом уставился на длинную фигуру в дождевике с капюшоном, которая освещалась призрачным светом зарниц.

Лампочка в комнате была очень яркая и без абажура, потому огромная тень от дождевика залезла на потолок и угрожающе изогнулась над гостем. А он передернул плечами, сбросил плащ, вынул голые ступни из галош и оказался Ильей.

У меня невольно вырвался вздох облегчения.

В руках у Ильи была стопка потрепанных книг, крест на крест перевязанных бечевкой.

– Не спишь? А я вот принес тебе... Дачники пооставляли, а батя приговорил их на растопку. Ты посмотри, может, пригодится что.

Илья поставил стопку на пол, а сам сел на табуретку.

Я собрался было спустить ноги с кровати, но Илья оставил меня:

– Не надо! Застудишься. Я тебя сейчас углом одеяла накрою.

– А ты?

Я посмотрел на его худые ступни, белые, как вымоченное в воде лыко. Они были сплошь покрыты следами татуировок и шрамами от разрезов, которыми пытались их убрать. У него и на руках до локтей были такие же пятна и шрамы. Мне хотелось спросить Илью, неужели он весь татуирован, как какие-нибудь новозеландские туземцы, но я постеснялся.

– Я привычный. Татьяна зимой в носках спит, а я могу по снегу босым бегать. Ну, так ты посмотри книги.

Я поднял стопку на кровать, развернул бечевку и стал пересматривать какие-то старые журналы и тонкие книжечки со странным названием "Блокнот агитатора". Они были напечатаны на плохой пористой бумаге.

– "Желтая пресса", – засмеялся я, потому что бумага от

времени действительно пожелтела.

И вдруг в этой пустой породе сверкнула первая жемчужина.

– Хемингуэй! Это нужно сохранить.

– Ты читал?

– Папа мой его любит. А я читал только "Старик и море".

И еще диафильм у меня был такой в детстве.

– О чем?

– О старом рыбаке... очень старом.

Все считали, что от него уже навсегда отвернулась удача.

И только его друг – мальчик – в него верил. Но родители не разрешали ему выходить в море со стариком (я еле ворочал языком от приступа косноязычия).

– Ну вот, а старику попалась на леску огромная рыбина, такая огромная и сильная, что возила лодку по морю несколько дней. Старик как-то набрасывал леску на себя, чтобы ослабить рывок и сохранить леску целой.

А потом на рыбу напала стая акул, и старик бил их веслом.

– И погиб?

– Нет. Вернулся. Но на леске у него была не рыба, а рыбий скелет. Огромный!

– Значит, море его не победило. А что мальчик?

– Мальчик... мальчик ухаживал за стариком, пока он болел, а потом сказал, что больше не отпустит его в море одного.

Помолчали.

– Послушай, а в этой книге есть эта история?

– Нет. Но отец говорил, у Хэма все интересно.

А здесь повести какие-то про войну. В Испании, кажется.

– Отложи на подоконник.

Потом попался толстенный том без начала и середины. Я полистал его и догадался, что это книга, по которой поставили фильм "Россия молодая".

Отложили и эту.

Оставшуюся макулатуру Илья вновь перевязал веревкой и отнес к порогу.

– Знаешь, я в детстве та-ак зачитывался... Меня могли звать, тормошить, а я ни на что не реагировал. Зато бывало, как оторвусь от книги, так не жил бы на белом свете...

Илья сидел на табурете, зажав длинные кисти рук худыми коленями, обтянутыми дырявыми трениками.

– Я после армии к отцу не вернулся, поехал к сестре.

(Помолчал недолго). Плохо без матери, да?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Мне с отцом и Стояном хорошо. Я маму не помню.

– Хорошо... хорошо... (в голосе Ильи слышалось испугавшее меня раздражение).

С отцом хорошо!

А почему знаешь, что с матерью не лучше было бы?!

Я не ответил.

Илья как-то тяжело, по-стариковски, поднялся на ноги.

– Ну, ладно, пойду уложу Вику, а то она, как племяшка моя, намотрится телевизора на ночь, а потом кричит во сне.

Нагнулся к дождевику, поднял, встряхнул, да так и замер:

– Знаешь, я вот боюсь, что сынок мой вырастет, станет чем-нибудь не таким заниматься, а я не смогу этому помешать.

Ты вот хочешь стать таким, как твой отец?

Я не очень-то понял, как увязываются между собой эти фразы. О Вике у телевизора и о будущем "сынке". Что же касается того, хочу ли я стать таким, как отец, то хоть это мне не светило, я сказал:

– Да-а-а!.. – и как бы даже не очень покривил душой. Потому что между "хотеть" и "стать" дистанция громадного размера, как любит говорить наша классная. Хотеть, может, я и хотел бы...

Илья направился к двери, поднял и стряхнул за порогом дождевик, оглянулся и вдруг сказал каким-то прыгнувшим голосом:

– У меня в Кемерове кореш в тюрьме сидит. За убийство по бытовухе, с пьяных глаз, да и не он это, просто крайним оказался. Мы с ним с первого класса приятели. Вот так-то. Я, как ночь придет, все думаю, каково ему там. Ну, просто не идет мне сон и все.

От неожиданности я быстро сел на кровати. Мои представления об Илье так резко менялись, как будто я каждый раз говорил с новым незнакомым человеком.

Вначале он показался мне ничем не интересным парнем чуть старше нас с Виталькой. За обедом каким-то нервным чудаком. И, наконец, когда я понял, что Илья очень добрый и все время ищет того, о ком мог бы позаботиться, оказалось, что его лучший друг сидит за убийство!! Я невольно сделал такое движение, как будто отстранился от него. И тут вспомнил слова Стояна про «голубую профессорскую кровь». Мне стало жарко от стыда. Я понял, что я трус! Я боюсь довериться собственным чувствам, потому что, каких бы сложностей ни было в отношениях Ильи с другими людьми, для меня он здесь самый близкий человек.

Илья в это время уже влез в галоши и стоял ко мне боком, собираясь выйти на улицу.

– Я, наверное, курить брошу. Вот в город переберемся – и брошу. Гадость эту, водку, я давно в рот не беру. И Димке все втолковываю, до чего она доводит. А он смеется. Ленка мой тоже смеялся... А у тебя есть друг?

Я промолчал.

– Ладно, пойду я. А ты давай, "дави подушку", как наш сержант говорил. Если что не так – стучи в дверь. Батя сегодня на Виталькиной кровати лег, а я возле тебя за дверью пристроюсь.

Илья вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Стало почти тихо. Где-то вдалеке, точно засыпая, заворчал гром, но дождь еще продолжал без устали умыывать и умыывать маленькое оконце моей комнаты.

Читать больше я не стал. Выключил свет, лежал с открытыми глазами и первый раз за весь этот долгий месяц думал о Борьке. Вспомнил нашу первую встречу и засмеялся как дурачок. Я тогда первый раз пришел в детсад и за завтраком молоко нечаянно пролил. Девчонки завизжали, я жутко перепугался, а толстый мальчик Боб сказал басом:

– Цыц, бабы! – и нарочно опрокинул на стол свою кружку.

Я еще не знал тогда, что он так батю своего копирует, который и до сих пор цыкает на тетю Клаву и Надьку, когда выпьет лишнего.

И был на всю жизнь покорен такой его пацаньей солидарностью.

В наказание нас посадили вместе в пустой музыкальной комнате, на целый час. После этого, по словам Стояна, мы уже восьмой год живем как попугайчики-неразлучники.

Ссорились, конечно, дрались даже, но разбегались самое большее дня на два. Как только не обзывает нас Стоян: Бобчинский и Добчинский, Давид и Ионафан, Орест и Пилат, сыновья лейтенанта Шмидта, Винтик и Шпунтик – я уже не говорю о наших индивидуальных прозвищах. Честное слово, я-таки издам когда-нибудь толстый том и назову... "Доктор Дагмаров. Полное издание прозвищ".

Дальше я не успел додумать... уснул.

Проснулся я рано, от холода, потому что я и одеяло лежали сами по себе. Оно – на полу, я – на кровати, вжавшись в стенку.

На дворе было тихо. На небе – ни облачка, но лужи еще не высохли. И что совершенно потрясло меня – не спали, а нежно светились в лучах еще румяного ото сна солнца "ночные цветы".

Семена этих заморских цветов пол столетия назад привез из загранки какой-то моряк из местных. Раздал их многим, а вот прижились они только у бабы Кили.

Цветы эти – огромные снежно-белые граммофоны – распускались среди плотных глянцевых листьев, похожих на широкие наконечники туземных копий.

Внутри цветка вполне могла бы разместиться ладонь взрослого человека, даже папина.

Цветы распускались после захода солнца, в темноте, и огромные ночные бабочки, похожие на летучих мышей, устраивали вокруг них настоящие ритуальные танцы. К утру граммофоны увядали и свисали со стеблей грязно-белыми тряпочными мешочками.

Но сегодня все было не так!

Три чудных цветка, розовеющих от смущения и радости, что встретились с солнцем, красовались среди мокрых от дождя листьев.

"Целый день спят ночные цветы,

Но лишь солнце за рощу зайдет,

Раскрываются тихо листы,

И я слышу, как сердце цветет..."

Это папа когда-то читал стихи Фета, держа меня сонного на руках и освещая новорожденные цветы фонариком. Мой папа... , до встречи с которым стало на один день меньше.

Потом, до отъезда, много чего еще было: возвратились Виталик и Стоян, и в честь этого Сенчины устроили шашлыки из здоровущего осетра. Ночью, при свечах.

И в море я ходил на большой лодке, и на катамаране плавал, и на Маяк поднимался.

Но как-то ничто не смогло затмить восторг этого утра, сделавшего видимым тайную красоту ночных цветов.

Дядя Дима сказал, что это из-за дождя, но мне до сих пор случившееся кажется каким-то знамением, чудом, особенно для меня.

И я даже подумал тогда, что смогу сложить из умных слов какую-то важную для всех мысль. Но не получилось. Как у Кая со льдинками.

А хотелось мне сказать, что вот рос я рос, как в сказке, "десять лет и почти четыре года" и вдруг увидел, что мир – не плоская картинка в доброй детской книге. Там та-а-кое в глубине! И чуть с ума не сошел от страха. Барахтаться стал, как щенок, чтобы оставаться на поверхности.

А может не нужно барахтаться, может, пришла пора учиться нырять... с открытыми глазами? Как папа учил.

Ожидание короля

Немного повозившись с застрявшим в замке ключом, Стоян распахнул дверь. Из покинутой на месяц квартиры неприятно пахло чисто вымытым, но заброшенным и одряхлевшим существом.

Когда с нами был отец, он быстро пробежал по комнатам, открывая окна и балконные двери, спуская застоявшуюся в трубах воду, и привычный тонкий аромат, исходящий от отцовской одежды и разнесенный по Дому веселыми сквозняками, сразу же делал его привычным и родным.

Наверное, я сам бы мог сделать все так, как отец, чтобы Дом глотнул свежего воздуха. Но я не сделал этого. Я сознательно продлевал в себе до мучительной сладости несправедливое чувство обиды на отца за то, что он так надолго оставил меня без себя. Я готов был лишний раз обвинить его в том, что мне так плохо и одиноко на пороге собственного дома. И, не справившись с этим чувством, позорно пустился в бег, предоставив Стояну самому разбираться с бесчисленными ведрами, сумками и пакетами, которыми нас одарили дядя Вадим с Геней и щедрое семейство Сенчиных.

Крикнул с порога:

—Я к Борьке! — и умчался в соседний подъезд.

Была суббота. Боб учил сопливого Илюшку мыть пол на кухне.

Мы, как всегда, хлопнули друг друга поднятыми до уровня плеч правыми ладонями и уединились в «учебке», как Борькин отец называет крошечную девятиметровую комнату, где уже восьмой год мой кровный друг утверждает свой авторитет, а его кровный брат – свою независимость.

Вот и теперь, изображая восстание Спартака, Илья орал из кухни, что без Боба ничего делать не будет.

– Вот, зараза! – ругнулся Борька. – Он сейчас мультики смоемся смотреть, а мне по полу с разбитой коленкой елозить! Мать ведь не с него, а с меня спросит.

Ну, мы по быстрому обменялись каждый своим "блокба-стером" новостей. Но не прошло и получаса, как на пороге возник Илюшка с изрядно подросшими верхними зубами и радиотелефоном в руке.

– Это Стоян! Юрку!

Я взял из его грязных рук липкую трубку и назидательно изрек:

– Кому Стоян, а кому Стоян Борисович, понятно?

И в трубку:

– Стоян, это я...

– Дуй домой, бродяга! А то надолго поводок укорочу!

Поскольку ключа я не взял, пришлось звонить.

Стоян встретил меня в позе хирурга, вымывшего руки по методу Спаса-Кукоцкого. Но от этого самого метода осталась лишь заключительная поза.

Поднятые руки его были в какой-то коричневой дряни от

кончиков пальцев до согнутых локтей.

Не сказав ни слова, Стоян крутанулся на пятках и помчался на кухню, куда с нарастающим интересом повлекся и я. Там на всех горизонтальных поверхностях стояли миски и кастрюли всевозможных размеров, заполненные странным месивом, похожим на поросячье варево.

Просто фильм ужасов!

Космическая плазма в безудержном размножении!

Меня всего так и передернуло!

–Стоян! Что это? Откуда?

–Щедрые дары из Меатиды! Леший бы их побрал!

–Послушай, – робко сказал. – Если это все так подавилось, может, мы все это того...выбросим?

–Сплюнь три раза через левое плечо! Это ж грех!

Черные глаза Стояна затравленно смотрели на меня. Ну, просто бычок, загнанный в угол на корриде. Он же вырос в Обиточном, где все, что родила земля, солили, мариновали, сушили, укладывали на зиму в песок или опилки – только бы не пропало, только бы землю не обидеть!

–Но ты же сам сказал...про лешего?

–Сказал...Сказал...Вот и аукнется мне, что сказал! А ты вот что, сбегай за сахаром. Мы повидло варить будем.

–А сколько?

–Чего сколько?

–Ну, сахара. Сколько покупать?

–Кто его знает! Я тут косточки начну вынимать, а ты сбе-

гай пошуруй в справочниках. Ты же у нас специалист! Ну, давай, давай, энциклопедист задрипанный!

Я не стал уточнять, кто из нас «задрипанный» и покорно отправился в кабинет отца. Принес нужный том энциклопедии и между «повивальной бабкой» и «повиликой» нашел «повидло», о котором прочитал вслух:

—« Повидло (чешск. rovidla) протертые фрукты или ягоды, сваренные с сахаром, иногда патокой, медом... Содержат не более тридцати трех процентов воды, сахара не менее шестидесяти процентов...»

Я замолчал. Наступила тишина. Стоян замер над тазом с сине-зеленой мякотью из бывших слив, погрузив в нее руки почти до локтей.

—Ну, — наконец сказал он. — Так сколько же сахара, исходя из этой абракадабры, мы должны купить?

—Я откуда знаю! Ты же взялся варить повидло! Написано: «... сахара не меньше шестидесяти процентов».

—От чего считать эти проценты, балбес?

—Не знаю... «Бывалый»!

—Ты бы еще по орфоэпическому словарю прочитал, умник! Иди, поищи об этой... «вкусной и полезной» или какой-то там еще пище.

Я демонстративно громко захлопнул дверь и опять поплелся в кабинет.

Притащил две поваренных книги. Стоян выбрал затрепанное кулинарное руководство, изданное в год рождения

отца, и решил измерять уваренное пюре стаканами и, соответственно, добавлять сахар в нужном количестве.

–Стоян, – взмолился я. – Пока ты будешь вынимать косточки, варить и измерять это самое пюре – магазины закроются!

Он выпрямил спину и обреченно вздохнул:

–Ладно, отличник. Возьми у меня деньги из куртки и купи четыре килограмма. Все равно на больше не хватит.

Когда я вернулся, со сливами еще не было покончено, но Стоян сидел за столом, горестно подпирая руками голову. Перед ним стояла наша выдавшая виды огромная выварка с мятыми грушами.

–Слушай! Что ты там талдычил о «смеси фруктов»?

Я нашел нужную страницу и прочитал:

–« Но более вкусное и приятное на вид получается из смеси указанных фруктов».

–Каких «указанных»?

Я повел глазами вверх.

–Яблок и слив.

–Так, заменим яблоки грушами. Кстати, Роман любит именно груши. Итак, садись. Будешь резать груши на дольки. Гниль – выбрасывай.

Тяжело вздохнув, я рухнул на табуретку рядом с ним.

Мы резали, сваливали все в кучу, доливали воду, варили, цедили, измеряли это ужасное месиво стаканами. Несколько раз я пытался увильнуть от работы. Телек хоть и неважно, но

принимал сигнал после пожара на Башне, и «Морскую полицию» по шестому смотреть можно было. Так нет! Стоян каждый раз удерживал меня на кухне железной рукой. Ну, просто «Мишкина каша» у нас получалась какая-то. И, главное, у доктора Дагмарова начисто исчезло чувство юмора.

–Стоян! Ну, давай из остального компот сварим.

–Ну, сварим пару ведер компота !

–Да Светлана Ивановна сама бы эту слякоть выбросила и еще посмеялась бы над нами.

–Работай давай, Спиноза!

–Ну, почему раньше такого не было? При тете Элле?

–Потому что разумная женщина не один раз приезжала к нам из Меатиды и знала, что невозможное невозможно.

–А ты?! Ты что, первый раз с юга возвращался?!

–Я сказку про жадного попа плохо усвоил. Так что учись на моем опыте, осваивай классику! Пригодится в жизни. Мы что раньше везли? Абрикосы сушеные, твердые груши... Да и дорога была легче. На таможнях не простаивали и в самую дневную жару по степи не раскатывали.

На обед мы прервались только после того, как я, в совершеннейшем раже, искрошил в очередную кастрюлю вместо груш пол десятка помидоров.

Стоян гонялся за мной по всей квартире, размахивая, как плеткой, мокрым полотенцем, и, не поймав, отправился вылавливать пасленовые собственноручно в буквальном смысле этого слова.

Впрочем, событие это его немного отрезвило. И он, вероятно, вспомнил, что даже самые свирепые сатрапы не только изнуряли рабов тяжким трудом, но и поддерживали их брэнную плоть какой – никакой пищей. Потому мой изверг вытащил из заветного пакета, который вручил нам лично от себя Василий Иванович, несколько жирных вяленых сельявок, и мы принялись смаковать их нежные спинки, закусывая несчастным помидорами, которые только-только испытывали радость спасения из недр сливового пюре. Ну и пили же мы потом! Мне казалось, что лично я перекачал в себя половину городского водопровода. При резких движениях вода булькала во мне, как в бочонке.

Часам к девяти во всех кастрюлях схватывалось корочкой уваренное фруктовое месиво непрезентабельного цвета. Им же были облеплены наши джинсы, рубахи и даже волосы.

Стоян еще держался на ногах, расставленных, как у прикованного к столбам Самсона. А я так просто опустился на пол и демонстративно принял позу скорчившегося от истощения невольника, втайне мечтая пробудить в докторе Дагмарове чувство жалости и сострадания. Но, как всегда, реакция Стояна оказалась непредсказуемой:

–Эй, ты, – сказал он, – прекрати исполнять танец умирающего гадкого цыпленка и отправляйся под душ. Потому что я собираюсь обосноваться в ванне надолго.

Меня тут же, как ветром сдуло, потому что ждать до полуночи, пока Стоян будет отмокать в ванне, мне отнюдь не

светило.

После душа меня здорово разморило. Сказалась усталость после почти двухдневной поездки в вагоне типа «духовка» и всей этой возни с помятыми дарами Меатиды. Так что до своего Логова я добирался с остановкой в гостинной – просто ноги не держали. И это при том, что ладонь доктора Дагмарова придала мне в начале пути довольно ощутимое ускорение в нужном направлении. Рухнув в кресло у телика, я на минутку закрыл глаза и тут же задремал. Длинный телефонный звонок привел меня в чувство.

–Да-а!

–Алло! Алло! Юра, это ты?

–Юра – это я, – совершенно обалдев спросонок, ответил я.

–Здравствуй, сынок! Ты что, не узнал меня? Ты один дома? А где Стоян?

–Стоян...он был в варенье...нет – в повидле, то есть он в ванне.

–О чем ты?

–Я не могу сказать. Стоян говорит – это тебе сюрприз... У нас только банок не было, но Стоян из клиники принесет... у них есть ...для анализов.

–Юра! (громко) Я не очень хорошо тебя понимаю. Ты уже спал, наверное. Соберись. Я буду задавать вопросы, а ты отвечай коротко.

Вы благополучно доехали?

–Да. Только подавилось все.

–Я не расслышал. Вы здоровы?

–Да.

–В Меатиде все хорошо?

–Да.

–Стоян дома или на работе?

–Нет! То есть – ДА! Ну, я же сказал тебе, он в ванне, приходит в себя.

–Приходит в себя в ванне?!

Пауза.

–Юра! Слушай меня внимательно. Сейчас же ложись спать, сию же минуту.

Я позвоню завтра утром. Спокойной ночи!

–Па! – заорал я, очнувшись и сообразив, что происходит какое-то недоразумение. Похоже, папа решил, что мы основательно приложились к молодому дяди Вадиному вину.

–Папа! Папа! Мы в порядке, мы просто устали и выпили много

воо... (тут я неожиданно икнул – я часто икаю, когда волнуясь)

–Хорошо, хорошо...поговорим завтра.

–Папа, папа, приезжай скорей! Папа, не клади трубку! Папа, ну папа же!

Из трубки, крепко зажатой в моей руке, уже раздавались короткие гудки, а я все еще продолжал кричать.

Тут на пороге гостиной показался Стоян, обернутый в бедрах полотенцем.

–Ну и дела! – сказал он, разжимая по очереди мои пальцы и высвобождая трубку. – Башня и погорела всего ничего, а сколько осложнений! «Орфей» мой безнадежно потерялся в эфире, зато к нашему телефону подключили пожарную сирену!

Сказав это, Стоян повернулся и пошлепал обратно в ванную, оставляя на полу мокрые следы босых ног. Носками внутрь.

Я ожидал приезда отца к концу сентября. И, независимо от сознания, внутри меня все время велся счет оставшимся до встречи дням. И все было подчинено этому счету.

В последнюю неделю я просто не мог усидеть на месте, хоть сколько-нибудь долго сосредоточиться на любом занятии.

Даже у ящика мне не сиделось, когда показывали Олимпийские игры из Австралии. Я вскакивал каждые пять минут, то для того, чтобы то напиться воды, то поставить чайник на огонь и потом бегать проверять, не закипел ли он. Наконец, я срывался с места и мчался к себе в Логово, чтобы предаться обезьяним утехам на шведской стенке.

И вдруг...

Отец позвонил в пятницу двадцать девятого, около полуночи, когда по НТВ показывали парусные гонки. Сначала он долго говорил со Стояном, потом к трубке был допущен я. Моя уверенность, что это просто формальный звонок с со-

общением о номере поезда и прочем была так велика, что я не обратил внимания ни на тон, каким Стойко говорил с отцом, ни на выражение его лица. Потому слова:

–Здравствуй, сынок! Ну, ты уже догадался, наверное, что мой приезд немного откладывается... – вызвал у меня шок.

Я сунул трубку Стояну и укрылся у себя в комнате.

Если он так! Если он вообще про меня забыл, то и пусть читает питерцам свои лекции хоть до скончания...века... Подумал и решил, что это выражение за три месяца до миллениума приказало долго жить. Тут заявился доктор Дагмаров и стал нести какую-то ахинею, чтобы оправдать отца, но я просто заткнул уши. Стоян покрутил пальцем у виска и вышел. Тогда я демонстративно врубил ДеЦла на всю катушку. Я его для Виталика переписал и собирался переслать в Метиду.

Поскольку шел первый час ночи, Стойко возвратился и выключил маг.

Я включил.

Стоян вынул кассету и сунул ее себе в карман.

Я нагло захохотал и врубил «Вопли Видоплясова» – подарок тому же Витальке.

Стоян утащил магнитофон вместе с удлинителем, который зловеще извиваясь поволокся за ним, как змея.

Я швырнул в Стояна теннисным мячом, который, не попав в цель, отскочил от дверного косяка и стукнул меня в лоб.

Это меня доконало, и я завалился в постель.

На следующей неделе я еле ноги таскал, как будто меня укусила муха цеце. К тому же на меня посыпалось тридцать три несчастья.

На труде я загнал себе щепку под ноготь и у меня образовался панариций. С одной стороны, это, безусловно, давало мне некоторые преимущества в школе. Если я по каким-то там признакам и считался скрытым левшой, то все равно писать левой рукой не мог. Но, с другой стороны, моя учительница музыки была от этого в диком восторге. Она, оказывается, давно мечтала предложить кому-нибудь «дивный этюд для левой руки». В нем при помощи педали создавался эффект одновременного звучания мелодии в верхнем и нижнем регистрах.

Стоян, к моему удивлению, не орал на меня, как обычно, но зато подвергал иезуитским пыткам, силой удерживая распухший средний палец в соленом кипятке.

Вообще, отношения наши несколько изменились. Я стал ужасно обидчивым и на всякие его дразнилки не огрызался, а молча укрывался в Логове.

К вечеру четверга опухоль на пальце стала спадать, но стали странно чесаться и болеть веки. Я посмотрел на себя в зеркало, но ничего необычного не увидел. Глаза как глаза. Только вроде меньше немного стали. С тем и лег спать. А утром не смог разлепить ресницы. Потащился к Стояну, который мечтал отоспаться на отцовском диване после суточ-

ного дежурства и потому сам еле-еле открыл глаза.

–Ну, что тебе?

Приподнялся на руках, всмотрелся в меня, скаламбурил мрачно:

–Паршивеет на глазах!

В школу не пустил, заставил промыть глаза чаем. Потом помчался в аптеку, принес альбуцид и еще какие-то капли. Я скользнул по этикетке взглядом, прочитал про уши и завопил, что они у меня не болят и закапывать этой дрянью глаза я не буду!

–Уши у него не болят! – возмутился Стоян. – Так может надрать? Ты что, читать разучился? «Для лечения отитов и конь-юк-ти-витов»!

Отец звонил через день. Стоян ничего не говорил ему о моих болячках, а сам возился со мной как с тяжелобольным. Запретил пить чай, и вместо него заваривал в термосе те самые ягоды шиповника, которые я с риском для рук и брюк собирал в Меатиде за будкой Рекса.

Я принципиально к телефону не подходил и все бегал смотреться в зеркало, убеждаясь с отвращением, что глаза остаются противно опухшими с красными веками.

Вечером в субботу позвонила кузина Марго из Киева. Стояна не было, мы долго болтали и никто не орал мне в ухо: «пенендзы, пенендзы»!

Маргоша собиралась к нам на зимние каникулы. Я думал это на Новый Год, но потом сообразил, что у студентов кани-

кулы позже, чем у нас. Я так разошелся без цензора, что ляпнул ей про глаза. Она помолчала немного, а потом сказала:

—А ты пойди в церковь, возьми святой воды и умывайся. Ты же крещеный.

В церковь я ходил, но только с отцом и в те дни, когда поминали маму.

При этом я как-то не очень вникал в то, что там происходило. Просто стоял рядом с отцом, когда он подавал за оградку женщине в темном платке узкие бумажки с нарисованным крестом вверху и надписью «О здравии» и «О упокоении». В последнем случае мне казалось, что нужно писать не «О», а «Об», но я стеснялся сделать папе замечание. После этого мы покупали свечи и шли с ними к распятию. Одну свечку папа давал мне и говорил:

—Поставь маме сам.

В церкви всегда было много людей. Иногда рядом с распятием отпевали умерших, чего я ужасно боялся. Папа долго стоял молча, наклонив голову. Иногда мы немного задерживались, слушали хор, а потом шли к выходу.

Я читал детскую Библию, знал, что есть несколько Евангелий, но осилил только одно от Марка. Однако все это было как бы отдельно от церкви.

Марго позвонила около семи, через полчаса раздался «контрольный» звонок Стояна, а в восемь, поддавшись какому-то внезапному порыву, я влез в ботинки, натянул куртку и отправился за святой водой.

По дороге я сообразил, что ее ведь куда-то наливают, но возвращаться домой не стал, потому что ноги несли меня только в одном направлении.

Уже подойдя к высокому церковному крыльцу, я понял: что-то не так. Потому что во дворе не было нищих, а в церковных окнах – ярких огней.

Я постоял немного перед тяжелой кованой дверью, а потом решился и изо всех сил потянул на себя длинную ручку.

Створка поддалась, я переступил порог и очутился в полутьме. Как я догадался, общий свет был выключен, горели только лампадки над иконами, да и то не везде. Я замер на пороге и вскоре услышал чьи-то негромкие голоса и шаги. Где-то вдалеке, у главного алтаря.

Внезапно из-за выступа стены, отгораживающего ту часть церкви, где продавали свечи и принимали записки, появилась высокая сутулая старуха в черном платке с небольшой лестницей в руках. Меня она заметила только взобравшись на нее возле большой иконы, чтобы потушить лампаду.

– Это еще что такое! Ты бы еще полночь пришел!

Я вконец растерялся.

– Шапку-то, шапку-то хоть сыми, бусурман!

Я быстро стянул шапку и вознамерился позорно сбежать, как вдруг незаметно для меня рядом с лестницей, на которой стояла сердитая старуха, оказался маленький сгорбленный священник с совершенно седой головой и бородой.

– Ой, не грехи, не грехи Мария. Чай, мальчонка не к тебе

непрощеным гостем пришел, а в Храм Господень явился.

Старуха спустилась на одну ступеньку, перекрестилась, неловко поклонившись батюшке, и ответила, как мне показалось, противным елейным голосом.

–Простите, отец Николай, бес попутал.

–Господь простит, – ласково ответил батюшка и ко мне:

–А ты, что ж, детушка, первый раз в Храме-то?

–Нет. Но я с папой раньше приходил.

Старичок обнял меня за плечи – такой уютный, теплый, тихий изнутри – и повел внутрь церкви.

–Мы свечи ставили, – неожиданно для себя сказал я, как бы отвечая на вопрос, хотя отец Николай молчал.

–В дни памяти... маминой. Ну, в день ее рождения и когда ее не стало.

Священник остановился, развернул меня к себе.

–Давно поминаете?

–Я совсем ее не помню.

Помолчали.

–Ты, милый, постой тут, подожди.

Он направился к старухе, которая уже слезила с лестницы, и что-то сказал ей. Та кивнула головой и куда-то ушла.

Я огляделся.

Распятие, возле которого мы с папой ставили свечи, было справа от меня, и лампадка над ним еще горела.

Возвратился отец Николай, принес две больших свечи. Одна была зажжена.

–Поставь матери. Тебя как зовут?

–Юра...Юрий.

–Вот, поставь на канон, Юра. **Это ты** мать не помнишь, **а она тебя не забыла**. Ты постой, погрузи о ней, а потом подойдешь к Иверской иконе Божьей Матери. Знаешь куда?

Я кивнул.

–Там меня и найдешь.

Сперва я просто стоял и смотрел на свечу, которая горела, слегка потрескивая, боясь уткнуться взглядом в пугающее меня изображение черепа и скрещенных костей у основания Распятия.

Потом поднял голову. Темнота скрадывала высоту Храма, но, несмотря на это, именно теперь я ощутил беспредельность его сводов. И чувство абсолютного одиночества опять посетило меня.

Что-то подобное я уже испытал в августе, когда вышел ночью под звездное небо Меатиды. До этого я видел его сотню раз, это черное небо с огромными звездными маяками. Но в ту ночь я как бы впервые остался с ним один на один и был испуган его бездонным космическим равнодушием.

Помню, как искал спасения в низенькой пристройке к рыбацкой хате, зажег там свет и радовался тесноте грубо беленой известью комнатки, укрывающей меня от моих собственных страхов.

И все-таки это было совсем иное одиночество. На этот раз Бесконечность не испугала меня. Напротив, откуда-то из ее

глубин изливалось на меня тепло и утешение. Мне даже по-чудилось, что я вспомнил что-то о маме. Ну, не событие, а запах какой-то ощутил: особенный, родной, который раньше не вспоминался. Может, действительно мама моя была где-то рядом... невидимая глазами...

В этот момент рядом гулко прозвучали в Храмовой тишине чьи-то шаги. Я вздрогнул, огляделся и увидел обыкновенного пожилого охранника в пятнистой куртке, спешившего со связкой ключей к главному входу.

Свеча, по-прежнему, горела, тихо потрескивая и слегка колеблясь своим золотым огненным куполом, но ощущение мамино присутствие исчезло.

Я вздохнул и направился к Иверской иконе, возле которой стоял отец Николай и о чем-то очень тихо говорил с высоким молодым человеком в темной длиннополой одежде. Увидев меня, батюшка что-то сказал собеседнику, тот поклонился и приложился губами к руке старика, который перекрестил его коротко остриженную голову. Потом отец Николай сделал мне знак подойти поближе. Опять обнял меня за плечи и подвел к совершенно темной от времени большой иконе. Она стояла в отдельном резном киоте. Возле нее догорало много свечей. Освященный ими серебряный оклад источал мягкое мерцающее сияние.

Я взял свечу из рук отца Николая и вопросительно взглянул на него.

—Ступай, поставь свечу Заступнице нашей перед Госпо-

дом. Она всех сирот пригревает, а материнским Душам утешение дает.

Парень, который отошел от бабушки, опустился в это время на колени перед Иконой и поклонился ей до земли. Потом встал, поднялся к ней по ступенькам и приложился к ногам Младенца и рукам Богоматери губами и лбом.

—Вдвоем с отцом, Юра, живете или мачеха есть? — спросил отец Николай.

Я ужасно покраснел.

—Папа один... то есть мы вдвоем с папой живем.

—Ну, и хорошо, ну, и ладно... Так ты поставь свечу и приложись к Иконе, приласкайся.

Я подошел к огромному начищенному до блеска напольному подсвечнику, зажег и поставил свечу, а потом на ватных ногах поднялся по ступенькам и ужасно неловко ткнулся лицом в стекло. Не губами, а как-то носом, потому что не смог рассчитать расстояние. Испугавшись, что сделал все не так, как надо, я поднял голову и вдруг... из темноты глянул на меня один печальный живой глаз, наружный угол которого был скорбно оттянут тяжелой слезой.

Я разволновался, неловко шагнул назад, оступись и упал бы, наверное, не поддержи меня маленький священник.

—Ну, идем, идем, посидим на скамеечке. Удостоила, стало быть, Заступница.

Мы сели на одну из коротких широких скамеечек в приделе Петра и Павла. Отец Николай откинулся на спинку ска-

мый, глаза прикрыл и как будто задремал. У меня же сердце колотилось о ребра с такой силой, что стук этот, думал я, по всему Храму слышен был.

– Не успокоишься никак? Это ничего. Ты о Божьей Матери разумом знал, а теперь вот душой встретился.

Сказав это, отец Николай с осторожностью очень старого человека поднялся со скамьи.

– Пойдем, милый. Не будем Марию в грех вводить. И то, домой ей пора. А бутылочка для святой воды у тебя есть?

– Н-н-нет! – растерянно ответил я, не понимая, как он угадал, почему я пришел в церковь.

– Ну, ничего, попросим Марию. Она какой-никакой сосуд нам найдет. Дома Богородичную молитву и Отче наш прочти по три раза, умойся святой водой и ложись спать. Господь все управит...

Дома я отыскал свою Детскую Библию, а в ней маленькую книжечку «Молитвы для мальчиков» – давний подарок Марго.

Перед утром мне приснилась Меатида. Я лежал на песке, а рядом сидел отец. Мне было жарко, и солнце слепило даже через закрытые веки. Хотел сказать:

– Па, переставь зонт!

Но не мог. Язык меня не слушался. Тогда, делая над собой невероятное усилие, я открыл глаза и... проснулся.

На краю кровати у меня в ногах сидел папа. На нем был незнакомый серый свитер, похожий на кольчугу, а лицо вы-

глядело осунувшимся и усталым, каким обычно становилось после дорожной бессонницы. Упираясь рукой об одеяло у самой стены, он наклонился и смотрел на меня, и уголки его четко очерченного твердого рта подрагивали в улыбке.

В комнате было темно. Светился только дверной проем.

Какая-то вязкая сонливость сковала меня по рукам и ногам. Единственное, что я смог сделать – дотянуться пальцами до его прохладной руки. И тут меня вновь поглотил сон.

Проснувшись во второй раз, уже окончательно, я довольно долго лежал, соображая, действительно ли папа приехал или это был сон.

Прислушался.

Вот кто-то хлопнул дверью в ванной. Ну, это мог быть и Стоян, если не задержался в больнице.

Возня в кухне... Смех... дуэтом!

Я быстро сел на кровати.

Шаги в гостиной ... и голос... папин!!

–Что ты чашку как краба пятерней сверху хватаешь! Кипяток же! Дай сюда!

После этого кто-то наткнулся на кресло и на него же плюхнулся.

–Послушай, ну как это ты? Ведь вчера в восемь...

–Господи, да что же это с вами?! Смотрите на меня, как на призрак Отца Гамлета! Может, мне возвратиться в Питер?

–Но ты же сам меня уверял...

–Уверял! А потом вдруг встал, схватил кейс и на вокзал.

–Тебе что, может Голос был, как Иеремии?

–Может и Голос. Ну, вот представь: сижу, пишу конспект лекции и вдруг чувствую, что должен ехать. Вот и объясняй, как хочешь.

–А вещи?

–Да пришлют вещи, нужно только позвонить, предупредить, а то ведь в розыск подадут. И вообще, почему это вещи мои тебя интересуют, а Стоянчик?

Там, между прочим, целый ящик книг. Так что придется вам с Юркой попыхтеть. Или ты только на подарки рассчитывал?

–А почему бы нет?

–Потерпите!

–Эх ты! А мы тебе сюрприз готовили, повидло варили...

–Знаю, слышал. И в банки для анализов раскладывали.

–Ну, Юрка! Расколосся, паршивец!

–Ладно. Не стнай! Сейчас получишь Питерскую шоколадку в виде аванса.

Тут я окончательно пришел в себя и рванул к ним.

Первым, кого я увидел, был Стоян, развалившийся в кресле у окна. Отец полулежал на диване. У обоих в руках были чашки, исходившие ароматом молотых кофейных зерен.

–Па! – выпалил я с порога. – Ты весь приехал?

–Весь! Весь! – засмеялся отец и потянулся к столу, чтобы поставить на него чашку.

А Стоян сидел, наклонив голову, и помешивал себе ло-

жечкой сахар в кофе.

Ни тебе восклицаний вроде « явление босяка народу», ни ядовитых ухмылочек.

Дней через десять я встретил на лестничной площадке нашу соседку, которая работает на почте.

–Юрочка! Как удачно! Меня Стоян Борисович просил счет телефонный отдать ему лично в руки, наверное, чтобы не затерялся среди рекламок. А я вот никак с ним не встречу. Передашь?

Я развернул бумажку.

На ней был жирно отпечатан код Питера и трехзначная сумма стоимости телефонного разговора, который происходил за день до папиного возвращения.

Я вспомнил, как отец Николай сказал мне:

–Господь все управит. А через кого, нам знать не дано. Проси терпения.

Без переводчика

Первые дни после возвращения отца из Питера я просто наслаждался ощущением его присутствия дома. Ну, как северные люди, которые полгода живут в темноте, а потом увидят макушку солнца на юге – и у них праздник.

Я давно уже разучился, как в детстве, плакаться отцу в жилетку, вернее даже в каждый ее карман по любому поводу. А ведь когда-то, бывало, только и делал, что бегал к нему, обливаясь слезами, то с поломанной машинкой, то с жалобой на хулигана из песочницы, то с поцарапанным пальцем, чтобы подул на ранку да еще и поцеловал.

Свежо предание! Зато теперь, когда мы вдвоем в одной комнате, у меня такое чувство, будто я играю на концерте, а публика в зале вся с абсолютным слухом. Я не слышу, где фальшивые ноты беру, они кривятся, а мне никак не понять, чем они недовольны. Но чувство покоя и глубинной какой-то радости, если просто знаешь, что папа дома – это осталось.

Сейчас, если мне что-то от отца нужно, я начинаю подлизываться к Стояну, а он говорит:

–Что? Опять: «Скажи папе...»? Ты что, без переводчика не можешь?

Похоже, не могу. С некоторых пор. И объяснить почему тоже не могу, даже себе.

Отец всегда отводил меня в детский сад, а потом, когда

я учился в младших классах, старался не пропускать родительских собраний. Это было замечательное время, когда мы оба гордились друг другом. Я – его ростом,

он – тем, что я один в классе читаю со скоростью сто двадцать слов в минуту.

Сейчас причин гордиться отцом у меня стало гораздо больше, зато мои возможности порадовать его какими-то успехами в школе свелись почти к нулю.

В пятом классе в школу стал чаще приходиться Стоян, который делал глазки нашей новой классной «Милой Миле». Впрочем, этот его «школьный роман» закончился на «прологе», потому что Людмила Ивановна вскоре уехала в дальний гарнизон по месту службы мужа.

В последние два года отец окончательно потерял интерес к посещению родительских собраний, а доктор Дагмаров забредал туда только в экстремальных случаях. Когда «предметники» спрашивали, кем он мне доводится, Стоян отвечал:

–Секретарем по связям с общественностью.

На этой неделе, придя из школы, он написал мне «официальную» бумагу с требованием «освободить его от дипломатических обязанностей по причине истощения нервной системы».

–Я не хочу, чтобы на глазах общественности меня пинали ногами из-за того, что ты пишешь «дано» не в том углу и читаешь на уроках

«Декамерон»!

–Но это же «рекомендованное чтение»!

–На геометрии?! Малолетний извращенец!

А дело было в том, что наша математичка в этот день допекла его, заявив на классном «урултае», что у меня патологическое неумение правильно оформлять городские контрольные, и это куда-то там тянет весь класс

(хорошо еще, что не всю Федерацию!).

Стоян озверел от такого вольного обращения с медицинской терминологией и, как рассказала Левке его мать, рывкнул:

–Ну, это вскрытие покажет!

После чего меня уже не обсуждали.

Немудрено, что, распалившись на собрании, Стоян выбрал в качестве Третьейского судьи отца. Вот уж, действительно, «не буди лихо, пока оно тихо»!

–Роман! – вкрадчиво спросил он. – Ты как физиолог в состоянии объяснить, почему твой сын не может в течение трех лет научиться отсчитывать пять клеточек слева и шесть – сверху?

– Ка-ких имен-но ...клеточек...то есть клеток? – рассеянно спросил отец, набирающий в этот момент на компе текст своей очередной физиологической статьи (он не любил уменьшительных форм).

–Тетрадных! Ты еще помнишь, ученый великий, что тет-

ради в школе

бывают в линейку и клетку! Не понимает он, каких клеточек!

–Ну вот...сам путаешься в терминологии... То у тебя клеточки...то клетки...

клетки...а они, брат, бывают разные... И почему именно сле – ва?

–Ну, не знаю. Если докажешь, что в его жилах течет арабская кровь, то может и справа. Я не знаю! Это нужно выяснить в дидактических материалах!

–Дурь какая-то! Не отвлекай меня!

Стоян рухнул на диван напротив отца и заявил:

–Так вот, значит, какова шкала твоих ценностей! Лягушки на первом месте, а родной сын – на последнем!

Всю эту сцену я невольно наблюдал, сидя перед телевизором.

–Ты можешь помолчать?! – уже застонал отец.

Стоян встал, выглянул в гостиную, увидел меня и закрыл дверь в кабинет.

Потому все последующее я воспринимал, как радиоспектакль.

Стоян (вкрадчиво):

–Роман, ты замечаешь, что рядом с тобой растет не лягушка с рефлексом, а подросток с рефлексиями?

Отец (подавляя раздражение):

–В чем дело, Стойко? Только, будь добр, без метафор. У

меня и без твоих

загадок голова раскалывается.

Стоян (запальчиво):

–Ты что, действительно не замечаешь, что с Юркой происходит?

Отец (с тревогой):

–А что произошло?

Стоян (со злорадством):

–Вот-вот, тебе нужен прецедент, чтобы обратить внимание на собственного сына! Да у него в одной школе проблем выше крыши, но тебе даже о них не известно!

Отец (тревожно – вопросительно):

–А в другой?

Стоян (недоуменно):

–В какой другой?

Отец (непонимающе):

–Но ты же сам сказал «в одной»!

Стоян (после паузы):

–Как ты слушаешь?! Я сказал с тем подтекстом, что у него и помимо школы

хватает всяких переживаний... То есть вообще всех школ... в любом количестве. Ты же не общался с ним два месяца!

Отец (механически):

–Полтора.

Стоян (распаляясь):

–Этого мало?! Парень запаршивел от тоски!

(Тоже словечко нашел, как будто я домашнее животное вроде хомяка!)

–И вот, – продолжал Стоян. – Ты уже неделю дома, а общение у вас, как у

глухонемых: ты ему ручкой – он тебе головкой.

Отец (раздраженно):

–Прекрати демагогию разводить. Нашел себе развлечение! Клеточки какие-то, лягушки! Ты что, думаешь, я уехал в Питер и забыл о нем, так что ли. Но ты же прекрасно знаешь, что у нас с Юркой сейчас общение по типу: «Шаг

вперед – два шага назад». Это если я первым шаг делаю.

Так я лучше постою и подожду.

Стоян (резко):

–Чего? Чтобы он свои проблемы в виде курсовой изложил, а ты по ней красным карандашиком прошелся? Ну, стой! Дождись!

Ты бы лучше признался самому себе, дорогой папа Карло, что дурашка Буратино превратился в Пьеро: стишки там, переживания. А тебе не понять его хочется, а хочется, чтобы он опять превратился в забавную игрушку.

Отец (решительно):

–Все! Ставим точку!

Стоян (спуская пары):

–Ладно, а то сейчас скажешь: «Вот заведешь собственного сына...»

Не заведу! У меня девочки будут. Кстати, ты помнишь, что Юрка паспорт скоро получит? Теперь ведь с четырнадцати!

Отец (озадаченно):

—Ну, и что из этого? Кстати, заводят тараканов, а не детей.

Стоян (торжествующе):

—Получит паспорт и...женится!

Мой мудрый отец в полной растерянности:

—На ком?!

Тут мне послышалось, как будто он встал и отодвинул стул.

Я моментально смылся в Логово, даже ящик не выключил.

Попадешься еще им под горячую руку! Тут они сразу все разногласия забудут! И начнется: «Опять на Покемонов своих не нагладишься!» И далее в таком же духе.

В этот вечер я постарался не мелькать у них перед глазами и потому не знаю, как там все решилось... с моей женитьбой.

За ужином под ястребиным взглядом Стояна папа говорил со мной с осторожностью минера, который ошибается понятно сколько раз. Я отвечал тем же. Доктор Дагмаров с грустью наблюдал за нами и удалился ночевать

в свою коммуналку, бросив на ходу печально: «Это клиника...»

Выждав несколько дней, я спросил Стояна, что это за слово «рефлексия», которое, якобы, часто употребляет наш физик.

–Ну...это...ничего особенного, – рассеянно ответил доктор Дагмаров, черкая что-то в своем ежедневнике. – Рефлексия – это сосредоточенность человека на своих отношениях с себе-е по-добными. С окружающими то есть.

–А почему физик говорит Левке: « Не рефлексуй».

–Откуда я знаю? Может у твоего приятеля прыщ на носу, и он жаждет мировой скорби по этому поводу. Маршака читал?

–???!!!

–Ну, не про мяч, разумеется. А вот это, из переводов... Дай Бог памяти.

«...Он ко мне...

Он думал, что уснула я

И все во сне стерплю.

Иль думал он, что думаю,

Что думал он – я сплю...»

Чего краснеешь? Я просто привожу тебе классический пример сложной рефлексии.

Я быстренько переменял тему разговора. Потом ходил, терзался целый день и, наконец, решил: кончаю со своими рефлексиями и в субботу подойду к папе и расскажу обо всем, что пережил в Меатиде и потом дома, когда он был в Питере. Тем более Стоян уйдет на дежурство, и до воскресенья его не будет. Мы с папой будем дома одни.

Решил – и заснул сном младенца. Только, как говорится, человек лишь предполагает...

Звонок в дверь раздался очень рано, и я, шагая из туалета в прихожую, решил, что это Стоян примчался с дежурства за какой-нибудь забытой тетрадью, не захватив ключей. Бывало такое.

Открыл дверь, даже не спросив, кто там, и обмер. Стою в одних трусах, а в дверях незнакомое семейство: молодой мужчина в нелепой шляпе, натянутой до бровей, и женщина неопределенного возраста с лицом и глазами ночной птицы. А на руках у нее маленький ребенок. Привалился к плечу и спит. Непонятно даже мальчик это или девочка.

– Это квартира Романа Ильича Мещерского? – спросил мужчина.

– Да, – отвечаю с опозданием, но войти не приглашаю. Октябрьское утро еще не наступило, ночь на дворе, можно сказать, и я, спросонок, никак не соображу, кто это может быть и что мне делать.

Тогда парень в шляпе вытаскивает бумажник, а из него склеенную скотчем выцветшую от времени фотографию. Показывает мне. Там уйма народа позирует в саду у праздничного стола.

– Вот это – я, – гость тычет пальцем в постриженного под ноль пацана лет семи. – Хотя узнать меня здесь, пожалуй, трудно. Но отца-то своего ты углядел?

Отца?! Если пацан чем-то отдаленно и напоминал того, кто предъявлял фотографию столетней давности вместо паспорта, то сходства с отцом я вообще ни в ком не находил.

–Ну, вот же, вот же! – гость тыкнул желтым ногтем курильщика в какого-то

долговязого подростка, едва различимого за мощной фигурой тетки с баяном.

Тут появился отец, как всегда застегнутый на все пуговицы, странное семейство переместилось внутрь квартиры и выяснилось, что это наши дальние и не кровные родственники из Житомира.

Ну, просто ремейк появления Лариосика на Андреевском спуске!

Ребенок оказался девочкой «Ляпой» двух лет. Вообще-то ее звали Вера, но мать все время называла ее «Лапочкой», и потому на вопрос, как ее имя, девчонка отвечала:

–ЛЯПА!

Отец выставил меня из Логова и сказал, что спать я буду на диване в гостиной. При этом он даже не спросил, нравится ли мне такой вариант.

Этого... с фотографии ... звали Костей, и он оказался симпатичным веселым парнем. Но лупоглазая жена его! Но Ляпа!

Квохтанье и кудахтанье заполнили весь наш дом.

Отец с Костей уединились в кабинете, где предались воспоминаниям, а я волей- неволей был вовлечен совоподобной женщиной в какую-то бесконечную суету. Она сразу же сняла и сложила мое постельное белье, которое, очутившись на диване, превратилось в кучу несвежего тряпья, и я с отвра-

щением накрыл его газетой.

Нахальная Ляпа методично стаскивала и бросала на пол все с нижних полок моего стеллажа и чуть было не расколо-тила настольную лампу.

Мать равнодушно-механически говорила ей:

–Ла-поч-ка! Не трожь! Это Юрочкино.

С таким же успехом можно было бы читать нравоучения какой-нибудь макаке из питомника. Я только и успевал, что выхватывать из ее рук и запихивать на верхние полки то диктофон, то бинокль, то фотоаппарат.

Женщина предложила мне называть ее тетей Зиной. Я долго исхитрялся никак ее не называть, а потом узнал у Кости ее отчество – Степановна.

Завтрак был ужасный! Эта женщина, Зинаида Степановна, вывалила на стол все остатки дурно пахнущей дорожной снеди. С моим нестандартным нюхом мне едва не пришел конец. Но поскольку все внимание было отдано Ляпе с ее капризами и нытьем, мне удалось благополучно ретироваться из кухни, плотно прикрыв за собой дверь.

Когда выдалась какая-то минута, и мы с отцом остались один на один, я, ища у него поддержки, сказал:

–Теперь я понимаю, что значит «анфан терибль». Помнишь, так любила

говорить наша учительница по сольфеджио?

Но папа странно взглянул на меня и не ответил.

К полудню Ляпа превзошла самое себя. Костя лазил перед

ней на четвереньках, изображая какое – то ручное непарнокопытное, а Зинаида Степановна бегала за ней по всей квартире с тарелкой каши. А папа – мой папа профессор Мещерский – кормил кашей эту обезьянку, потому что той так захотелось! Он же укладывал ее днем спать на мою кровать, а она сосала большой палец и говорила:

–Есе сказку, есе!

И отец умильно глядел на нее, гладил по спутанным желтым волосам и называл «Златовлаской»! При этом его не раздражало ни ее косноязычие, ни ее капризы.

А я...Я...был без него сорок три дня! Я так считал часы до встречи и так мечтал остаться с ним один на один именно сегодня! Мне даже Стойко казался третьим лишним! И вдруг такой «ляп»...

Катастрофа произошла за ужином, вернее после него. Я мыл посуду. Папа и Костя блаженствовали за бутылкой самодельного вина из Меатиды. И вдруг девчонка, которую мать уже укладывала спать, ворвалась в кухню и вцепилась в отца, которому пришлось усадить ее себе на колени.

–Роман Ильич! Не ложится без вашей сказки. Уж и не знаю, чем вы ее так к себе привязали. Она ж у нас не очень общительная. Все от меня к Косте, от Кости ко мне.

Накопившееся во мне раздражение прорвалось наружу. Неожиданно для себя, я подскочил к этой Вере – Ляпе и стал отрывать ее руки от отцовской шеи.

–Папа, ну скажи ей, скажи! Что она к тебе прицепилась!

И тут такое началось! Девчонка верещит, мамаша пытается взять ее на руки, а отец меня от себя отталкивает. Но не тут- то было! Вера держится за отца мертвой хваткой питбуля! Наконец ее от папы оторвали, и она повисла в руках Зинаиды Степановны, захлебываясь от плача и колотя по своей мамаше ногами и руками. Тут отец вскочил и что-то резко сказал мне. Но я не расслышал, то ли от испуга, то ли из-за девчоночьего визга. Может, он крикнул: «Прекрати сейчас же!» или «Немедленно уходи!». А, может, и то и другое вместе. Только я не стал выяснять, что именно, и сразу же выскочил из кухни, а поскольку дорога в Логово была для меня закрыта, рванул к Бобу в соседний подъезд. Он увидел меня в тапочках, хмыкнул, понимающе, и вытолкнул из комнаты, которую их отец называет «учебкой», упирающегося Илюшку.

–Слушай, Борька, я могу у тебя переночевать? У нас ... гости дальние, то есть – родственники...

–Ну! Ноу проблем! Сейчас матери скажу.

За то время, что он отсутствовал, я успел полсотни раз назвать себя идиотом, но легче от этого мне не стало.

В приоткрытую дверь глянула хитрющая Ильюшкина физиономия и исчезла.

Когда Борька вернулся с бельем, мы поболтали о всяких пустяках, а потом мать крикнула ему, чтобы он позвонил старшей сестре Клавдии и узнал, приедут ли они завтра к обеду. Боб позвонил, а потом схватил Ильку за шиворот и

приволок ко мне.

–Ты зачем это Юрке домой звонил?

–Я не звонил! – заканючил Илья.

–Телефон сам номер набирал, да?

–Ну, и позвонил, а что?!

–Говорил с дядей Романом?

–Ну, говорил!

–О чем? Отвечай, а то я тебе сейчас дам рАза!

Илюшка захныкал.

–Я только спросил, знает ли он, что Юрка у нас ночевать будет. А он ответил: «Теперь знаю». И все.

Мы еще немного поболтали, и только когда улеглись, Боб сказал:

–Ну, давай выкладывай.

Выслушал молча, а потом сказал, как диагноз поставил.

–Вот, что значит расти одному, как перст, среди взрослых. Совсем соображалку потерял. Ты хоть узнал, надолго ли они.

–Нет.

–А куда едут?

–К себе в Житомир из Иркутска, кажется.

–Ну, значит у них здесь пересадка. А с ребенком надолго не задерживаются.

Мог бы и потерпеть, дурень.

–Ну да! Я же тебе говорил! У меня к отцу серьезный разговор был. А из-за этих... Думаешь приятно чувствовать себя третьим лишним в собственном доме? Может, они неде-

лю здесь пробудут или еще дольше.

–Нежный какой! Я восьмой год третьим лишним в своем доме живу – как Илья родился. И ничего. Родители просто с ума походили. Им же под сорок было, так Илька им вроде внука стал. Тешатся! Такой поганец растет, а попробуй тронь! Может, и твой дозрел. Ну... не знаю.

Помолчали.

–Борь, а ты думаешь о том, что мы тоже такими будем...ну, взрослыми, старыми, а потом нас совсем не будет? Вот все останется, а нас не будет.

–Че? Я что – шизик? Пусть старики думают. Ты меня прости, Юлик, но ты чем дальше, тем дурее.

Он заворочался на неудобной Илюшкиной кровати. Свой диван он благородно уступил мне.

Вскоре Боб заснул, а мне все не спалось и не спалось.

Вообще – то, про «один, как перст» – это Борька напрасно сказал. Я с ним, исключая каникулы, провожу почти столько же времени, сколько «с моими взрослыми». С детского сада еще, когда я букву «р» не выговаривал. Вот почему ему одному из класса я позволяю (иногда) называть себя Юликом. Да и в школе мы уже целую вечность делим поровну все приятности и неприятности. Правда, в последнее время у меня появилось такое чувство, будто мы стали расти в разные стороны. Есть такие деревья. Вначале один ствол, а потом он раздваивается, как ножки у камертона. Впрочем, корни-то у этих деревьев все равно одни на двоих.

Между прочим, этой зимой Борька без колебаний выпрыгнул из окна, когда увидел, что дебилы из одиннадцатого засовывают меня головой в сугроб. И все из-за того, что место я им в зале не уступил. Тоже мне «молодого» нашли!

Окно, правда, на первом этаже находилось, но все равно с тех пор его так и зовут в школе – «Супер – Боб», а он меня «Идиотом Ламанческим».

Борька спокойно спал, а я все вертелся и вертелся. Забылся ненадолго, а потом, очнувшись, смотрел в окно, скоро ли рассветет. Где стоял будильник я не запомнил. Была середина октября, и ночь казалась «безразмерной», как и мои душевные терзания.

И зачем я стал ревновать отца к этой девчонке? Хорошо бы еще просто разозлился, а то ведь и руки распустил, как маленький. Какой уж теперь задушевный разговор без рефлексий. «И думал он, что думаю... что думал он..» – стало вертеться у меня в голове, и я, наконец, уснул.

Когда я открыл глаза, небо уже чуть посветлело. Я оделся, сложил постель, снял с вешалки Борькину куртку и вышел из квартиры.

На детской площадке, как раз напротив нашего подъезда, стояла скамейка в виде крокодила. Я присел на нее и стал думать, как же мне попасть домой и объясниться с папой. Так задумался, что когда дверь подъезда отворилась, и из нее вышли наши гости, я от неожиданности чуть со скамейки не свалился. А ведь надеялся и мечтал именно об этом.

Впереди с громадной сумкой, как у челноков, и в мятом плаще с плеча лейтенанта Коломбо шел Костя. За ним... гм... тетя Зина с Верой на руках.

Последним вышел отец...

Папа носит одежду и держит себя так, что в Каннах или даже на приеме у царствующей Елизаветы, мне кажется, никто не посмел бы усомниться, приглашен ли он. И потому вид в его руке ужасного допотопного чемодана с какими-то железными уголками просто ошеломил меня.

Возможно, именно потому в голову мою пришла ужасная мысль, что отец собирается уехать с этими родственниками. И вот, совершенно потеряв разум, я бросился к нему с одной единственной мыслью: «Задержать»!

Отец едва успел опустить на землю этот доисторический чемодан, как я уже таранил его в живот.

Нужно было видеть эту сцену!

Когда я искоса глянул вбок, я увидел, что Костя стоял, открыв рот, а его жена и Вера – Ляпа смотрели на меня в четыре широко раскрытых круглых птичьих глаза. При этом папа повторял неестественно высоким голосом:

–Все! Все! Прекрати!

Первой опомнилась Ляпина мама.

–Верочка! Смотри, как хорошо! Юрочка нас провожает. Скажи Юрочке, пусть приезжает к нам в Житомир. Мы живем в Студенческом переулке недалеко от Тетерева. Это за-

мечательная река, где любил купаться его папочка. Роман Ильич, вы помните наши скалы? А Голову Чацкого?

Папа издал какой-то звук, нечто вроде стопа с вежливым оттенком, и расцепил мои руки. Зазвенели ключи.

—Прощайся и домой. Я скоро вернусь.

Житомирские родственники наши заспешили со двора на улицу, ни разу не оглянувшись. И только совиные Ляпины глазки были обращены в мою сторону с безразличным любопытством.

Дома я заглянул в свое Логово. Чужие вещи исчезли, но чужие запахи остались. Я распахнул окно, а сам пошел в кабинет и забрался с ногами на отцовский диван.

К нам и раньше приезжали и родственники, и папины знакомые. Я эвакуировался на диван Стояна или в кабинет на раскладушку. Самым приятным вариантом было перемещение Стояна в Логово, где мы по словам недовольного отца вели себя, как «детки в клетке».

Я легко мирился с присутствием в доме посторонних людей, но не чужих запахов. Правда, бывали и исключения... Когда возвращались к себе в Киев дядя Митя и любимая кузина Маргоша, мне хотелось запаять свою комнату, как консервную банку, чтобы ничего не исчезло из памяти, чтобы сохранился даже воздух, которым я дышал вместе с ними.

Итак, я сидел, охватив руками колени, и вспоминал папины глаза. Похоже они были не сердитые, а такие... Вот когда я болею, именно так папа на меня смотрит... только болею я

все реже и реже.

А раньше бывало, если горло заболит, Стоян орет:

—Интересно, сколько вы с Борькой сосулек схрумкали? Ведь недели не прошло, как я тебе, поросенку, ампициллин скармливал!

И давай тыкать мне в горло обратным концом акварельной кисточки, обмотанным коричневой от Люголя ватой. А папа рядом стоит, морщится страдальчески и говорит:

—Ну что ты тычешь ребенку палкой в рот! Принес бы какой-нибудь человеческий инструмент! Ветеринар!

И осторожно так подушку поправит, а потом сядет в ногах, возьмет мою руку в свою и держит, пока я не усну.

Только когда это было!

Я поерзал на диване, устраиваясь удобней, и, неожиданно успокаиваясь, стал думать, что странные житомирские родственники, в сущности, хорошие люди. Вот только появились они в ненужном месте в ненужный час.

Вздыхнул, закрыл на минутку глаза и... уснул.

Проснулся я оттого, что кто-то сел на диван рядом со мной. Это был папа.

Он сидел, подавшись вперед, и смотрел на меня «бархатым взглядом». Это тетя Элла из Меатиды так говорила. Такое сравнение мне в детстве не нравилось, потому что бархат представлялся мне в виде обувной тряпочки, которой папа и Стоян протирали туфли. И только теперь я понял, что она имела в виду. Это был взгляд, как нежное прикосновение.

–Па, – сказал я и почему-то заплакал. – Как хорошо, что ты возвратился.

Я ждал тебя целую вечность, а ты все не возвращался.

–Ну-ну, а мне казалось, что все наоборот: жду я, а ты все убегаешь от меня и убегаешь.

Он наклонился и прижался лицом к моим мокрым щекам.

–Па, я хотел сказать тебе, я вспомнил маму... Но я не могу передать это словами. Тепло такое особенное и запах... Так неожиданно... появилось и... пропало. Как будто я нырнул в прошлое, но воздуха не хватило там задержаться.

Я ночью думал... Эта Верочка... Если бы мама была жива, у вас могла быть такая девочка. А я ...а тебе ...со мной неинтересно. Ты смотришь на меня, а думаешь о маме, как ей больно было. Я недавно это понял. Дядя Вадя тоже о тете Элле все время думает. У него, когда мы в Меатиде были, глаза не наружу, а внутрь смотрели.

Папа сел и притянул меня к себе.

–Ну, что ты, что ты! Девочка...Верочка...Ты просто Тяни-Толкай какой-то.

С одной стороны мудрый, как Кентавр, с другой – козленок задиристый.

Он разложил диван, мы улеглись, и я стал рассказывать безо всяких рефлексий о своих страхах и открытиях в Меатиде и о том, как был в церкви и говорил о маме с отцом Николаем.

Но где-то в глубине моей души уже рождалась печаль, что

минуты эти уйдут в прошлое, потому что всю жизнь на диване не проведешь.

В передней послышался шум, хлопнула закрытая сквозняком дверь в Логове, и на пороге появился доктор Дагмаров с самодельным арбалетом в руке. Арбалет этот я от Ляпы за вешалкой спрятал.

—Что, гостей ваших уже и след простыл? Наш Шервудский стрелок постарался?

Я отвел глаза. Отец промолчал.

—Ну, что вы как замороженные! В крове и хлебе насущном отказываете мне, так что ли!

Отец легко поднялся с дивана, шутливо развернул Стояна в направлении

кухни и легонько подтолкнул его в спину.

Из-за отцовского плеча при этом вопросительно и тревожно глянули на меня черные Дагмаровские глаза.

А я сидел и думал, как давно было вчера и как хорошо, что уже сегодня.

Золушка и Айболит

Маша Гилярова ворвалась в класс прямо со звонком после большой перемены. Нас ожидал урок социологии, поэтому все находились в расслабленном состоянии. Во-первых, Куся всегда опаздывает. Во-вторых, она опрашивает через урок, и, значит, сегодня будет токовать как глухарь.

Поэтому на истерические вопли Гили мы прореагировали не сразу.

–Люди! На истории городская проверка. Вот вопросы, а внизу – варианты ответов. Вероника дала нам пятнадцать минут!

Шум стих, потом немая сцена сменилась мощным «таксисом» в направлении Машкиного стола.

Историчка, которую девицы наши считают, ну, просто эталоном шарма, «а ля Амалия Мордвинова», по сути своей просто рыжий вариант Снежной королевы. Появилась она у нас совсем недавно. Нам вообще с преподавателями истории не везет. Только в этом году их трое сменилось.

Первым был пожилой мужчина с рыжими усами и вставной челюстью, из-за которой он оплевывал передние столы слюной, как полевая артиллерия осыпает неприятеля шаровой шрапнелью. К нам он пришел из какого-то архива и на все вопросы отвечал одинаково:

–Читать надо больше.

Его сменила престарелая матрона, сосавшая по сигналу таймера гомеопатические шарики. Это помогло ей выдержать в школе чуть больше месяца.

Третья историчка специализировалась на создании графических загадок, которые у нас дома с азартом игрока разгадывал Стоян. Однажды он стал абсолютным чемпионом среди родных и близких всего седьмого «Б», потому что единственный разгадал весьма таинственный рисунок из кружочков, спиралей и треугольников.

Вначале он объявил, что это, безусловно, эротический

символ женщины эпохи Возрождения. Отец жутко возмутился и отослал меня властным жестом подальше от незадачливого репетитора. Но Стоян не оставил умственной гимнастики, и на рассвете его осенило, что это было графическое изображение распада Византийской империи под ударами варваров.

В первой четверти этого года все уроки истории оккупировала географичка.

Мы просто взвыли от диктата этой «Леди Железный Сухарь». Поэтому появление диковинной для школы личности 90х 60х90 внесло радостное оживление в жизнь нашего класса. Но, увы, она оказалась «почасовичкой» и, как выяснили классные сыщики, свои основные педагогические таланты посвятила воспитанию богатеньких детишек из частного лица. К нам эта Жар – птица залетала один раз в неделю, а то и реже, спрашивала:

–Все прочитали? Что-нибудь неясно? Нет? Так...Записываем вопросы. Дописываем ответы дома и приносим на следующий урок.

Во время этих занятий чистописанием я исподтишка наблюдал, как она ходит, сложив перед грудью изящные длинные кисти, как, опираясь на подоконник и откинув голову в рыжих кудрях, задумчиво смотрит на бессрочное строительство какого-то СУ. И мне представлялось, что это романтическая креолка из романов Майн-Рида, ищет в океанской дали белый парус своей мечты. Между тем за месяц в

журнале успеваемости выстраивались стройные колонки отметок, классная наша была счастлива, зато у старательных учеников, которые «брали работу на дом», пальцы покрывались мозолями. Все называли историчку не иначе, как «наша Амалия» или «Золушка». Зато она обходилась в общении с нами одним обезличенным обращением «ребята», как будто класс был неделимым целым.

Нынешние контрольные вопросы были как бы четвертным зачетом, и потому вокруг Гиляровой сразу же забилось в судоргах человек десять «озабоченных». Кто-то списывал вопросы, другие пытались разобраться в хитроумных ловушках из возможных вариантов ответов.

Когда настал час «икс», историчка заявила в класс с какой-то «методичкой», похожей на женский вариант карлика Носа в старости. Тетка эта рухнула за последний стол, отчего сидящий там вечно розовый Марк Рудман временно стал бледно зеленым.

Нам раздали листочки, и тут началось такое "скоросписание"! Боб даже вспотел от старания. Сама «Золушка» освободила от карт маленький столик в углу и уселась на нем, вытянув скрещенные ноги и прикрыв их длинной юбкой цвета жухлых осенних листьев.

Я вздохнул и глянул в Борькин листочек, из которого с удивлением узнал, что герцог Альба был создателем «Афинской школы», а Рафаэль – испанским вельможей. Поправив Боба, я еще раз с грустью перечитал все восемнадцать вопро-

сов, и в голове у меня воцарился полный сумбур. Я, конечно, почитывал учебник, похожий на лоскутное одеяло. Абзац – о мануфактурах Англии, абзац – об итальянском Ренессансе, а впритык к нему политические проблемы Нидерландов или описание раздоров между Ватиканом и французскими королями. На одной грядке все овощи Европы и ее окрестностей, как шутил Стоян. Такое только отец может заложить в свою профессорскую память. Он ведь только скользнет взглядом по странице наискосок – и все! Готово! Не только вберет в себя все главное, но еще сумеет так все разместить в памяти, что если нужно что-то вспомнить, тотчас же все оттуда выудит. Ну, полная противоположность мне, то есть я – ему.

А еще говорят «наследственность»! Если мне неинтересно, я хоть двадцать раз буду перечитывать, и ничего в моей дырявой голове не отложится! Я запоминаю только то, что меня задевает, что ли. Или если слова превращаются внутри меня в то, что я вижу... Ну, как во сне или кино. Так что, если я и имею какое-то представление об истории, то исключительно благодаря папиной «Библиотеке приключений»: «Айвенго», «Черная стрела» и все такое.

Ну, в общем, полз и я полз по вопросам, распределяя великих мира сего по странам, события – по датам и добрался до «левеллеров» и «диггеров».

Кто или что это?! Ткнул Левку в спину. Тот недовольно повел плечами, но на вопрос ответил, хоть и невнятно:

–«Левеллеры» с лордами уравниаться хотели, больше не

ПОМНЮ.

Левеллер, нивелир, веллюр...левретка... Что-то постриженное, выровненное, одомашненное что ли... А «диггер» – это...это... На упаковке фонариков в резиновом корпусе это слово написано! Бред какой-то! Вообще я люблю играть с незнакомыми словами.

Венисы и гараманты...Гармотон из фолитов Аусига... Загадочно, да? Между тем, первые два слова – это старинное название граната, а гармотон – название камня, похожего на крест, из Баварии. Я энциклопедии люблю листать, особенно, когда болею. И все потому, что «моим взрослым» никогда не хватало времени объяснять мне непонятные слова.

Когда мне было шесть лет, отец, не успевая растолковать, что это за чудо такое «коллоквиум», из-за которого я лишился обещанной прогулки на площадку чешских аттракционов, сунул мне под нос энциклопедический словарь и...умчался в институт. «Коллоквиума» этого я тогда в толстенной книге не нашел, но зато приобрел знания о кошках, кроликах и крокодилах.

Через неделю, с удивлением воззрившись на полупустые полки, предназначенные для справочной литературы, отец направился ко мне в комнату. Там, по словам Стояна, в окружении баррикады из толстенных

томов, я погружался в по буквенное расшифровывание какого-то гинекологического термина. И все потому, что рядом была картинка с изображением Гильдесгеймского Се-

ребряного клада. Впрочем, возможно никакого неприлично-го термина я не расшифровывал, а Стоян придумал все ради красного словца.

Но, так или иначе, отец отобрал у меня все свои книжки, взамен которых я получил два выпуска детской энциклопедии – желтый и цветной. Они, в основном, так и пылятся на полках, а я, по-прежнему, таскаю отцовские книги, только вовремя ставлю их на место.

Тут мои размышления были прерваны нервным чиханием Алиски Журавлевой, главной фанатки Амалии Мордвиновой – Гольданской. Я поднял голову. Историчка уже не сидела, а стояла боком к классу, погрузившись в чтение толстого ежедневника, как будто это был молитвенник. И тут я ощутил, что меня начинает «выносить за буюк».

Вот прозвенит звонок и уйдет она к своим богатеньким лицеистам, о которых, наверное, целые трактаты сочиняет в своем ежедневнике. Зато мы для нее все на одно лицо. Посади вместо нас другой класс, она и не заметит.

И тогда я вырвал из тетради по физике сдвоенный листок и написал:

«Вероника Валерьевна! Марать бумагу на ваших уроках я больше не буду.

Глухонемая история мне не нравится. К тому же о дигтерах я не помню.

Ю. Мещерский».

Написав это, я сложил листок и «историческую» кон-

трольную вместе, сбросил в рюкзак все письменные принадлежности и, похлопав по плечу ошалевшего Борьку, встал. Спокойно подошел к столу, небрежно метнул на него свой судьбоносный ультиматум и направился к двери.

–Э-э-э! – очнулась историчка. – Ты куда?

–Вы мне? – спросил я с наглой любезностью, уверенный, что ни имени, ни фамилии моей она не вспомнит.

–Да! Тебе! Урок еще не окончен!

Тут она подскочила к столу и, нахмурив брови, стала расшифровывать мои каракули.

–Меше...Меше...

Это было последнее, что я услышал, выскакивая в коридор.

Когда я вернулся домой, то увидел на вешалке куртку Стояна. Тогда я бесшумно в одних носках добрался до гостиной – никого. Приоткрыл дверь кабинета – ну да, отсыпается перед дежурством на отцовском диване. Как

всегда на спине, и руки за головой замком. Ну, кто так спит?! Только он. Впрочем, он уже не спал. Приоткрыл хитро один глаз.

–А...отличник. Что рано?

–По тебе соскучился.

–Ладно. Хамство прощаю, потому что «выспамшись». К тому же хоть раз за месяц вместе пообедаем. Я та-а-а-кой борщ сотворил!

Минут через 10 он уже звал меня на кухню, где на столе

исходил свекольным ароматом густо-красный южно-украинский борщ.

–Ну, и чего смурый? Нужны миротворческие силы под моим предводительством? Или отца дождешься?

Я поднял на него слезящиеся от чеснока глаза и ничего не ответил.

–Ну-ну! – только и сказал доктор Дагмаров, сберегающий нервные клетки накануне ночного дежурства.

Перед самым уходом Стоян, уже в пальто, заглянул ко мне в комнату. И тут, как назло, у меня из рюкзака вместе с учебником Мордковича выпал журнал «Семь дней» с лисьей мордочкой Амалии Модвиновой на обложке. И Стоян, и я молча уставились на него. Он – с удивлением, я – с досадой.

–Ты тратишь свои скудные средства на журналы с такими женщинами? – деланным фальцетом спросил Стоян после небольшой паузы.

–Какими еще женщинами! Это же программа телевизионная!

Это была полуправда, потому что журнал я купил именно для того, чтобы сравнить, действительно ли наша Вероника похожа на Алискину Мордвинову. Не верилось мне что-то.

От злости на историчку и на себя за то, что так глупо попался, я смахнул журнал со стола на пол. Мучитель мой поднял его, аккуратно разгладил и стал, цокая языком, разглядывать эту самую Мордвинову от макушки до открытого пупка.

–Кстати, жаль, что ты не читал «Кола Брюньон». Мне кажется, она вылитая Ласочка. Ей бы не листики в кудри, а вишенки в губки. Впрочем, вашему поколению такие сравнения недоступны. Вы же выбрали «Колу-Коку».

Так если журнальчик тебе не нужен, может, дашь поразвлечься на дежурстве?

Скрипнув (про себя) зубами, я, разумеется, согласился. Мне, конечно, очень хотелось самому рассмотреть портрет внимательней, но с доктором Дагмаровым приходится держать ухо востро.

Не успел я, как всегда, проводить Стояна до лифта и вернуться в прихожую, как раздался телефонный звонок.

–Квартира Мещерских?

–Да.

–Это Вы, Юрий? Я бы хотела поговорить с Вашим отцом.

–Отца нет дома.

–Тогда передайте ему мою просьбу.

–Он в Риге на симпозиуме.

Пауза.

–А с кем из взрослых Вы живете?

–Ни с кем... не живу, – с мерзким подтекстом вдруг выпалил я и положил трубку первым.

Спалось мне неважно.

На следующий день наша классная вытащила меня в коридор прямо с алгебры.

–Мещерский! Ты перешел все границы! Герой такой! Вы-

зов учительнице бросил и ушел с городской контрольной! Нашел чем ее попрекать! Уроки немые! А если никаких не будет – лучше? Если вместо годовых отметок прочерки? А? Ты бы спасибо сказал Веронике Валерьевне, что она из своего лица к нам мотается, пока мы преподавателя постоянного ищем. Бесплатно, между прочим. Понимаешь теперь, что должен сделать?

–Нет.

–Извиниться, Юра! Из-ви-нить-ся!

–Я извиняться не буду.

–Очень жаль. Очень жаль.

Помолчали. Она – с надеждой, я – с мрачной решимостью.

–Рабочий телефон Стояна Борисовича не изменился?

–Изменился, но я его на память не помню. (Что было сущей правдой).

–Что ж, сегодня директора нет, а завтра отправишься к нему на беседу. Не хватало еще, чтобы из-за твоих фокусов мы опять лишились преподавателя истории! А до этого на глаза мне не показывайся!

Я пожал плечами, вышел на лестничную площадку и, оглядевшись по сторонам, рванул вверх. Там на последнем пятом этаже в угловой комнате была «сокровищница» нашего завхоза – «однорукого пирата» Якова Сергеевича. В ней он хранил бесповоротно покалеченную мебель, терпеливо дожидаясь, когда сможет наступить собственной жабе на горло и составить акт о списании этих дров. Правда, там и

полезное что-то хранилось: банки с краской, бумажный мешок с мелом, гвозди и шурупы в жестяных банках из-под карамели Чупа-Чупс и всякая другая полезная дребедень.

И вот в этой комнате выгорожена была коробками узенькая такая келейка, вход в которую прикрывала истертая географическая карта Австралии с красными червяками знаменитых атоллов Барьерного рифа. И обитал в ней мой добрый друг «Айболит» со своим приятелем Серым Мышом.

А свела нас судьба шесть лет назад.

Были последние дни учебного года. Я оканчивал первый класс и в этот день пришел в школу один, потому что Борька заболел гриппом. Пришел, переступил школьный порог, а дальше – никак! И домой не могу возвратиться, и в класс ноги не несут. Сам не понимаю, что со мной. Меня ребята зовут, классная за руки тащит, а я в угол забился и ну реветь в три ручья.

Позвали медсестру, дежурного учителя, родитель чей-то чуть ли не ногой меня из угла выгребал. А я «сизу на своем» и соплями кафель на полу мою.

И вдруг возникает передо мной, ну, просто настоящий доктор Айболит. Не тот, что в стихах, а тот, что Пенту от пиратов спасал. Длинный, сутулый, волосы до плеч, очки на мягком носу. В одной руке старый потертый портфель, в другой – белый пакет. И что меня сразило: на пакете красный аптечный крест. Нагнулся ко мне, взял за подбородок, в глаза посмотрел, а потом говорит всем:

–Расходитесь, друзья, по своим делам. Это мой ассистент, он пакет мне поможет отнести на пятый этаж.

Я нос рукавом утер, взял пакет и пошел за Айболитом, как козленок на веревочке.

Пока взбирались по щербатым ступеням, стесанным по краю до бритвенной остроты, я здорово устал и, как ни странно, успокоился.

Остановились мы перед каким-то классом, где у дверей толпились здоровенные, как столбы, старшекласники.

Айболит загнал их внутрь, протолкнул меня перед собой, и мы очутились в кабинете литературы.

Ребята на стулья свои сели, затихли, а Айболит аккуратно так усадил меня за свой стол и говорит:

–Я сегодня с ассистентом, так что ведите себя прилично. У него, между прочим, в пакете все ваши гениальные сочинения. Сейчас я их раздам, вы мои замечания посмотрите, а внизу напишете, с чем согласны, а с чем нет.

Потом, когда все уткнулись в свои тетрадки, Вячеслав Николаевич, так звали моего покровителя, принес еще один стул, сел со мной рядом и говорит шепотом:

– Пить хочешь?

– Да, – отвечаю.

Он полез в портфель и вытащил маленькую бутылочку «Фанты». Я нахально выхлебал ее почти до дна и только потом сообразил спросить:

–А Вы?

–Давай кончай, что уж на слезы оставлять. Кстати, ты цифры писать умеешь?

–Да!

–А читать?

–Я-а?! – я даже захлебнулся от возмущения. – Я же среди всех первых классов чемпион! Сто двадцать слов слов в минуту! Меня четыре раза проверяли!

–Ну, прости, прости! Не каждый же день встречаешься с чемпионом. Не признал!

Потом он шепотом диктовал мне цифры, а я их в журнальные клетки записывал. Чуть не лопнул от гордости. Тому шесть лет исполнилось, а помню все, будто вчера это было. Хотя на второй день я, как Борька, заболел гриппом с высокой температурой. И даже бредил.

Слава Богу, сегодня Вячеслав Николаевич уже сидел в своей келейке и, сгорбившись на колченогом табурете, попивал чай из любимого стакана тонкого стекла в старинном серебряном подстаканнике. При этом он задумчиво смотрел на экран компьютера, где рассеянно крутилась, видоизменяясь «в лице», загадочная фиолетовая фиговина.

–Выставили? – сказал он вместо приветствия.

Я молча вздохнул и уселся за его спиной на клеенчатую кушетку, какие обычно стоят в медпунктах и поликлиниках.

Айболит мой плеснул кипятка в пол литровую чашку с надписью «Любимому учителю в день 50-летия» и опустил в

него пакетик Делмы. Потом сдвинул коврик с мышью и поставил на освободившееся место чашку и банку с домашним вареньем, в котором прозрачные ломтики яблок походили на цукаты.

Чай пили молча. Это святое.

После чайной церемонии Вячеслав Николаевич пересел ко мне на кушетку, закинул ногу за ногу и, склонив набок голову, сочувственно посмотрел на меня.

—Наслышан и начитан... Только что ж на голом-то месте?

Я вздохнул. Если б я понимал...

За стопкой книг под батареей завозился, попискивая,
Мыш.

Я вскинулся.

—Да сиди! Все у него есть. Я только что молока ему налил и хлеба накрошил.

Тоже вот характер показывает.

А скажи мне, друг любезный, будь Вероника Валерьевна дурнушкой, или толстухой, или «синим чулком» преклонных лет, изменился бы ход истории в седьмом «Б»?

Помолчали.

—Да, дружок, я сегодня ночевать здесь останусь. Лелька свой курс на день рождения собирает. Мать к плите приставила. Бабушку к тетке отвезла, а я ехать отказался. И, так сказать, навязался Мышу в сожители. Так ты бы сбегал, купил мне батон и кефира пакет... не в службу...

Я подхватился.

Уже на пороге, засовывая деньги в карман, оглянулся и, глядя в такие всевидящие глаза Айболита, сказал:

— Она очень красивая, а я дурак — это данность. Но разве я не человек, чтобы сначала со мной поговорить, а уже потом отца к телефону звать.

Вячеслав Николаевич встал, засунул руки в карманы брюк и закачался вопросительным знаком туда-сюда.

— Данность, милый, в этом случае то, что она действительно красавица, умница, моя ученица и живет с матерью на одном со мной этаже. А к нам сия Жар-Птица прилетела по моей, прости, просьбе. И телефон твой — я ей дал.

Она тебя в кружок при институте записать хотела, а этого без разрешения родителей не делают. Занятия поздно начинаются. Вот и не хотелось ей обнадеживать тебя раньше времени. Отец ведь мог и не разрешить.

Ну, что застыл, как жена Лота? Что, не ждать мне теперь батона насущного?

Я посмотрел на него с печальной обреченностью, улыбнулся и только собрался было поднырнуть под коралловые Австралийские рифы, как Вячеслав Николаевич опять остановил меня.

— Юра, я тут расписание Вероники переписал. Взгляни на досуге.

Может, пересекутся дорожки-то ваши... leveret.

Все!

Просто один день

День в школе начался с того, что девчонки затеяли игру в почту. Выбрали почтальоном Левку и через него стали обмениваться с ребятами письмами. Мы с Борькой успехом у девиц не пользуемся.

Как, впрочем, и они у нас. Поэтому я немного удивился, получив три записки.

Первая – дурацкая – была от Алисы.

"Юл! Я против тебя ничего не имею, но твой друг Борька настоящий козел. Выбирай друзей не в огороде, а в хороводе.

P S. Ты не мог бы познакомить меня с твоим дядей?"

Тоже, Lolita нашлась!

Второе письмо было от новенькой – Даши Власик. Какой-то детско-садовый рецидив!

"Юра! Я благодарна тебе за тактичное поведение, когда я пришла

в ваш класс впервые. Мне кажется, мы могли бы дружить.

У меня

дома большая видеотека.

Д.В."

О тактичном поведении я ничего не понял, зато ясно представил, какие сопли она мне предложит для просмотра.

Но вот третье письмо... третье письмо "вышибло ковбоя из седла",

как говорит Стоян после неудачного свидания с очередной практиканткой.

Длинный наглухо заклеенный конверт, а в нем согнутый втрое лист плотной белой бумаги, подкрашенный акварелью. В левом углу тушью нарисована зажженная свеча в строгом старинном подсвечнике, отбрасывающая тень на предполагаемую стену. В центре каллиграфическим почерком, будто гусиным пером, выведена строчка, взятая в кавычки и с многоточием в конце:

"Свеча горела на столе,
свеча горела..."

И все.

Если бы на конверте не было написано печатными буквами "ЮРИЮ МЕЩЕРСКОМУ", то я бы от него отказался. Просто представить себе не мог, от кого такое послание.

Весь следующий урок я сидел, как Штирлиц под колпаком у Мюллера. Всех девчонок в уме перебрал – ни до чего не додумался.

А я ведь с ними седьмой год учусь. Впрочем, не со всеми.

В конце прошлого года к нам пришла Катя Гобзева, а в этом году – две Даши:

Власик и Озмидова.

Ну, Катерина сразу отпадает. Она до сих пор, когда про себя читает, то

губами шевелит. Любая свеча погаснет. С Власик тоже все

ясно.

Значит, остается Озмидова. Вот уж о ком я знаю меньше всего. Встречу на улице – не узнаю. Она после Нового Года пришла, такая маленькая черненькая в темных брюках и свитере. Борька еще брякнул тогда:

–Девка-чернавка.

А потом я болел ...этим самым... эпидемическим паротитом. Короче, за тот месяц, что мы вместе прозанимались, я ее разглядеть не успел.

Следующим уроком был английский. Пол класса, роняя на ходу канцелярские принадлежности, сразу же умчалась на второй этаж. А остальные медленно потянулись в конец коридора. Последним, "дум глубоких полон", волочился я, чувствуя себя жалкой пародией на Евгения Онегина, не узнающего свою Татьяну.

Возле комнаты эстетического воспитания мне "подрезала нос" экзальтированная хоровичка "Зулейка" с выводком певчих мальков. Я невольно тормознул у открытой двери.

На стене напротив висело самое большое в школе зеркало родом из прошлого столетия. Оно провисало на веревках, как дряхлый старик на помочах. Я вошел в кабинет и встал напротив него. Зеркало было каким-то многослойно-мутным. Как будто с возрастом оно устало отражать что бы то ни было. Потому, взглянув перед собой, я увидел только смутный силуэт худого и не очень рослого парня с гривой включенных светлых волос.

Единственным, на чем мог отдохнуть глаз, был свитер, который Стоян привез мне со своей исторической родины: серо-голубой со сложным орнаментом на груди. И все-таки эта загадочная фраза, уже слышанная мной когда-то, такая таинственная и романтическая, была адресована именно этому хилому субъекту, отражение которого казалось полустертым карандашным рисунком.

После английского было два кошмарных урока математики (химичка заболела). Озмидова сидела в моем ряду за первым столом, не обернувшись ни разу. Для сравнения: Алиска, по Борькиным наблюдениям, поворачивается в среднем один раз в четыре с половиной минуты.

Я, не отрываясь, смотрел на толстую короткую косу новенькой, перехваченную вверху деревянной заколкой. Но, вероятно, для гипнотического воздействия глаза у меня недостаточно темные.

Математика, вообще, не мой конек. Равно как физика, химия, ОБЖ и еще четверть дюжины школьных предметов. Единственное, чему я радуюсь – это умению читать. Впрочем, этому я научился еще до школы.

Однажды я слышал, как озадаченный отец говорил Стояну:

– Послушай, мне его классная руководительница сказала, что он одаренный мальчик, с которым очень интересно разговаривать. И тут же выяснилось, что у этого "даровитого" мальчика по всем "основным" предметам твердые тройки".

Ты можешь мне объяснить, что это за странная такая одаренность?

Последовала долгая пауза.

—А что у него по физре?

—Точно не знаю, но, по-моему, что-то выше тройки.

—Ну, тогда все в порядке. У нас растет нормальный парень, которому не грозит истощение ранним умственным развитием.

После уроков я решил мчаться в раздевалку и так рассчитывать, чтобы

столкнуться с этой Озмидовой лицом к лицу. Она же не Джеймс Бонд, должна же как-то на это отреагировать. Ну, а там посмотрим.

И надо же, нашей классной потребовались именно мои "метр пятьдесят в кепке с прыжком", чтобы привязать новую веревку к фрамуге.

Разумеется, пока я занимался цирковыми трюками со стулом на подоконнике, все наши разошлись по домам. Даже Боб. В раздевалке я встретил только Левку. Я подумал, может, у него что-нибудь узнаю, но как-то не получилось.

Тут к нам подошел парень из восьмого и говорит:

—Пацаны, хотите покурить? Гоните тогда по два рэ, у нас на Честер не хватает.

Левка отказался, а я как-то механически полез в карман и сунул ему

три монеты. Вообще, курить мне совсем не хотелось, но как-то неудобно было уходить после того, как скинулся со всеми.

Курили в старой спортивной раздевалке, где уже второй месяц не начинался плановый ремонт. Ребята все были малознакомые, и общего разговора не получалось. А просто так дымить было скучно.

Я свою сигарету докурил почти с отвращением и пошел домой.

Когда я открывал дверь, на наш этаж пришел второй лифт, и из него

вышел отец. Так что в прихожей мы раздевались вместе.

Уже снимая обувь, я почувствовал: что-то не так! Отец расстегнул

куртку, но снимать ее не стал. Он опустился на табуретку и многозначительно молчал, ожидая, когда я окончу возиться со шнурками.

От его взгляда у меня даже холодок по спине пробежал. Хотя понять,

в чем дело, я не мог.

–И давно ЭТО?!– наконец спросил он.

–Что? – растерялся я.

–КУРИШЬ ДАВНО?!

Я быстро оглядел себя, соображая, чем бы это мог себя выдать.

Бычок, что ли к одежде приклеился.

–Ну?

Когда на меня наезжает Стоян, я злюсь на него и жалею себя.

А когда меня отчитывает отец, я жалею его и злюсь на себя.

Сейчас был тот самый момент, когда я искал возможности успокоить отца.

Ведь не мог же я ответить, что покуриваю за компанию с ребятами уже второй год.

–От тебя так пахнет, как будто ты выкурил пачку сигарет!!

Ты

отдаешь себе отчет, что это значит – курить в твоём возрасте?!

Наконец все объяснилось. А то я уже подумывал о сверхъестественных силах возмездия. С Борькой мы покуривали на улице, а сегодня нас набилось в раздевалку, как сардинок в консервную банку.

Честер же не каждый день курят. Хорошо, если на Союз насобирают.

Вот одежда и пропахлась. Но, разумеется, я не стал посвящать отца

в такие проблемы. Он, между тем, не на шутку разошелся.

–Сейчас же в ванную. Все снимешь и выстираешь, а сам – под душ,

с головой!!

Направляемый железной рукой отца, я очутился в ванной

и начал

неохотно стаскивать с себя свитер, надеясь, что сказанное о стирке

нужно понимать в переносном значении. Но отец бросил свитер

в таз с водой в очень даже прямом смысле произнесенных слов!

После этого он терпеливо продолжал наблюдать за моим стриптизом с высоты своего двухметрового роста. А я, между тем, дойдя до трусов, все еще надеялся на помилование хотя бы джинсов, ибо у меня они единственные. Но нет! И рубашку и джинсы постигла участь несчастного свитера. Потом отец деликатно удалился, и душ я принимал в одиночестве. Вытеревшись, я осознал, что не принес сухого белья. Натянув на себя махровый халат Стояна, я пошлепал к себе в комнату и стал рыться в шкафу. Белье нашлось без проблем, но я

озяб и стал искать что-нибудь теплое.

Шарил-шарил и на верхней полке нащупал что-то мягкое завернутое в старую наволочку.

Развернул – джемпер какой-то странный, никогда его не видел. Но мне как раз. Натянул и отправился на кухню.

Отец, убитый переживаниями по поводу моего грехопадения, жарил на сковороде картошку с луком.

–Па! – сказал я. – Ты же курил и бросил. Я тоже брошу.

Оторвавшись от сковороды, отец воззрился на меня спер-

ва с печальным недоверием, а потом с непередаваемым изумлением.

Я было подумал, что неудачно выразился и стал судорожно подыскивать для

извинения другие слова, как вдруг отец вытянул вперед руку, в которой держал с деревянную лопатку, и спросил:

–Что это?!

Я опустил глаза и, обнаружив, что натянул джемпер не так, как надо, втянул руки внутрь и перекрутил его вокруг шеи в нужном направлении. Теперь у меня на груди красовалось два оленя с ветвистыми рогами.

–Где ты это взял?!

–???

–Это же МОЙ свитер!

–Он в наволочке лежал. Там еще маленькие подушечки были, кукольные, наверное.

–Лаванда! Мама лавандой все белье перекладывала... иди сюда...

Он швырнул лопатку в мойку и притянул меня к себе.

–Представляешь, это мама берегла его для тебя. Ты вспоминаешь ее?

Я замялся. Конечно, я думал о маме, но нечасто. Ведь я ее не помнил.

И вдруг, неожиданно для себя, я спросил:

–Па! А откуда это: "Свеча горела на столе, свеча горела..."

–Это Пастернак. Помнишь: "Снег идет, снег идет, к белым

звездочкам в буране...?"

–Помню. Это твоя... то есть моя колыбельная. Ты мне ее в детстве пел.

–Сначала – мама пела. Я – потом. А почему ты спросил?

–Просто услышал эту строчку... Загадочную такую... А о чем это

стихотворение?

–Ну, это очень личное. Был у человека такой особый февраль.

Встречи с женщиной... любимой... при свече.

–Ты влюблялся в школе?

–Да.

–А в маму? Она ведь с тобой училась?

–Ну, не совсем со мной. Она же была младше.

–Но ты ее помнишь в школе?

–Нет.

–Почему?

–Потому что дураком был.

–А она... она относилась к тебе по-особенному?

–Мама для тебя мой школьный свитер сохранила. Вот и все, что я могу сказать.

А знаешь, у Пастернака есть строки о детстве Блока, которые тебе очень понравятся:

"Но он не доделал урока,

Упреки: лентяй, лежебока!

О детство! О школы морока!"

В свое время я их сам нашел и гордо продемонстрировал на уроке свое якобинство.

"Якобинство... якобинство..." Я вдруг почувствовал, что отец подсказал мне что-то очень важное.

—Па! Я возьму Пастернака?

—Бери. Он на верхней полке слева. Синий том. Только не лазь по шкафу как обезьяна. Возьми лестницу.

И вот я сижу над раскрытой книгой. "Зимний вечер". Восемь строк.

Восемь раз повторяется строка из записки. И в какой-то из них разгадка.

Первая, вторая, третья...

Четвертая заставила меня покраснеть. Когда-то я так же краснел, читая в хрестоматии по античной литературе про Дафниса и Хлою.

Ну, когда они упали и не знали... что делают дальше.

Вообще-то, я уже давно знаю "Про Это", хотя отец никогда не позволял мне смотреть фильмы Д-13 и Д-17. Но ведь были вечера, когда их со Стояном не бывало дома. И ничего не стоило подойти к ним с вопросом, когда они смотрели по "ящику" что-нибудь запрещенное для меня. А уж о всяких там клетках с хвостиками нам рассказывали еще во втором классе.

Что же касается моего собственного опыта, то до третьего класса я выбирал между Сонечкой и Анечкой. В пятом влюбился в Машу Берестову из девятого. Она однажды заменяла

у нас учительницу по труду. В шестом целый месяц бегал с Бобом на каток, где тренировалась девочка-фигуристка. Бегал-бегал да так и не познакомился.

И ничего ТАКОГО от всех этих девчонок мне не надо было.

Просто выделиться как-то перед ними хотелось или, как у нас в классе

говорят, "приколоться". Но сейчас, в седьмом, все это казалось смешным.

Мне навязчиво вспоминалась случайная гостья отца, поставившая

ногу на край ванны, чтобы смыть грязь с чулок. Год назад ее поза казалась мне отвратительно бесстыдной, а я сам, подсмотревший ее нечаянно, – каким-то запачканным, что ли. И дело тут не только в том, что я приревновал эту гостью к отцу. Будь на ее месте Памела Андерсон или Мила Йовович мне было бы почти (почти!) также противно. Но это было год назад. Я, конечно, и теперь не коплю, как Левка, деньги на "Playboy", но листаю его не без интереса. Размышляя таким образом, я дошел до восьмой строфы.

Февраль...

Что было в феврале? И как с этим связано "якобинство", о котором упомянул отец?

Стоп! Я читал Гюго! "93 год". На спор со Стояном.

Начал неохотно. После "Воина" Золотникова показалось ужасной скучищей,

зато потом не мог оторваться. Целый день таскал за собой толстенный том всемирной библиотеки по всей квартире, даже в туалет прихватил. Именно тогда Стоян повесил там бумажку со стихами своего любимого Кибирова:

"Но вредную привычку приобрел
В ту зиму я – читать на унитазе".

Я даже в школу потащил эту книжищу. И помню, что дошел до последней главы (там они назывались "книгами"), когда на урок литературы вместо нашей Мимозы пришла какая-то необъятная пожилая дама в длинных одеждах, похожих не то на рысу, не то на мантию Венецианского Дожа.

– Дети, – сказала она мужским голосом, отчего в классе воцарилась гробовая тишина, как будто всем одновременно приказали "замри".

– Меня попросили заменить вашу заболевшую учительницу. Откровенно говоря, я полвека преподавала юным, но вполне взрослым людям. О детях я знаю только то, что они любят играть. Вы любите играть, дети?

– Да!! – заорали все хором, предвкушая даровое развлечение.

– Мы будем играть стихами, как мячиком, – продолжала Дама-Дож.-

– Зовут меня Милена Леоновна Гюнтер. Правила игры будут меняться. Вначале разминка. Я начинаю – вы продолжаете.

Услыхав какие-то глупости, вроде "приморозил пальчик"

и "откуда

дровишки ", я пристроился за широкой Левкиной спиной и принялся за "книгу седьмую ". Рядом, уютно опустив голову на согнутые руки, дремал Боб.

"Симурдэн подошел поближе... он опустился на колени, бережно приподнял руку Говэна и прижался к ней губами..."

"...Значит это кому-нибудь нужно!" – загремел класс.

Я вздрогнул и оторвался от страницы. Борька приподнял голову с пунцовым левым ухом и переложил ее на правую сторону.

–Кто это сказал?

Милена Леоновна дирижерским жестом подняла правую руку.

–Маленький принц! – пропищали девицы с правого ряда.

–Маяковский, – равнодушно изрекла Карташева.

–Умница, – умилилась Дама-Гюнтер. – А теперь...

В это время дверь приоткрылась, и показалось испуганное лицо классной

из седьмого «А».

–Ребя-а-та! – сказала она голосом кота Леопольда, но, упершись взглядом в

раскрасневшуюся Милену, тотчас же отступила в коридорную пустоту.

–Теперь, – невозмутимо продолжала литературная Мат-

рона густым

басом. – Я прочитаю вам строки из популярных произведений, а вы назовете

мне их автора. Итак:

"Я пережил свои желанья,

Я разлюбил свои мечты,

Остались мне одни страданья,

Плоды сердечной пустоты..."

–Пушкин! – загремело в ответ.

"Нет, не тебя так пылко я люблю,

Не для меня красы твоей блистанье:

Люблю в тебе я прошлое страданье

И молодость погибшую мою..."

–Пушкин! – опять дружно крикнули все к вящему изумлению Милены Леоновны, но, впрочем, ничего не сказала:

"Я встретил Вас – и все былое..."

–Пушкин! – опять заорал класс.

Брови Гюнтер поднялись довольно высоко:

"Средь шумного бала, случайно..."

–Пушкин! – убежденно гаркнул Димка Ложкин, поддержанный уже

нестройным хором единомышленников.

–Друзья мои! Друзья мои! – взмолилась Мэтронэсса. – Пушкин – Солнце нашей поэзии, но ведь в ней есть и другие светила!

Класс обескуражено молчал.

– "Средь шумного бала..." – это Толстой, только не тот, что "Буратино", – мрачно и неграмотно сказал я, исключительно из-за того, что затянувшаяся пауза могла помешать моему чтению. – А "сердце отжило" – у Тютчева.

– Прекрасно! Прекрасно!

– А "погибшая молодость" – у Лермонтова, – к моему несказанному

счастью вылезла Алиска, успевшая выведать ответ у не честолюбивой

Карташевой.

Это позволило мне опять приняться за Гюго.

"Что может быть выше правосудия? – справедливость..."

Я не успел дочитать фразу до конца, потому что Левка оглянулся

и зашипел:

– Ты что, не слышишь?

Я встрепенулся.

– Повторяю специально для вас, юноша. Я бросаю мячик, то есть

говорю широко известные поэтические строки. А вы возвращаете мне

его, декламируя из того же автора. Начинаем.

"Зима недаром злится..."

– "Молчи, скрывайся и таи

И чувства и мечты свои..." – парировал я, думая с досадой, что

любимый поэт отца очень точно выразил то, что я чувствовал в

данный момент.

– Прекрасно! Теперь вы, – обратилась она к Каташевой. – "Чудная картина, как ты мне мила..."

Молчание.

Фет, Фет... Папа, когда мы на озера ездили килек каких-то ловить, которых Стоян пескарями называл, все говорил о росе:

"Смотри ты, как точно у Фета – "травы в рыдании". И что-то там еще, но я забыл. В общем, мячик упал.

– Один-ноль в мою пользу, – провозгласила Фру Гюнтер. –

Продолжаем:

"Кроет уж лист золотой..."

– Майков. "Мой сад с каждым днем увядает", – разродилась Зита.

Я вздохнул с облегчением и уткнулся в книгу.

"Башня Тур словно приглядывалась к гильотине..."

– Теперь перейдем к поэзии Серебряного века, – услышал я краем уха. Но мне было не до нее. Ведь это я, как двойник Говэна, шел в свой последний путь... к гильотине. Неужели Симурдэн не спасет меня?

Я суеверно побоялся поставить на его место отца, но вот Стоян... Стоян, факт, послал бы всеобщее равенство куда подальше, выкрал бы меня, предварительно надавав оплеух, а потом вывез в какую-нибудь колонию Нового Света на

флибустьерском фрегате.

–Символизм... акмеизм... футуризм...

Похоже, Милена Леоновна прочно взгромоздилась на своего любимого Пегаса и теперь высоко парила над нашим умственно усталым классом.

Я взглянул на Борьку. Казалось все эти непонятные слова зримо повисали лапшой на его оттопыренных ушах. Тут совершенно некстати Мэтрэсса оборвала свой монолог и предложила добровольцам вспомнить хотя бы несколько строк любого из поэтов начала века.

Ответом было гробовое молчание.

Тогда она не нашла ничего лучшего, как ходить между рядами и заглядывать всем в глаза.

–Блок... в белом венчике из роз, – изрекла начитанная Карташева.

–Наверное, не Блок, а Иисус Христос, – поспешила поправить ее Милена Леоновна.-"В белом венчике из роз Впереди Иисус Христос..."

Теперь она нависла над первой партой.

–"Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда..."

Вот, вот, именно новенькая, Даша Озмидова, сказала это.

И тут, о радость, прозвенел звонок.

Наши экзальтированные девицы окружили рухнувшую на стул преподавательницу, а мы с Борькой вышли поразмяться в коридор.

События, происшедшие на уроке "литры", не произвели на меня тогда

никакого впечатления, хотя вскользь я подумал, что эта "чернавка" отнюдь

не простая девчонка, раз такие стихи знает. Сам я "знаток поэзии Золотого века"

поневоле. Мне отец в детстве вместо сказок стихи читал, каждый вечер перед сном.

В пять лет невольное знание поэзии принесло мне некоторые дивиденды. На елке у отца в институте я по собственной инициативе продекламировал, стоя на стуле, отрывок из "Евгения Онегина":

"А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон..."

Все были в диком восторге, и я получил в подарок заводной луноход.

Не долго думая, я спихнул со стула нового чтеца и, вдохновленный успехом, изрек:

"Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно..."

Пунцовый от стыда отец стащил меня с пьедестала, но второй приз – большую конфету "Незнайка" – я все же получил.

Вечером в ожидании заслуженной похвалы я с гордостью показывал Стояну луноход и конфетный фантик. Но он жут-

ко рассвирепел и заявил, что если я еще раз "буду искать легкой славы", то он зашьет мне рот нитками. Для пущего эффекта Стоян вытащил из кармана моток каких-то шнурков.

Про "легкую славу" я не совсем понял, но декламировать стихи по собственному желанию прекратил вплоть до этого урока.

Единственным поэтом, которого я "открыл" для себя сам во время коллективного посещения в третьем классе Поэтического театра, был Николай Гумилев.

Весь спектакль я просидел, открыв рот и, соответственно, пуская слюни. На сцене под звуки каких-то диковинных музыкальных инструментов ходили – нет, плавали, летали – удивительные существа в фантастических одеяниях и пели необыкновенные стихи.

Все это называлось "Веселые сказки таинственных стран".

Я упросил отца, и он, неподдельно удивленный, принес мне маленький пурпурный томик – "Муза дальних странствий".

Стихи Гумилева входили в меня без всякого насилия над памятью.

Стоян насмешничал, отец молчал, но я не сдавался.

Книги своего кумира я старательно укрывал от посторонних глаз.

Только однажды в прошлом году Стоян застал меня, когда я читал"

"И умру я не на постели

При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще."

Склонившись надо мной, Стоян приподнял обложку и сказал насмешливо:

—А-а-а! Русский Киплинг.

Я положил согнутые в локтях руки на книгу и опустил голову.

Я уже знал, что Гумилева расстреляли после революции и что он

был единственным, кто не дал завязать себе глаза и улыбался палачам. И потому я почти ненавидел Стояна в эти минуты. А тот преспокойно щелкнул меня по макушке и отправился на кухню "замаривать" вечно голодного червячка.

Тогда я тихо-тихо прокрался в прихожую, оделся и ушел из дому.

На дворе стоял октябрь, но было тепло, как летом. В двух кварталах от нашего двора в парке протекала речушка. Вопреки грозным запрещениям родителей, мы часто слонялись по ее замусоренным берегам, находя всякие диковинные вещи. Где-то вверху по течению стоял протезный завод. Там же делали игрушки. Однажды Левка с Бобом выловили из воды пластмассовую кукольную руку, а я нашел глаз, совсем как настоящий. Поскольку отец все равно не позволил бы мне держать "эту гадость" дома, я обменял его на стопку фишек, которые тут же перекочевали Борьке в карман.

Уязвленный Стояном в самое сердце, я бродил по берегу, стараясь представить, что это не зловонный ручей, а прекрасная африканская

река. И смрад от тлеющих мусорных куч – "дымы бедуинских костров".

Но реальность быстро вторглась в мир моих мечтаний. Какие-то

укутанные в тряпки синюшные бродяги, переругиваясь сиплыми голосами, прочесывали склоны в поисках бутылок. Даже не пытаясь вообразить, что это "львы пустыни", я трусливо спрятался в кустах.

Однажды такие типы стащили куртку с одного парня из нашего дома и... помочились на нее. Так что куртку он им сам оставил... по собственному желанию.

Потом бродяги ушли, но я все еще не решался возвратиться домой.

Ходил-ходил, набрел на какое-то бревно и сел, в ожидании сам не зная чего.

Стоян нашел меня, когда уже смеркалось. Сел рядом молча. Потом поднял прутик и разворошил золу старого кострища.

–Прости, старик.

Я не ответил. Мы еще немного посидели, а потом он обнял меня за плечи, мы поднялись и пошли домой.

Когда я был маленьким и считал, что обязан отвечать на все вопросы взрослых, глупые тетki из нашего подъезда ча-

сто мучили меня, спрашивая: "Кого из двух пап ты любишь больше? "

Карабкаясь рядом со Стояном по косогору, я думал о том, что рядом с Гумилевым в той его жизни мог бы запросто существовать отец. Когда в "Африканских дневниках " я прочитал об ученых, "похожих на героев Жюль Верна", я сразу же подумал о папе.

Как там замечательно написано: "Принцы официальной науки..." И я часто придумывал всякие истории с Гумилевым, отцом и с собой, конечно.

Но вот сейчас только Стоян мог найти меня на реке отбросов, и только ему я позволил бы тащить себя как беспомощного щенка в мое безопасное домашнее Логово.

А бывало и наоборот.

Так кого я любил больше?

Итак, восьмая строфа прочитана, а я заблудился в своих воспоминаниях.

Прежде чем закрыть синий том Пастернака я нашел в нем папину колыбельную и как будто встретил родное лицо в толпе чужих:

"Снег идет густой-густой.

В ногу с ним, стопами теми,

В том же темпе, с ленью той

Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?"

–Юра, тебе не пора за рояль? – позвал отец.

И я поплелся отсиживать за пожелтевшей от времени клавиатурой Бехштейна свой музыкальный минимум.

На уроке биологии наша Живодерка показывала однажды на экране

какой-то безумный эксперимент. Что-то там перерезали, и голова лягушки жила сама по себе, а конечности, соответственно, отдельно от нее. Нечто подобное происходило и со мной. Пальцы барабанили по клавишам, а голова была занята совсем другим.

Я вспомнил Старое зеркало. Такой невзрачный я в нем был. Что

Она во мне разглядела? Впрочем, я ведь и сам только после ее письма догадался, что Она особенная, а до этого казалась самой неприметной в классе. Но чем же все-таки заинтересовал ее я?

Когда часы пробили семь, я механически поднялся со стула.

В это же мгновение на пороге появился отец и назидательно изрек:

–Рекорд для Книги Гиннеса! Из шестидесяти минут – пятьдесят пять чистой воды валяние дурака!

Я хотел было поднять планку рекорда и на оставшиеся пять минут, но вовремя прикусил язык. А то еще заставит заниматься второй час да еще и сам рядом сядет.

Лег я поздно, захватив в постель любимых «Хранителей», но как-то

не читалось.

"Вот я один в вечерний тихий час,

Я буду думать лишь о вас, о вас".

Я печально вздохнул и воззрился на трещины в потолке, собираясь в думах "о девочке скромной" провести бессонную ночь.

Но тут в дверях появился отец и недовольно сказал:

—Мне надоело каждый вечер щелкать за тебя выключателем.

Я послушно закрыл глаза... на минутку, а когда их открыл, то оказалось, что пришел новый день.

Маленькая смуглая леди в ожидании сонетов...

("Знакомство". "Дом". "Мадемуазель Дана".)

ЗНАКОМСТВО

Три дня после получения загадочного письма я только и делал, что искал случая, чтобы Озмидова чем-то себя выдала. Но ничего не получалось.

Четвертым был день нашего с Борькой дежурства. Но он заболел, а сострадательной души в классе не нашлось, ведь была пятница. Так что помощи ждать не приходилось.

Некоторое время я сидел на краю учительского стола, как сталкер на обочине (кстати, отец обещал дать денег на восьмой том Стругацких).

Итак, я сидел и угрюмо взирал на безмолвных свидетелей бурно прожитого учебного дня: какие-то скомканные бумажки на полу, банановую кожуру, обертки от жвачек и даже одинокую кроссовку, уткнувшуюся в порог стертым носком.

Рядом со мной стояло ведро с водой, а в руке была крепко зажата швабра щеткой вверх. С нее свисала цветная тряпка, похожая на польскую хоругвь.

В конце-концов, издав клич "Ного і Оjczyzna", я ринулся в бой.

Озмидова появилась в тот момент, когда я, застегивая пу-

говицы на рукавах рубашки, оглядывал убранный класс, как пан Кмитиц поле битвы с крестonosцами.

–По-моему, сейчас ты выглядишь гораздо мужественней, чем у доски, – сказала она неожиданно низким голосом и засмеялась.

Я вспомнил свое бляение на алгебре, и щеки мои, судя по ощущению, приобрели цвет зрелых помидоров, выращенных в открытом грунте. И все же, по инерции оставаясь внутри себя бравым паном Кмитицем, я не опустил глаз и посмотрел ей прямо в лицо.

Оно было узкое и смуглое. А глаза, которые раньше казались мне черными, были серыми. Черными их делали широкие провалы зрачков.

–Закончил?

–Да.

–Проведешь? Знаешь, где я живу?

–Не знаю, но проведу, конечно.

–А я даже код твоей квартиры знаю. Удивлен?

–???

Мы смешались с толпой старшекласcников, которые смели кордон дежурных в гардеробе и занялись самообслуживанием.

Озмидова одевалась неторопливо, тщательно обматывая пушистым шарфом трогательно тонкую и длинную шею и старательно застегивая на все пуговицы короткую бежевую дубленку. Потом достала из кармана и натянула до бровей

белую вязаную шапочку.

–Похожа на Пэту Уилсон?

Я пожал плечами.

–Ты смотришь "НикитУ"?

–Еще чего! – ответил я с демонстративной развязностью. – Да отец меня из окна выбросит вместе с ящиком, если я только посмотрю в ее сторону!

Я сказал чистую правду, от души надеясь, что она будет воспринята как шутка. Но этого не произошло.

–А я ни одной серии не пропускаю. Как все в вашем классе. – Ответила Озмидова, а потом добавила иронично. –Один ты не от класса сего!

Я открыл было рот, чтобы спросить, почему она сказала о классе как о чужом, но захлебнулся горячей воздушной струей, которой в этом году придумали отсекасть при входе уличный холод, и закашлялся.

Еле-еле отдышался на улице.

–А почему ты назвала класс "вашим", а не "нашим"?

–Я странница, Юра. Я птица залетная, и у вас в классе больше не появлюсь. Мы с мамой завтра улетаем. Потому я сама и объявилась, не стала ждать, когда ты ко мне подойти догадаешься.

А провожать меня не надо. Я вон в том доме живу, напротив школы.

–Так давай пойдем к нему длинной дорогой, побродим по улицам или зайдем ко мне.

Мы уже стояли на тротуаре возле ее подъезда. Я тронул ее за рукав.

– Неужели мы так и расстанемся... не познакомившись...

Озмидова потупилась, помолчала, ковыряя носком ботинка снег, а потом решительно подняла голову и посмотрела мне в лицо.

– Послушай, Юра. Жди меня завтра. Около полудня. Мы сможем встретиться у тебя? Ты не против?

– Мое Логово – твое Логово! – мы рассмеялись.

И вдруг она приподнялась на носках, коснулась горячими губами моей щеки, потом приложила к замку магнитный ключ и исчезла.

Как мираж... за железной дверью.

Я постоял еще немного возле ее дома и поплелся к себе.

Дойдя до нашего шестиэтажного гиганта эпохи послевоенного барокко, больше похожего на бетонную корзину для фруктов, чем на жилое здание, я становился.

Вот завтра в полдень Даша подойдет к нему, поднимется на пятый этаж, переступит порог квартиры номер сто пятнадцать, и что же наш Дом (я вдруг подумал о нем, как о человеке) расскажет о себе?

"Дом"

Прихожая.

Дом, как и театр, начинается с вешалки.

Когда наша классная впервые знакомилась с тем, как живут в своих семьях ее "первачки", она умилилась, увидела у

нас на вешалке специальный низко укрепленный крючок, а на нем мою шапку и что-то там еще.

Между тем, когда приколачивалась эта рогулька, отец и Стоян меньше всего думали обо мне. Их волновали исключительно собственные удобства.

Дело в том, что до того, как меня устроили в детский сад, я какое-то время жил дома без няни, как узник замка Иф.

Уходя на работу, отец и Стоян перекрывали воду и газ, закрывали дверь в кухню и кабинет какими-то особыми запорами, а выход на балкон забили гвоздями. Все острые предметы перекочевали в стол отца, а желтый портфель Стояна с непредсказуемым набором опасных вещей – на антресоли.

Но и этого им показалось недостаточно. Я не мог сосредоточиться ни на одной игре – будь то тайная забава с бумажными корабликами в раковине или дозволенная возня с машинками. Не мог, потому что они звонили мне по очереди слишком часто. Не долго думая, я решил для себя эту проблему, положив трубку рядом с аппаратом.

Через полчаса отец и Стоян примчались оба на двух такси.

Но и телефонного террора им было мало. Днем дополнительно засылалась соседка с третьего этажа. Она кормила меня обедом, а потом обходила дозором всю квартиру.

Поэтому выдворение меня в детский сад было похоже на освобождение заложника из рук террористов.

Я бурно радовался жизни среди детей и готов был идти ради этого на любые жертвы послушания. И раз воспитатель-

ница Сталина Ивановна требовала, чтобы дети вешали свою одежду после прогулки сами, то значит, так должно было быть всегда и везде.

Впрочем, самостоятельность моя проявлялась несколько своеобразно.

Дома я спокойно позволял вытряхивать себя из верхней одежды, но вешать ее на крючок не разрешал никому.

Потворствуя мне, отец и Стоян вынуждены были каждый день терпеливо отрывать меня от пола и вместе с разнообразными предметами одежды делать жим на уровне плеч. Нормальное решение этой проблемы пришло совершенно неожиданно. Однажды доктор Дагмаров, вымотанный суточным дежурством на Скорой, позабыл меня раздеть, и просто поднял и подцепил вместе с шубой и шарфом на крюк, как доктор кукольных наук Карабас своих артистов.

В результате моих конвульсий мы вместе с ним рухнули на пол, и

доведенный до отчаяния Стоян заорал с такой силой, что до смерти перепугал отца.

– Все! – кричал Стойко. – Хватит с меня упражнений с этой сопливой гантелей!

Оскорбленный словом "сопливой", поскольку насморка у меня в то время не было, я стал реветь и лупить Стояна ладошками, пока под носом у меня действительно не стало мокро.

И тогда профессор Мещерский совершил тринадцатый

подвиг Геракла и, твердой рукой оторвав подвернувшийся под нее крюк, прибил его на уровне своих колен, предполагая, вероятно, что такая разница в росте будет оставаться между нами независимо от моего возраста.

Вот почему уже следующей весной на этой загогулине болталась только моя шапка. А все прочее я научился забрасывать наверх с ловкостью любимца детсада номер тридцать семь актера Карлоса – Чарльза – Чака Норриса.

Оторванные вешалки терпеливо пришивали к моей одежде детско-садовские нянечки. Они ничего не знали о подвигах Чака Норриса, но с большим почтением относились к загадочной двухметровой личности – профессору Роману Ильичу Мещерскому.

Коридор.

Раньше там был замечательно скользкий линолеум.

Когда у отца в кабинете не было второго аппарата, к телефону в прихожей первым мчался я. Это было так классно – оттолкнуться от порога гостиной и скользить через весь коридор, резко тормозя у стены, как хоккеист у бортика. Отца мои пируэты не особенно беспокоили.

Правда, пару раз он выговорил мне дежурно строгим голосом. И только один

раз я получил желтую карточку: когда мастерски сбил с ног доктора Дагмарова на его пути из туалета.

Но, в конце – концов, я доигрался, вернее «доскользил-

ся»!

Не рассчитав силу толчка, я врезался в стену и выбил себе плечо.

Я, конечно, здорово орал, когда Стоян вправлял мне руку. Но недолго. Гораздо дольше Стоян отпаивал отца какими-то каплями, одновременно демонстрируя ему взмахами своей руки, как хорошо я буду владеть своей травмированной конечностью в самом ближайшем будущем.

На следующий день отец и Стоян приволокли домой нечто похожее на короткий толстый столб, бесцеремонно затолкали меня в мое Логово и принялись шумно возиться в коридоре.

Высовывая нос в полуоткрытую дверь, я мог наблюдать, как, то один,

то другой выползают в гостиную на четвереньках, переругиваясь или подбадривая, друг друга.

Часа через два я услышал, как Стоян издал победный клич, и понял, что таинственная работа окончена.

Осторожно передвигаясь боком здоровым плечом вперед, я приблизился к коридору. Там, на отвратительно шершавом ковровом покрытии, раскинув руки, лежало два неподвижных тела с закрытыми глазами.

Поскольку мне давно уже было пора туда, куда все ходят пешком, я осторожно

обогнул отца и только собрался перешагнуть через Стояна, как услышал

грозный окрик доктора Дагмарова, верного своим школьным суевериям:

–Сдай назад, парень, или ты хочешь, чтобы я больше не вырос и остался лилипутом?!

И он с наслаждением потянулся во весь свой ста восьмидесяти пяти сантиметровой рост.

Гостиная.

Эта самая большая комната состоит из двух различных по назначению половин.

В одной – салонный Бехштейн. Два окна во двор. Между ними стоит деревянный ящик вроде перевернутой усеченной пирамиды, где, вопреки всем невзгодам, растет и даже цветет китайская роза.

У стен – за и перед роялем – книжные шкафы. На нижних полках ноты.

Целая библиотека нот. От "Дешевого издания въ томах п. Юргенсона въ Москвѣ", Rob. Forberg. Leipzig. начала века, издательства "Тритон"?! на проспекте 25 Октября от 30 годов» до небезызвестного в очередной раз нового и дополненного издания "Школы игры на фортепиано" А. Николаевой» тысяча девятьсот сорок четвертого года.

Верхние полки шкафов отданы книгам бабушки и дедушки и их родителей: толстым томам в кожаных переплетах Ранке, Ратцеля, Кернера с волшебными рисунками диковинных растений, животных и дикарей, всяким "Вестникам знаний" и отдельным томам энциклопедий. Там были книги не

только на русском языке, но и на украинском, белорусском и польском.

Лет одиннадцати, когда я приканчивал третий том Карла Мэя, отец все еще не догадывался, что я читаю по-польски. Он спокойно созерцал, как я том за томом таскаю к себе в комнату книги о похождения Шаттерхенда, уверенный, что все дело в занимательных ковбойских картинках. Но когда Стоян, в очередной раз выдворяя меня из туалета, где я отсиживался во время занятий музыкой, вытащил из-за бачка "Дана Древера", на кухне состоялся настоящий суд.

Отец, препоясанный в чреслах кухонным полотенцем, стоял как прокурор. За ним, опираясь рукой на спинку стула, в позе обвинителя – доктор Дагмаров. Вещественное доказательство лежало на столе, перед которым застыл я с плохо заправленной в треники рубахой.

Отец торжественно раскрыл книгу, на обложке которой храбрый Дан прищпоривал половину коня. Другая половина мустанга на странице не уместилась по очень хитрому замыслу художника.

–Прочитай, – сказал отец спокойно, но все же с каким-то обвинительным оттенком.

–Ну! – стал торопить меня Стоян.

–Вверх ногами не могу!

–Вот поганец! – Стоян демонстративно перевернул книгу и придвинул ее ко мне.

–Читать по-польски не буду, буду по-русски, – поставил я

новое условие, потому что, понимая смысл написанного, совершенно не представлял, как произносить отдельные слова.

–"Стало быстро темнеть, и земля поменяла краски: с осенне-золотых...

на синие и... и..."

Папа перегнулся через стол:

–Черные.

–и черные. Кони уже устали. Шли медленно, опустив головы..."

Тут Стоян шлепнулся на табуретку рядом с отцом и захотал:

–Читает, пся крев! Изучает на толчке иностранные языки.

Потом он сграбастал меня в охапку, и началась такая возня, что после нее

у меня совершенно отшибло память о "кухонном экзамене".

Я вспомнил о нем только спустя несколько дней, когда заметил, что польских книг на полках стало гораздо меньше.

Приблизительно в это же время у меня на столе появился зеленый футлярчик с тоненькими книжечками внутри: "Учебник польского языка".

Я с интересом узнал, как произносятся буквы с хвостиками, но вскоре понял, что если буду стараться произносить их по правилам, то догадаться, о чем читаю, уже не смогу.

"zab" – это зуб, но если прочитать слово как "зомп", то в жизни до этого не додумаешься. "Pięc" для меня «пять», а

"пеньч" – непонятно что.

Недели через две отец собрал по всей квартире девять книжечек, аккуратно

сложил их в футлярчик и унес к себе в кабинет.

–Похоже, Стойко, – огорченно сказал он доктору Дагмарову, – Юрка

склонен выбирать легкие пути.

–Роман! Ты с ума сошел! малолетнего пацана со своими аспирантами сравниваешь, так что ли. Если у него на глазах ты одну конфету положишь сверху, а вторую закопаешь, какую он схватит первой? Проголодается – выроет и другую, неужели непонятно?

Вскоре Стоян притащил мне истрепанный польско-русский словарь и нравоучительно изрек:

–"Учись, мой сын, наука сокращает..."

Я потом долго думал, что она сокращает, и решил, что время на перевод.

Но почему он так торжественно сыном меня назвал не догадался.

Словарь, кстати, прижился.

Теперь о нотах. Среди них были старинные фолианты с именами

многих музыкальных титанов. Но и популярной дребде-ни было достаточно:

вальсов каких-то, романсов, маршей. И, разумеется, бесчисленное количество "Детских альбомов" и "Азбук". От-

дельно стояли ноты для скрипки. На скрипке играла мама. Отец тоже играл, но после маминой гибели убрал скрипку в бездонные глубины книжного шкафа в своем кабинете. Только один раз он достал ее при мне. Раскрыл футляр, и я удивился: скрипка, спеленутая какой-то

мягкой темно-вишневой тканью, лежала там, как ребенок в колыбели.

Папа и на рояле играл, легко читая с листа. Садился за инструмент, ставил ноты и играл без ошибок. Даже с многоголосием без труда справлялся, а мне неделями приходилось его расплетать.

Я любил слушать папину игру из своей комнаты, лежа на полу.

В детстве это бывало довольно часто, а теперь очень редко.

Под роялем стоит неприметная такая табуреточка с потертым бархатным верхом. На ней отец усаживается рядом со мной, если я уж очень явственно "навираю" в нотах, ритме или темпе. В далеком детстве мы играли с ним в четыре руки. А сейчас я играю концерты, и на одной клавиатуре места для двоих не хватает.

У меня хороший "относительный" слух, пальцевая беглость, растяжка и еще что-то там неплохое. Неплохое, но и не отличное.

Поэтому, несмотря на интриги Стояна, на "Элегию" Рахманинова я не замахиваюсь, услаждаю его слух исключитель-

но Мендельсоном.

А для себя подбираю что-нибудь из рок-опер. В этом году мне очень понравился "Собор Парижской Богоматери", и я долго возился, подбирая "Бель" под звуковой аккомпанемент доктора Дагмарова, который орал: "Ты заткнешься, наконец, со своей испорченной шарманкой, савояр фальшивый!"

Стояна в детстве в музыкальную школу не приняли, потому что тогда голос и слух существовали у него как бы отдельно друг от друга. Наконец совместились... мне на беду. Теперь и при нем я играю, как на зачете:

он не только фальшивое место услышит, он еще и пропоет, как надо правильно сыграть.

Ужасы нашей квартиры!

Теперь о другой, по моему определению северо-западной части гостиной. Окна ее выходили на улицу. Вплотную к ним был приставлен огромный овальный стол, фигурные ножки которого соединялись крестовиной. В месте пересечения планок была еще одна опора, веер какой-то, крепившийся к столешнице. В детстве я возлежал на этом веере, воображая себя путешественником в хижине папуасов. Вообще жить под столом

было сказочно прекрасно, пока я не стал набивать себе шишки на темечке.

На этой же половине стоит телевизор "Шарп", а перед ним журнальный столик,

диван, на котором спит Стоян и два кресла.

На столике куча макулатуры: какие-то древние выпуски "Матадора",

"Вок" и еще чего-то такого, смешанного с медицинскими журналами,

тетрадками и ручками с исписанными стержнями.

Под столиком обычно стоит новенький кейс с кодовым замком, а вот за диваном ... за диваном живет «Желтый портфель» из свиной кожи. Он как бы дремлет с открытым ртом, из которого веером торчат листы бумаги, исписанные крепкими круглыми буквами. Там же помещаются: вылинявшая футболка, грязное полотенце в пакете, начатая пачка печенья, обмылок в половине мыльницы, старый солдатский ремень с надорванным концом и дешевые карамельки россыпью.

Маленьким я тайно делал набегии на этот "портфель сокровищ", выуживая то жвачку, то конфету. Но один раз слопал какой-то черствый пирожок, и у меня здорово прихватило живот. Стоян отпаивал меня марганцовкой и одновременно устрашающе потрясал перед моим носом ремнем. С тех пор я в портфель и носа не кажу.

Кабинет отца.

Комната отца – это святилище, куда я делаю вылазки только за всякими энциклопедиями и справочниками. Там все необыкновенно: и сами предметы и их названия. Трехстворчатое окно-фонарь – «эркер», огромный диван с боковой

тумбой для белья – «лотербед». На стенном ковре две старинные боевые сабли и парадная шпага с надписью по-польски «Честь и Отчизна».

Между ними рожки козули и полный бычий рог для вина, окантованный серебром.

Напротив лотербеда – старинный сборный шкаф для книг и всего на свете с какими-то стеклянными башенками, выдвижными ящиками и ящичками, полками всех размеров, резными колонками. И все это украшено головками амуров и виноградными лозами.

Перед шкафом – огромный стол с двумя необъятными тумбами. Между ними удобное для работы старое кресло, больше похожее на широкий стул с подлокотниками. На столе горы папок, тетрадей, книг. И отец все сидит и сидит за этим столом, как затворник в келье каждый вечер и все выходные.

Там же помещается и престарелый Пентюх. Новый – с лазерным принтером – у отца на кафедре, там и по Сети полагать можно, а на этом мне дозволено лишь доклады для школы набивать и в первую версию «Цивилизации» играть.

Да и то, потому что ее дядя Геня подарил – Песталоцци и компьютерщик в одном лице. В остальные игры мы с Бобом играем у Левки.

Возле лотербеда стоит платяной шкаф и старинная напольная вешалка для той одежды, которая снимается дома после работы. Я маленьким немного боялся ее. Стоит такой

безголовый человечек с длинными руками и короткой ножкой. И молчит.

В платяном шкафу-гардеробе все отделения для белья поделены между отцом, Стояном и ...мамой. Мамина полка – верхняя. На ней лежит что-то завернутое в голубой платок и зашпиленное английской булавкой.

А там, где висит одежда отца, у Стояна только один пиджак, белый, клубный, который ему в Болгарии подарили.

Даже когда отца дома нет, я чувствую себя в этой комнате ну...как если бы незаконно очутился один в тронном зале.

Вообще, я такой разный рядом с отцом. То младенец – младенцем, рта не раскрою, чтобы оправдаться. То он сам покажется мне беззащитным и одиноким, и опять не находится у меня для него нужных слов.

Со Стояном проще. Он всегда старше, но ровно настолько, чтобы, не боясь его, отчаянно защищать свою независимость. Он тот еще тиран! И, если попадешься ему под горячую руку, может так наподдать, что мало не покажется. Потом только разбираться начнет, бегать за тобой будет, обнимать, прощения просить.

Но когда он без предупреждения исчезает на несколько дней, я просто места себе не нахожу.

Однажды зимой, не спросясь отца, я направился к нему в коммуналку.

Дверь открыл сосед, бывший корректор Моисей Рафаилович. За годы нашего знакомства он скормил мне вагон мен-

толовых пастилок, а теперь смотрел с такой ненавистью, будто я был личным уголовным врагом капитана Губина из его любимых «Ментов».

–Здравствуйте, – проблеял я. – Мне Стояна.

Моисей Рафаилович ничего не ответил, и мне даже показалось, что он собирается захлопнуть дверь перед моим носом. Тогда, используя опыт Арчи Гудвина (любимого литературного детектива доктора Дагмарова), я всунул в щель ногу.

–Послушайте, юноша! – громким шепотом сказал сосед. – В мое время приличные люди предворяли свой визит телефонным звонком.

–Я предворял! Но вы же сами сказали, что сейчас он подойти не может!

–Так зачем же вас сюда принесло?! – раздраженно ответил Моисей Рафаилович, стараясь выпихнуть назад мою ногу.

–Дядя Мойша! Кто там? – вдруг послышался голос Стояна.

–НИ-КО-ГО! – драматическим тенором объявил вероломный старик,

энергично выпихивая меня за дверь.

–Стоян! Стойко! Это я, Юра!

Спустя несколько минут доктор Дагмаров уже стоял в коридоре...в трусах и босой!

–Юрка! Что-нибудь с отцом?

–Нет! Я...мы...Я думал...с тобой...

–Ясно! Моисей Рафаилович, приютите молодого человека у себя. Ненадолго.

Старик повернулся и молча пошел к себе в комнату. За ним, совершенно сбитый с толку, отправился и я, ведомый за плечи несколько не смутившимся Стояном. В комнате, где нестерпимо пахло кошками, сосед сел спиной ко мне, лицом к телевизору. Голова моя была свободна от каких бы то ни было мыслей.

Стоян появился минут через десять в куртке и сапогах.

–Моисей Рафаилович! Век благодарности!

–Я не доживу, – мрачно ответил старик, не оборачиваясь.

Стоян проводил меня до автобуса, не снимая руки с моих плеч.

На остановке развернул, поцеловал в щеку.

–До завтра! И не вводи профессора в штопор. А главное, помни: много будешь знать – рано состаришься.

Мое «Логово».

Сейчас это хоббитанский Шир, эльфийский Лориен. А до этого, чем только ни была моя детская: островом Робинзона, пещерой доисторических людей, да мало ли еще чем. Но это была наша с ней тайна.

Только однажды случилось непредвиденное, и комната, помимо моей воли, обрела имя собственное. И все из-за того, что Стоян вытащил у меня из-под подушки девчоночью книгу «Добывайки», которую мне принесла Сонечка.

Не то, чтобы книга мне не нравилась, хотя взял я ее ис-

ключительно из чувства любви к ее хозяйке. Но все-таки я уже сознавал, что для девятилетнего пацана это сомнительное чтение. Изъяв у меня книгу, Стоян прочел ее залпом и радостно объявил за ужином, что она открыла ему глаза на правду жизни.

Пошарив по углам моей комнаты, он нашел полдюжины предметов, которые давно были в розыске у него и отца. И с тех пор, если что-нибудь пропадало, Стоян говорил:

–Пойдем, потрясем Логово Добывайки!

Или просто «Логово».

В моем Логове три окна, и в ясную погоду солнце передвигается в ней, как на земле алеутов, целый день по горизонту.

Вплотную к стене отцовского кабинета стоят два старых книжных шкафа и гардероб для одежды. За ним – кровать. Я давно борюсь за право заменить ее диваном, но у отца «пунктик»: ребенок должен иметь постель для сна, а не место для валяния днем. Поэтому днем я валяюсь на старой медвежьей шкуре у кровати либо на ковре посреди комнаты.

Слева от двери самодельные полки от пола до потолка – настоящая «Лавка древностей». Чего там только нет! Ближе к полу стоит древний проигрыватель и целая гора пластинок. Повыше – отцовская Библиотека приключений. Отдельно выстроились все возможные переводы Толкиена – Толкина, вплоть до дурацкого детского издания, которое мне вручили в классе по окончании третьего класса. Такое же умо-

рительное сокращение «Трех мушкетеров» в этот же день вручили Бобу и Левке. Вся эта серия называлась «Открываем великих классиков». Вероятно, многие наивные дети после знакомства с подаренными книгами так и остались в неведении, что же такое они открыли.

На остальных полках хранятся драгоценные для меня предметы, за которые любой другой не даст и ломаного гроша. Колокольчик, оторвавшийся в шторм от рыболовецкой сети и найденный мной на берегу Азовского моря. Жестяная коробка из-под Новогоднего подарка, полученного отцом на Кремлевской Елке в шестидесятом году. В ней хранятся мои самые любимые маленькие машинки. Рядом – армейский бинокль деда, старинный латунный микроскоп с прямым тубусом и какие-то поделки из Лего.

Самый загадочный предмет – это металлическая дверная ручка скобкой послевоенного образца. Когда я орал младенцем от ночных кошмаров, соседка посоветовала отцу умыть меня «через ручку». И хотя папа уходит от прямого ответа, я смутно помню его с этой ручкой на запястье.

Ну, в общем, всего не перечислишь. Легче сказать, чего там точно нет и вряд ли когда-нибудь появится: порядка.

Раз в год отец требует, чтобы я навел на полках чистоту и выбросил все лишнее.

Я с энтузиазмом погружаюсь в процесс уборки, который затягивается на несколько дней. Но после этого свободного места на стеллаже становится еще меньше.

Мадемуазель Дана

...В субботу отец с утра был дома, а Стоян позвонил и сказал, что придет к ужину. Это меня обрадовало. Отец, в худшем случае, выйдет поздороваться и предложить чашку чая. А от Стояна можно ожидать чего угодно. Познакомишь и не заметишь, как станешь третьим лишним.

Битый час я раздумывал над тем, что надеть и в результате...натянул свои единственные истертые о школьную мебель джинсы. Еще немного подумал и влез в голубую водолазку, обнаружив при этом на боку какое-то желтое пятно. Пришлось разыскать старую джинсовую жилетку, которая едва не лопнула по шву на спине.

В двенадцать часов с минутами раздался звонок. Поскольку я сидел в прихожей уже битых полчаса, то пришлось придержать себя и открыть дверь на счет пятьдесят восемь.

Образ вчерашней Даши Озмидовой не успел размыться временем в моем сознании, поэтому то, что я увидел повергло меня в изумление.

Через порог переступила загадочная особа полутораметрового роста с распущенными волосами и в огромных очках типа «Хамелеон». Вместо дубленой курточки на ней был какой-то кожаный балахон. Чем-то таким, но одеяльным, осенью обвивалась Алиса, и называлось это «серапе». Черные палочки ног оканчивались башмаками со сдвинутыми назад

каблуками, очень похожими на копытца.

Поздоровавшись, она ловко раскрутила вокруг шеи свое...свою накидку и сбросила ее мне на руки. Некоторое время я ошалело соображал, куда это деть, и, наконец, пристроил на столике у зеркала. А потом с ужасом стал думать, что увижу, обернувшись. Может на ней платье из перьев или что-то еще покруче. Поднял глаза и от неожиданности чуть в стекло лбом не въехал.

За моей спиной стояла скромная пансионерка в темно-синем платьице с какой-то кружевной тряпочкой вокруг шеи.

Спокойно рассмотрев себя в зеркале, Даша сняла очки, положила их рядом с накидкой и насмешливо спросила:

–Можно пройти?

Я проделал какое-то роботоподобное движение рукой, и Озмидова направилась в гостиную.

Там она огляделась, потом присела на вертушку у рояля и стала вращаться на ней, склоняя голову то к одному, то к другому плечу.

Даша вела себя с непринужденностью хозяйки, а я был так скован, что впору было сказать себе:

–Эй, парень, чувствуй себя, как дома.

Между тем, моя гостья остановила, наконец, свое кружение, открыла крышку роля и проиграла своими тонкими пальчиками банальные арпеджио.

–Какие легкие клавиши!

Потом она заиграла, как я с трудом догадался, попури из

мелодий Джо Дассена. Это была какая-то странная механическая игра, при которой наш Бехштейн звучал как клави-корды.

Как и следовало ожидать, через несколько минут на пороге кабинета появился озадаченный отец. Его часто раздражали мои сомнительные музыкальные импровизации, но такую игру он не ожидал услышать даже от меня.

Вначале он с изумлением воззрился на странную пианистку, потом отыскал глазами меня, присевшего на поручень кресла, и высоко поднял свои подвижные брови.

Озмидова повернула голову и, как ни странно, ...покраснела.

–Юра! Тебе не кажется, что нас нужно познакомить? – с шутливой укоризной в голосе сказал отец, теперь уже вогнав в краску меня. Дело в том, что я решительно не знал, кого кому представлять первым: отца Озмидовой или ее отцу.

Если бы это был обычный случай, я бы просто сказал:

–Па, это...

Но сейчас я совершенно растерялся. Озмидова же, напротив, пришла в себя. Она встала и, сделав (о, господи), какое-то старомодное приседание, весьма мелодично произнесла:

–Я – Дана, одноклассница Юры, а вы его папа?

–Именно так. Рад знакомству. Меня зовут Роман Ильич. Но я, кажется, помешал вам э-э-э музицировать? Продолжайте... продолжайте...

«Ничего себе, – думал я. – «Дана»! Первый раз слышу, чтобы ее так называли. Просто "Мата Хари из седьмого «Б»!»

Но отец! Отец! Сама галантность! Садится на убогую нашу табуреточку и начинает подыгрывать ей в басах, и такая получается аранжировка – класс!

Потом отец извинился и возвратился к себе в кабинет, а мне ничего не оставалось, как пригласить Дану – Дашу в Логово.

Пригласить пригласил, а сам тоскливо подумал: «А дальше – то что?»

Но тут Озмидова увидела наше плетеное кресло-качалку, реликт начала века, и, превратившись в нормальную девчонку, бросилась к нему, топоча своими копытцами.

Надо сказать, кресло это было прозвано в нашем доме «качалкой раздора», потому что я и Стоян постоянно ссорились из-за него. Только-только я усаживался в кресло и, закрывая глаза, пускался по «бурным волнам» к коралловым островам, как заявлялся Стойко с пледом через плечо и стягивал меня с кресла.

–Все, внучек, дай бабушке отдохнуть!

Обычно это бывало, когда к отцу приходили гости, и Стояну неудобно было дремать на своем диване, а на кровати моей он не помещался, разве что в позе «эмбриона», но это было не по нему.

Усевшись в кресло, Озмидова оживилась, заправила во-

лосы за уши и приняла просто-таки нормальный человеческий вид.

–Ой, как классно! Я такие кресла только в старых мультиках видела.

Юра! Юра! Ты музыку какую-нибудь поставь для кайфа!

К этому моменту в сознании моем произошло какое-то раздвоение.

С одной стороны, Озмидова распалась в нем на две личности: одноклассницу Дашу и некое подобие Ванессы Паради. С другой стороны, я сам как бы расслоился. Потому рука сына профессора Мещерского потянулась к полке с кассетами бельканто Беллини и фуг Баха, но «выученик» доктора Дагмарова быстро пресек эти сопливые интеллигентские поползновения и развязно спросил:

–Тебе что? Диско энд хаус, хип-хоп, поп и фолк или латину?

–Мне шансон. Только не Монтана. Меня Буся им заколебала.

Я выбрал из отцовской коллекции Азнавура, включил маг, сел на край стола и завил ноги веревочкой. Так только отец умеет и я. Стоян, хоть и худой, но не такой гибкий, как папа.

Азнавур пел, Дана – Даша раскачивалась в кресле, а я сидел и опять думал, чем же ее дальше развлекать и о чем говорить? Тут Даше встала, вылезла из своих копытец и начала танцевать.

«Шансонетка», – вспомнил я строчки из конспекта по ис-

тории музыки, – песня, сопровождающаяся танцевальными движениями».

Странная моя гостя двигалась совершенно раскованно, зато я талантливо изображал соляной столб. Наконец запись оборвалась, а Даша остановилась как раз на медвежьей шкуре у моей кровати.

–Ой, Юра, она настоящая?

И стала топтаться на ней маленькими узкими ступнями.

–Made in Antalia!

–Нет. Серьезно.

–Коряки деду подарили, когда у него сын родился. Дед эпидемиологом был, боролся с эпидемией клещевого энцефалита в Сибири.

–И карта оттуда?

Над кроватью висела большая карта Средиземья, перерисованная мной из Толкиена. Года три назад умники из математического класса нашей школы увлеклись Властелином колец, а вскоре толкиенисты расплодились везде – даже среди сопливых первоклашек. В прошлом году эпидемия прекратилась также внезапно, как и началась. Это, когда шестой «В» объявил себя Барлогами, а Гномы из пятых и Рохан из седьмого «А» забили им стрелку.

На Дашин вопрос я не ответил, чтобы не ставить ее в неудобное положение.

А она стала коленками на плед и принялась водить тонким пальчиком по эльфийским рунам в моем исполнении, кото-

рые Стоян ехидно называет «танцующими червячками».

–Брандуин, Ар-нор...Шир!!! «О Элберет Гилтониель!»

Откровенно говоря, я был рад, что она сказала именно эти слова.

Теперь мне захотелось ответить: «Мы с тобой одной крови – ты и я»!

Но не впадать же в детство!

А Даша уже сидела на кровати, свесив ноги.

–Зачем тебе карта?! У тебя отец, как король Эльфов, и Дом...

А я улетаю в «веселый Париж» с мамой и...ее другом. Завтра. Потому что приехала тетя Лия, и теперь с Бусей будет жить она.

Дана-Даша встала и прошлась вдоль полка, лаская рукой книжные корешки и жесткие ребра кассет. -Мой дед был скрипачом, Буся костюмершей, мама – художница. И только тетя Лия – трезвая и земная. Она – экономист.

Обо мне Ли говорит, что я «уродливое проявление наследственного артистизма, вечно в кого-то играю, кому-то подражаю, а у самой ни голоса, ни слуха, ...ни роста. И вместо волевого стержня у меня веревка пеньковая внутри».

Даша оглянулась и посмотрела на меня грустными глазами грачонка, выпавшего из гнезда. Был у меня один такой.

–А ты настоящий, – продолжала она. – Тоже, конечно, фантазер. (Тут я ужасно покраснел). Но в реальной жизни переживаешь, злишься, дерешься – от первого лица. Я ведь

то твоё сочинение на двенадцать строчек у Мимозы выкрала и Ли дала на рецензию. Только ты не обижайся, пожалуйста.

Я подумала, если это Мимозе можно читать, то, значит, и другим не запрещается.

Я воззрился на Дашу с недоумением, потому что не мог вспомнить, о чём идет речь.

—Ну, Горького мы проходили... "Песню о Соколе". И ты написал... только я неточно помню... «Хорошо, что я не Сокол и не Уж и принадлежу к отряду приматов. А из басен я люблю те, которые ленивый Крылов у Эзопа списывал».

Теперь я вспомнил. Мимоза тогда вместо отметки поставила мне вопросительный знак и написала: «Ручка исписалась или поток мыслей иссяк?» Даша продолжила.

—Лия очень смеялась, а потом сказала, что самостоятельный ум и чувство юмора — этого уже почти достаточно, чтобы человек состоялся как личность.

Разозленный тем, что какая-то там тетка решала, кто состоится или нет, и кто из кого выйдет, я резко поднялся и заявил:

—Ну, знаешь! Тоже мне Фрейда нашла! Из тебя, может, знаменитая актриса выйдет! Кстати, все Парижские знаменитости маленького роста: и Пиаф, и Матье. А я, может, «Аншлаг» буду вести вместо этой, как её... Дубовицкой!

Я не окончил, потому что Даша расхохоталась, и я тоже не выдержал.

Вдруг она вскинулась.

–Юра, час уже есть?

–Нет. Без четверти.

–А у вас какие-нибудь окна выходят на улицу?

–Да. В гостиной.

–Пойдем, посмотрим! За мной должны приехать. Мама и этот... бой-френд дипломатический.

Даша влезла в свои копытца, и мы направились в гостиную. Дубовый стол, известный под именем «Стола короля Ричарда», был придвинут к самым окнам. Почему Ричарда? Потому что это производное от Рича – так в младенчестве я произносил «Роман ИльиЧ» – имя отчество отца – на радость его институтским коллегам. Кто бы еще додумался до такого прозвища! Звали бы за глаза «шефом» или «начальником». А так: "Лорд Ричард", "Лорд", "Рич" – вариантов стало много.

Стол был такой широкий, что до подоконника нам пришлось ползти на четвереньках.

Легкий шум, и, оглянувшись, я увидел отца, застывшего на пороге кабинета со странным выражением лица. Если бы не регулярные прививки «ехиднина» доктором Дагмаровым, я бы назвал его "умильным". А так я решил, что это скорее демонстрация благожелательной иронии. Ну, а гостья моя ничего этого не видела. Она прильнула к стеклу и, поводя головой из стороны в сторону, нашла то, что ожидала.

–Приехали! – сказала она огорченно. – Видишь мерс? А мама рядом стоит, курит. Он не разрешает в машине...

Я оторвался от созерцания отца и посмотрел на улицу. На противоположной стороне у кромки тротуара припарковался шикарный вишневый пятисотый мерс.

Возле него, за багажником стояла высокая стройная женщина в длинном пальто. Темные волосы ее были распущены и ниспадали ниже плеч, как у Даши. Широкий рукав пальто собрался складками у локтя, обнажая тонкую руку с сигаретой в длинных пальцах. Тут Даша оглянулась и увидела отца.

Перебирая ногами и руками, как на детской горке, она ловко и безо всякого смущения добралась до конца стола, откуда ее сняли и поставили на пол сильные руки папы. Вслед за ней на паркет обрушился и я.

– Мерси! Мне так жаль уходить.

– А нам прощаться с вами, мадемуазель. Но, может, в недалеком будущем найдете время навестить нас и э-э-э помузицировать?

– Что вы! Я не умею играть ничего, кроме этого. Меня Лия, тетя моя, просто научила нажимать клавиши в определенном порядке, даже цифры на них рисовала! Мне Дассен очень нравится, вот я и упростила ее.

Брови отца поднялись почти на всю высоту лба.

Даша рассмеялась.

– Ну да, я ведь не занимаюсь музыкой, как Юра.

– А вы уверены, что Юра ею занимается? – в голосе отца прозвучали искусно замаскированные насмешливые нотки.

– Конечно! А он не рассказывал вам, как в нашу школу

французы приезжали и с ними певица из филармонии с прической, как у Матье. Они вначале во французскую группу к малышам пошли, а потом – на репетицию хора, где мы как «рояль в кустах» пели попугайчиками:

Ке ля пэ суа сюр ле монде

Пур ля сан милян ки вьен...

Все как назло английский учат и что произносят не понимают.

Певица пошушукалась с нашей хоровичкой и поднялась на сцену солировать.

А потом... Юра, Юра, что она сделала?

У меня даже дыхание перехватило.

Вот подставила!

– Стала петь в ми бемоль мажоре, вместо до мажора, – выдал я сквозь зубы.

– Вот-вот, стала петь в одном мажоре, а хор – в другом. Ужас!!!

Тут Юра, а он обычно на пении только рот открывает, я специально прислушивалась... Так вот, он неожиданно выходит из первого ряда вперед, оказывается рядом с солисткой, поет вместе с ней в этом самом другом мажоре, а за ним подтягивается весь хор. И голос у него, оказывается, такой громкий. Французы потом долго хлопали, обнимали Юру. А одна девушка повязала ему платочек на шею.

– Платочек?! – фыркнул отец.

– Да, с Эйфелевой башней, черно-красный. Его наши дев-

чонки сразу же себе забрали.

–Ну, ну!

Тут Даша взяла меня за рукав и потянула в прихожую.

–Мне пора!

В это время хлопнула входная дверь, а через минуту в коридоре появился Стоян. В куртке, но уже без шапки. В руках он держал Дашину накидку.

–Ушастый! – спросил он изумленно. – Ты стал снимать скальпы?

Потом увидел Дашу и удивился еще больше. – И брать заложниц? Так, может, представишь меня леди?

–Даша, это – доктор Стоянов. Ой, нет – Дагмаров. Стоянов – это имя...

С неподдельным интересом выслушав мой лепет, Стойко распрямил плечи, склонил чернокудрую голову, шелкнул каблуками и представился сам:

–Стоян Дагмаров.

Даша не растерялась, сделала изящный книгсен и смело поднесла свою цыплячью лапку к его плотоядным губам.

–Дана. Рада знакомству.

Стоян учтиво чмокнул ее руку и набросил на плечи накидку с ловкостью ковбоя, кидающего болас.

–Ты меня проводишь?

Даша уже стояла у порога открытой двери. Тут она посмотрела на учтивого отца, ерничающего Стояна, смущенного меня и прибавила, сдавленным голосом:

–Как мне хочется сказать вам «до свиданья»!

–Так что же вам ме... – начал было Стоян и осекся под моим взглядом.

Когда я очнулся, копытца Даши уже стучали по ступенькам, и я, стремглав бросился вдогонку. Тут Стоян, совершив молниеносный бросок, сорвал с вешалки мою куртку и швырнул мне вслед.

Дашина мама уже выкурила свою сигарету и держала в левой руке погасший окурочок, словно не зная, куда его деть. Она притянула к себе дочку и сказала:

–Прощайся скорее, Всеслав торопится! Извините, Юра, что даже познакомиться не успеваем, как следует.

И у нее были глаза грачонка.

Даша ткнула её в грудь лицом, не выпуская из цепких пальцев моего рукава. Слово боясь обжечь дочку, Дашина мама подняла руку с окурочком, а потом протянула его мне.

–Вы не могли бы... – сказала она растерянно.

–Конечно! – я осторожно высвободил сигарету из ее судорожно сжатых холодных пальцев.

Потом она села на переднее сиденье, изящно подобрав полы длинного пальто.

Когда я нагнулся, закрывая за Дашей дверцу, я увидел за рулем плотного лысого человека, не повернувшего головы в мою сторону. Но складки на его тучном затылке явно выражали недовольство.

Мерс рванулся, когда моя рука еще касалась стекла. Я

чуть было не упал, потеряв равновесие. Подняв голову, я посмотрел на наши окна. Мне не хотелось, чтобы папа и Стоян видели эту сцену.

Когда я возвратился домой, они оба накрывали стол к обеду, не обратив никакого внимания на мой приход. Однако, проходя мимо двери, я услышал, как Стоян противным голосом сказал отцу:

– Не знаю, как ты, но я для нее слишком молод! Слишком!
И, похоже, оба тихо фыркнули.

Окурок я не выбросил, а прикрепил скотчем к обратной стороне карты Средиземья.

Засыпая, я поймал за хвост странную мысль, что на следующий день рождения позову не только Боба, Левку, рыбок... Тут я сосредоточился и понял, что Левкины рыбки здесь не при чем. «Девочек» – нашлось и уплыло найденное слово, перечеркнутое вопросом, который вдруг задал низкий глубокий голос:

–Вы не могли бы...

ВСЕ!

Время раздумий

Возвратившись из Иркутска, Стоян позвонил нам из своей коммуналки и сказал отцу, что должен отлежаться в «своей берлоге». О берлоге я, конечно, не от папы узнал, а просто рядом с телефоном стоял и услышал.

Через три дня папа не выдержал и поехал к нему. Вернулся мрачный и объясняться со мной не стал.

На следующий день, когда отец еще не пришел с работы, я сам позвонил Стояну. Подошел к телефону его сосед и мой вечный недруг «добрейший Моисей Рафаилович».

–Тебе больше всех надо? Да, мальчик? Что ты звонишь и беспокоишь людей своими глупыми вопросами? Чтоб ты знал, папа твой пришел, постоял под дверью Стояна Борисовича, как у Стены плача, и ушел. Ты меня слышишь?

Вечером в субботу заскребся ключ во входной двери, и я рванул в прихожую. Отец оказался там почти одновременно со мной.

Когда мы увидели Стояна, отец сказал:

–Э, как тебя обтянуло!

Теперь я понял, что значит это выражение. Кожа на лице Стояна съежилась, как это бывает с небрежно высушенными на батарее лайковыми перчатками. И оттого четко обозначились его высокие скулы, истончился нос, заострился подбородок и еще выпуклей стали верхние веки бездонных агато-

вых глаз, утративших обычный блеск.

Даже цвет лица изменился. И я убедился, что Стоян намного смуглее отца, еще сохранившего, кстати, южный летний загар.

Стоян застыл на пороге, опустив голову и не делая никакого движения нам навстречу.

Папа сам бросился к нему. И не просто схватил в охапку, а как бы «вобрал в себя».

Сам я подойти к нему побоялся, а он не взглянул на меня даже тогда, когда я тапочки ему возле ног поставил.

Есть Стоян не захотел, попросил чаю покрепче. Я намеревался было поставить чайник на огонь, но отец жестом очень выразительно дал мне понять, что мне в кухне не место.

Я, разумеется, не обиделся и отправился в Логово закрасивать на контурной карте сопредельные с Россией государства в разные цвета. Но не успел я выкрасить и половины Казахстана в ядовито зеленый цвет, как в дверь позвонили.

На пороге стоял дядя Сурэн, брат папиного однокурсника Мисака Мартиросяна.

Мисака этого я видел всего несколько раз и, откровенно говоря, о новых встречах не мечтаю.

В последний его приезд у меня был Левка. Когда он ушел, этот доктор биологических наук сказал мне совершенно серьезно:

–Знаешь, почему твой друг такой пучеглазый?

–???

—Потому что, если закроет глаза, то у него другое отверстие откроется и лишний воздух выйдет.

Я вначале онемел, потом покраснел, как помидор, потом скрылся в Логове и объявил отцу, что этого его однокурсника никогда в жизни видеть не захочу.

Папа хмыкнул, но ничего не ответил.

Другое дело дядя Сурэн.

Он работает в Вильнюсе на телецентре и все время летает во все концы света, часто опускаясь с небес в наш дом.

Шарообразный, как колобок, с такой же круглой лысой головой, которая была приставлена к длинному мясистому носу.

Дядя Сурэн появлялся у нас и исчезал совершенно неожиданно с целым ворохом подарков и, по его словам, исключительно для душевного разговора. Ночевать он никогда не оставался, но засиживался допоздна.

Я любил потом рассматривать экзотические бутылки не менее редких вин. Маленькую бутылочку из-под Божоле я хранил у себя под кроватью, чтобы держать рядом с собой, когда перечитываю Дюма.

А еще лично мне он привозит шоколад: израильский с физиономиями Симпсонов, маленькие квадратики молочного шоколада с родины Пуаро, и горькие твердые плитки французского, которым, по словам дяди Сурэна, лакомятся даже Парижские топ-модели.

Отец до поры до времени весьма снисходительно взирал

на эти индивидуальные подношения. Но после того как в возрасте шести лет я сожрал ломоть чешского шоколада, который отрубил от полуметровой плитки специальным топориком, и тут же покрылся крапивными волдырями, на сладости был введен строгий «таможенный контроль». Впрочем, у нас с дядей Сурэном быстро появились навыки заправских контрабандистов, и поток шоколада всех национальностей не иссякал.

Вот и сейчас излучающий радость дядя Сурэн перешагнул порог, одной рукой прижал меня к своему упругому, как футбольный мяч, животу, а другой ловко засунул за ворот рубахи заветный прямоугольник. При этом он успел громко чмокнуть меня в макушку.

Раздевшись и пригладив кудри вокруг ярко сияющей лысины, дядя Сурэн увидел отражение пижонской куртки Стояна.

-О! Как удачно, что Стоян не на дежурстве! Я ведь, дружок мой, хочу всех вас на дачу к другу отвезти. Он, кстати, и папин да-а-вний знакомый, – сказал и быстро направился на кухню, уловив своим чутким носом аромат свежезаваренного чая.

Я удержал его, потянув за рукав.

–Дядя Сурэн! Дядя Сурэн! Только вы не удивляйтесь, что Стоян...ну...не такой, как всегда. У него мамы не стало. Он неделю, как из Иркутска приехал, а к нам вот только сегодня

пришел. И на работе не был...

Гость наш остолбенел.

–Что?! Что ты сказал, мальчик? – и рухнул на табуретку у зеркала. – Выходит я сейчас тот незванный армянин, который «хуже татарина»?!

Он уперся ладонями в раздвинутые колени и наклонил голову. Но это продолжалось очень недолго. Несколько тяжелых вздохов и дядя Сурэн на ногах.

–Ладно! Иди, иди, мой сладкий, я сам разберусь. Может, это даже и к лучшему, что я в такой момент появился.

Я поплелся в Логово, завалился на ковер и врубил «Бутусова + deadушки».

Мне не читалось, не думалось и, вообще, было как-то паршиво.

Слушал «Муху и лапоть», «Кошек», «Э.Л.И.З.О.Б.А.Р.А.Т.О.Р.Р» и вертелся на полу. Вспоминал, что Стояна эти песни забавляют, а папа, как услышит, только брови поднимет и тотчас скроется за звуконепроницаемой кабинетной стеной.

Ну, и, конечно, мысль о том, что же там происходит в кухне, меня не покидала.

Когда папа заглянул ко мне, я чеканил мешочек с солью, которым обычно прогревали мой простуженный нос. Он перехватил мешочек в воздухе и положил его на полку.

–Надень свитер, мы едем за город.

Как назло, я забыл, куда сунул этот несчастный свитер.

Перерыл всю комнату и только, когда отец пришел за мной уже в куртке и ботинках, меня осенило, что я снял его еще в школьной «парилке» и сунул в рюкзак.

–Ты готов? – спросил папа немного неторопливо, но совсем не сердито.

–Па, а зачем?

–Нужно присмотреть за каким-то видеоматериалом из Вильнюса. До воскресенья. Это в Жуковке. Ну, давай, поторапливайся!

–И Стоян поедет?

–Поедет, поедет! Идем!

В прихожей уже никого не было. Мы не стали вызывать лифт и побежали вниз по лестнице. Когда отец щелкал ключом в нашем почтовом ящике, я только-только начинал спускаться со второго этажа. И что это я одними ботинками расту!

BMW, который дядя Сурэн водил по доверенности какого-то родственника из своей армянской диаспоры, стоял во дворе у самого подъезда.

Папа сел впереди, а я забрался на заднее сидение, покрытое чем-то ворсистым и раскрашенным под шкуру леопарда. Там, привалившись к противоположной дверце, уже сидел Стоян. Я не посмел придвинуться к нему и тоже всю дорогу просидел, прилипнув к дверным ручкам. Единственное движение, которое позволил себе – это положил подбородок на переднее сидение и прижался лицом к папиной спине. Он

оглянулся, но ничего не сказал, только отклонился немного назад.

Ехали мы недолго и почти все время молча. Иногда дядя Сурэн и отец тихо переговаривались о какой-то Вильнюсской провокации на телецентре.

Отец спросил меня:

–А ты помнишь, как к нам привозили маленькую девочку из Литвы – Лонеду? Ты ей на картинке показывал «нехорошего человека», а она тыкала в него пальчиком и говорила: «Неззоров», «Неззоров».

Они с дядей Сурэном рассмеялись, а я ответил, что ничего такого не помню. Потом мы опять ехали в тишине, а я сидел и думал, как это так получается, что дядя Сурэн и по-русски, и по-литовски говорит с армянским акцентом, хотя именно этого языка он совсем не знает. Зато знает все литовские наречия. Литва хоть и небольшая страна, но в каждой области говорят по-своему. Они как-то сразу определяют, кто из Вильнюса, кто из Мажейкяя. Вот мой папа, когда говорит «лаба диена», «лабас ритас», «кос дангус миелинас» – произносит все по – ауштанктейски, потому что это диалект Вильнюса, где он часто бывал и даже жил в юности.

Дачный поселок, куда мы приехали, я знал. Когда я был маленьким, мы гостили здесь у дедушкиных друзей – академиков. Однажды их внук Кеша сказал мне по секрету, что рядом с их дачей музыкант "Распопович" (я так запомнил) прятал писателя "Сансаича", который бежал из тюрьмы.

Я папе ничего не рассказал, но за малиной на соседнюю дачу лазить перестал. Кто его знает, кого там мог еще прятать этот самый музыкант.

Теперь поселок охранялся амбалами в пятнистых комбинезонах. Папа недоуменно посмотрел на дядю Сурэна и спросил:

–Зачем тебе мы, если здесь эта...как ее... Бэта.

–Альфа! Профессор! «Альфа», ты хочешь сказать. Нет, это просто пьяная банда вневедомственной охраны. Их-то я и опасуюсь.

Дома в поселке были построены по одному проекту, покрашены только в разные цвета, и потому я сразу же понял, что мои взрослые «обустраиваются» внизу или на шикарной веранде, а меня засунут на второй этаж в маленькую комнатку. И хорошо, если там есть телик. Я же так спешил, что никакой книги с собой не взял. Что мне, спать что ли ложиться. Не гулять же по лесу в темноте.

Остановились у высокого крыльца. Я открыл дверцу и сразу же увидел наверху свет.

–Дядя Сурэн! Там есть кто-то!

–Ю-р-о-чка! Это светомаскировка. Супранте?

Крыльцо было под навесом, но косой дождик, который начал накрапывать во время нашей поездки, добрался до нижних ступенек покрытых сусальным золотом нежных иголок осыпающихся лиственниц.

Первым поднялся дядя Сурэн, осторожно и мягко касаясь

досок изящными лакированными туфлями. За ним, перешагивая через ступеньку, легко взлетел на крыльцо отец. Стоян выпал из машины, не вынимая рук из карманов куртки, локтем захлопнул дверцу и, по-медвежьи сутулясь, стал подниматься за ними, поскользнулся, вывернулся, не выдернув рук, и потопал выше.

В доме было жарко.

–Истопник перестарался, – бросил на ходу дядя Сурэн.

В комнатах на первом этаже был бардак. Везде сдвинутая вместе и накрытая какой-то дерюгой мебель, корзины с хозяйственной дребеденью. Я растерянно огляделся. Просто сарай какой-то, только теплый. Дядя Сурэн перехватил мой взгляд.

–Испугался, да? Сейчас скажем волшебное слово Хрюши и Степашки. Как там они со своим Рахат Лукумычем говорят? А? Сим-силабим?

Он быстро подошел к двери на веранду, распахнул ее театральным жестом и включил свет. И мы увидели огромный овальный стол, накрытый белой крахмальной скатертью. Вокруг него стояли плетеные стулья с высокими спинками. Даже не стулья, а кресла с подлокотниками. И перед каждым одна над другой сказочно расписанные цветами тарелки из тонкого фарфора, изящные приборы, а в центре – бутылки экзотических форм, салатницы, всего и не разглядишь сразу.

Я только рот от изумления открыл и так с раскрытым и плюхнулся на здоровенную софу сбоку от стола.

На веранде было не так жарко, как в доме, но теплее, чем в нашей городской квартире.

–Раздевайтесь, мальчики, раздевайтесь и расслаживайтесь. Я сейчас электрокамин включу. А жарко станет – дверь на лестницу откроем.

Мы стали стаскивать с себя куртки. Дядя Сурэн собрал их в охапку и куда-то унес.

Потом вернулся, держа в каждой руке по большой тарелке.

–Прошу внимания! Давно обещанные цеппелины и копченый угорь!

Я с вами немного посижу и исчезну, а вы наслаждайтесь, отдыхайте и дышите лесным воздухом до завтрашнего вечера. Тебе, Рома и Юрочке я наверху постелил. А для тебя, Стоян, белье здесь на софу положу.

Мы сели за стол.

–Сурэн, это ведь Володин дом, да? Разве ему оставили дачу после всех перемен?

–Да, по особому распоряжению, как последнему потомку правительственных бакинцев. Но, кажется, скоро отберут в пользу «новых».

Странно, Рома, ты с Мисаком проучился пять лет, и он не знал, что мы с тобой знакомы и при этом давным-давно. Сколько тебе было, когда ты с отцом сюда приезжал? Шестнадцать?

–Пятнадцать. А Мартиросьянов, кстати, у нас на курсе

двое были, и Гурген, не в пример Мисаку, был на тебя похож гораздо больше. Может, и он твой родственник?

—Чтоб ты знал, Ромочка, все армяне родственники, тем более однофамильцы. Как евреи.

Ну, давайте, наливайте себе коньяк. Это мне из Еревана передали. А потом будем пить вино. Я просто удивляюсь, что почти на всех застольях и здесь, и в Вильно все делают наоборот: начинают с вина, а потом напиваются водкой. Ну, и я с вами рюмочку выпью, хотя давно уже присоединился к тому поколению, которое выбирает «Pepsi». К тому же за мной заедут, так что в трубочку дышать не придется.

Но прежде воздадим должное закускам!

И дядя Сурэн стал раскладывать по нашим тарелкам всякие кушанья с такими объяснениями, что это и как готовится, будто мы были участниками «Смака». При этом он успевал предаваться разнообразным воспоминаниям.

—Рома, ты помнишь Полину Семеновну? Жемчужину? Да? Я боялся смотреть на ее пляшущие руки. А этот, который пенсне в девяносто лет снял, ее муж. Вячеслав Михайлович Молотов. Второй человек после Сталина. Я с ним в Ленинку на электричке как-то ехал, и там молоденький такой милиционер папку его при мне проверял, листик за листиком. А ведь он что-то там писал по утрам, а сестра Полины вечером перепечатывала. Не помнишь, как звали сестру?

—Сара Михайловна, а писал он воспоминания...

—...о том, чего не было...— досказал дядя Сурэн.

Стоян нависал над полной тарелкой, поставив локти на стол и уткнувшись подбородком в сплетенные пальцы. Молча.

Дядя Сурэн вдруг оборвал себя на полуслове. Потом взял в руки рюмку с коньяком, встал и долго молчал. Я даже подумал, что он вот так постоит- постоит и сядет. Но тут дядю Сурэна как прорвало.

—Стоян, мальчик мой! Я всем сердцем с тобой! Когда не стало моей мамы, я вдруг почувствовал себя беспомощным младенцем на ладони Господа.

Давай выпьем за твою маму. Пусть земля ей будет пухом, потому что без мамы мы все сироты, даже такие седые и старые, как я.

Опустела рюмка папы, и Стоян выпил все до капли. А дядя Сурэн все еще стоял, наклонившись над своим бокалом, с таким видом, как будто это было не вместилище для коньяка, а хрустальная урна с прахом.

Я с детства усвоил урок отца: не поднимать фужер с водой после тоста взрослых. Потому, несмотря на то, что очень хотелось пить, я терпеливо ожидал, пока дядя Сурэн поставит свой бокал на стол. Едва дождался. Вначале все ели молча. Потом завязался негромкий разговор между отцом и дядей Сурэном. И тогда я принялся утолять свой вечерний, а по словам доктора Дагмарова, "поросячий", голод. Метко замечено, надо признать. Я и сам удивляюсь, но в последнее

время, независимо от того, сколько и чего я съел днем, если не наемся вечером, то не усну. Никогда раньше такого не было. Поэтому я усердно работал вилкой и ножом, не очень прислушиваясь к тому, о чем шла речь. Отмечал только, что разговор вертелся вокруг Вильнюсских новостей. Впрочем, дядя Сурэн часто говорил не Вильнюс, а Вильно.

Потом что-то заставило меня наострить уши.

... Чулпан Хаматова хорошая девочка, органичная, – это дядя Сурэн.

–И ансамбль, на мой взгляд, сложился... – это отец.

–А декорации! Это парение машины над сценой!

–Гм... Перестарались, по-моему.

–А Юре понравилось?

–Спроси у него

– Юрочка, тебе Ремарк на сцене понравился?

Я, не жуя, протолкнул в себя изрядный кусок картофельного цеппелина и сипло выдавил из себя:

–Ничего спектакль, только длинный очень.

Папа хмыкнул, и уголки его рта чуть дрогнули.

–Что? Что?! – закричал дядя Сурэн. – Лучше бы я не спрашивал. И это ответ мальчика из интеллигентной семьи!

Я пожал плечами и стал вдумчиво заглатывать клейкую картофельную колбаску.

Ел и вспоминал, как мы пришли летом после спектакля (кстати, последнего в прошлом сезоне), а дома нас ждал Стоян со своим бывшим коллегой по Скорой и дюжиной пивных

бутылок.

–Понравилось?

–Очень!

–А кто больше всего?

И только я собрался открыть рот, как меня опередил коллега Стояна.

–Девочки в кабаке ему понравились, – сказал он и гнусно так захихикал.

Дядя Сурэн, конечно, такого себе не позволит, но взрослый – он и есть взрослый. Такую паутину из вопросов сплетет, что не выпутаешься. И ни к чему, что ты, дурак, не скажешь «в муках откровения», серьезно не отнесется. Тут либо молчать нужно, либо сказать что-нибудь дебильное для отвязки. При отце лучше молчать.

Пауза затягивалась. Дядя Сурэн по-прежнему не спускал с меня удивленного взгляда. Я не выдержал и пожал плечами.

Он истолковал этот жест по-своему.

–Шутишь, да? Я же уверен, что тебе понравилось!

А сейчас, мальчики, я нарушу свой обет не пить больше одной рюмки. Вот

...смотрите...я наливаю себе коньяк еще раз, чтобы, как самозванный тамада, предложить тост. За вас!

Когда мне удастся убежать к вам хотя бы на несколько вечеров в году из этого проклятого мира хищников с его жаждой наживы и ложными кумирами, я просто счастлив. Я как

будто возвращаюсь в свою молодость, когда мы отбивали шаг по улицам старого Вильно, высвистывая «Колонель буги». Это же был конец пятидесятых. Мы казались себе Ремарковским потерянным поколением, которое объединяло великое чувство товарищества. Немного циники, немного вертопрахи, а вообще – чистой воды романтики.

За вас, мальчики! За Вильно моей юности, где и сейчас живет мое сердце!

Дядя Сурэн поставил на стол пустую рюмку, но есть не стал, а продолжал говорить.

–Если бы не мама, отец выдернул бы меня из Вильнюса, как морковку из грядки, и пересадил в свой обетованный город из розового туфа. По-своему он тоже был романтик, только с военно-националистическим уклоном.

Рано ушел на военную пенсию и увез всех в Ереван. Всех, кроме меня, потому что я уже зацепился за пединститут. Правда, не очень крепко. Впрочем, не это было главным. Отец оставил меня в покое, потому что мама сказала: «Не ломай жизнь моему мальчику!» Не «нашему», а «моему»! Чего ей это стоило, тихой армянской женщине! Она же Мухинское из-за него бросила. Скиталась с тремя детьми по гарнизонам. До Вильнюса у нас и квартиры своей не было, все углы, углы... И отец присутствовал там в основном ...на фотографии. Она подрабатывала везде, где могла: уборщицей, гардеробщицей, коробки какие-то клеила на дому. Но в гарнизоне ее знали, прежде всего, как добрую фею Ново-

годних маскарадов. Она сама шила детям костюмы, не только своим, я имею в виду, а всем! Мы были Петрушками, Домино, Арлекинами... И Снегурочка у нас была не подружка Санта-Клауса, а та, что сгорела от любви к Лелю, и Лель тоже был. И еще она ставила с нами какие-то театральные сценки. Я так ею гордился, а она гордилась мной. Я был ее самым неутомимым помощником. А, если выдавалась свободная минутка, мы читали вслух Раффи, и она говорила мне: «Мой Самвэл!»

И писала цветы. Только цветы! Нежные луговые ирисы, ветви цветущей черемухи в напольных глиняных горшках, жасмин, источающий сияние неземной чистоты.

Когда мы приехали в Вильнюс, мне было пятнадцать, и я сказал себе: «Стоп! Это мой город!» И мама это поняла.

Меня знала вся школа, где учились поляки, русские, евреи и такое нацменьшинство, как я. Для литовцев были гимназии.

Так вот, меня знали, потому что я пел шлягеры под гитару и под форменный школьный пиджак надевал сшитые мамой рубахи с какими-то Байроновскими воротниками.

Я был счастлив и даже не заметил, что с седьмого класса перестал расти. И представьте, никто никогда не решился сказать мне в юности, что я

просто-напросто коротышка с громким голосом. А, может, я просто этого не слышал? Я ведь по-прежнему чувствовал себя маминым принцем.

Потому, когда вся семья уехала в Армению, я еще какое-то время пел соловьем и мечтал о «Щуке», «Щепке» и всем таком... И вдруг сорвал голос и обнаружил, что сценической внешности у меня никакой и никакого желания стать учителем истории.

Вот парадокс! Мисак пошел в маму и всю ее высокорослую родню, а я – в отца! Маленький, круглый и ...лысый!

Но знаете, я не стал ненавидеть ни себя, ни все человечество!

Я стал делать для других то, что делала для меня моя мамочка, и что мне безумно нравилось: устраивал Новогодние маскарады, капустники в каких-то клубах и народных театрах и, в конце концов, попал на телевидение. И опять никто не смеялся над моим ростом и моей лысиной. Их как бы не замечали. Сейчас говорят, что это харизма. Но это не мой диагноз.

–И часто ты виделся с родными? – спросил отец.

–Несколько раз за все эти годы.

Когда бывал в Москве, то все узнавал от Мисака. Он тоже рассказывал дома обо мне. Ну, что остался без образования, занимаюсь непонятно чем, что толстым стал, лысым...

Помолчали

–Приезжал редко, – продолжил дядя Сурэн, – писем не писал, но звонил часто. Если подходил отец, он сразу передавал трубку сестре. Наверное, презирал меня, как богемного

извращения. Потом подходила мама. Она просила: "Сынок, я так плохо слышу, что даже голоса твоего не узнаю. Ты напиши письмо. Марго его прочитает, и я услышу твой голос и увижу твое лицо».

И так каждый раз.

–Один твой перелет в Ереван я помню, – сказал папа.– Мы тогда только-только с Машкой поженились. Ты пообещал привезти нам из Армении что-то особенное. И привез! Длинная такая коробка, а там "винная клавиатура" – маленькие глиняные сосуды с образцами чуть ли не всех армянских вин. Ты сказал, чтобы мы отмечали этими винами дни нашего счастья. Мы и прикончили их в тот же месяц. Потому что все дни для нас были тогда счастливыми.

–Да, да... Помню. Я через Ереван в Баку летел. Шоумен задрипанный! Я увидел маму совсем седой, истаявшей и так испугался, что забыл, какая она была до отъезда!

Я был у них три дня. Я сидел у маминых ног, я целовал ей руки, я пел с ней "Голубку", как в детстве. Отец просто из себя выходил от злости, потому что, кроме мамы, я никого не замечал, даже новых своих племянниц.

И вот это – все добро, что она получила от меня. Когда мама умирала, у них даже адреса не оказалось, куда мне можно было бы сообщить об этом. Тогда они

дозвонились соседке, и она сказала:

–Сурэнос isskristi i Evropas. Это звучало как " Пустили Дуньку в Европу". Папа и Стоян сидели, откинувшись на

спинки стульев, я что-то заглывал беззвучно, как удав. Все молчали. Дядя Сурэн сидел, выпрямившись, положив руки на подлокотники. Глаза его были закрыты. Наконец он продолжил.

—Когда мы встретились, отец сказал: "Видеть тебя не хочу!" Я понял это совершенно буквально и с кладбища поехал в аэропорт.

А через месяц мне с оказией предали пакет из Еревана. Адрес на нем был подписан рукой отца. По-литовски.

В пакете был мой портрет, написанный мамой к моему шестнадцатилетию. Единственный написанный ею портрет. Никогда не поверите! У меня там волосы, как у этой... коммунистки из Америки. Ромас, ты должен помнить... мулатку с овечьим личиком. Оно еще было вставлено в шарик из курчавых волос. Прямо Чупа-Чупс с перманентом! Анджела Дэвис!

На портрете я сидел, положив руки на стол, как на парту, и смеялся, показывая все свои тридцать два зуба, которых теперь тоже нет... как и волос. Хотел бы я знать, куда они все уходят?!

Рядом со мной в кувшине стояли ветки махровой сирени с мокрыми после дождя листьями.

Когда я смотрю на этот портрет, я ощущаю себя этим мальчиком. Я сбрасываю с себя прожитые годы, как изношенную одежду, и мне кажется, что вся жизнь впереди.

Дядя Сурэн замолчал, и вдруг стало слышно, как мышинной лапкой скребется о стекло веранды, дотянувшийся до него подсыхающий березовый листик.

Стоян сидел, по-прежнему откинувшись на спинку стула и положив концы пальцев на края столешницы.

Вдруг он выпрямился, нагнул свою кудрявую голову и, вытянув вперед руки со сжатыми кулаками, стал похож на академика Павлова с картины художника Нестерова в трехцветной печати издательства "Просвещение". Только рядом с энергично сжатой пятерней доктора Дагмарова стоял не горшок с белыми звездочками цветов, а бутылка "Гжелки" с дозатором.

Я не видел глаз Стояна, поскольку смотрел на него сбоку, зато мне хорошо было видно, какие изменения претерпевало в эти минуты лицо дяди Сурэна. Когда он окончил свою исповедь, обычно веселые выпуклые глаза его были полны слез. Настолько полны что, казалось, именно от этого нижние веки его повисли на щеках мешками.

Но вот он взглянул на Стояна и изменился в лице, как будто на нем была пластиковая маска из ужастиков.

Глаза высохли, лицо вытянулось. Теперь дядя Сурэн с его длинным крючковатым носом стал похож на удивленную птицу, высматривающую зорким глазом что-то поразившее его до оторопи.

Потом он встряхнулся. Вот так, в прямом смысле: трях-

нул головой, передернул плечами и, вдруг, как ни в чем не бывало, обратился ко мне обычным заговорщицким тоном.

–Ю-у-рик! А ведь у меня для тебя есть сюрприз! Давай-ка, наведаемся в кухню.

Я вышел за ним, как-то механически передвигая ноги. У меня было ощущение, будто я и дядя Сурэн две подвижные марионетки на фоне стоп-кадра, потому что ни отец, ни Стоян не проронили ни звука и не пошевелились. И только, когда я переступал порог, что-то звякнуло и опять стало тихо.

В кухне дядя Сурэн сел верхом на стул, сложил руки на его спинке и уперся в них подбородком.

–Представь, berniukas, капля никотина убивает лошадь, а лишняя рюмка алкоголя может погубить репутацию Сурэна Мартиросяна.

Не буяню, не засыпаю, а токую, как тетерев. Теряю слух на собеседника! А для моей профессии – это гибель! Кто-то обязательно воспользуется этой слабостью. А болтун, известно, – находка для врагов и несчастье для друзей...

Ой, Юрочка, а ведь я опять токую!

Так за чем же мы сюда пришли?

Он встал со стула.

–Во-от за чем!

Дядя Сурэн вынул из холодильника мое любимое мороженое "Серебряный дождь" и бутылку Pepsi.

–Держи, mano zuikis! Можешь подняться наверх. Я там устроил постель папе и тебе. Кстати, телевизор посмотришь,

журналы полистаешь, если скучно станет. Иди, развлекайся.

Я все взял и стал подниматься по лестнице вверх, когда дядя Сурэн спросил меня уже совсем другим, виноватым голосом:

—Юра! Если б ты мне в двух словах объяснил, что я сказал так невпопад. Посмотрел на Стояна и понял, что просто расстрелял его своим «чувство извержением».

Я растерялся.

Во-первых, жизнь Стояна вне нашего дома воспринималась мной, как кинолента, склеенная неумелым монтажником из кадровых разных жанров и стилей, к тому же не согласованных во времени.

Во-вторых, мороженое начинало подтаивать и скапывать на пол.

—Я и сам не знаю почему. Но только Стоян, наверно, думает, что его мама была совсем не такой, как у вас, и не очень его любила.

Она его маленьким у своих родителей на Украине, в Ногайске, оставила, а сама уехала в Иркутск. Они втроем там жили: его мама, отец и Пауль. Сводный брат... по отцу.

Когда отца не стало, мать с тем братом осталась. Стоян каждый год в Иркутск летает, все уговаривает маму к нему переехать... то есть уговаривал.

Ему чужие люди о смерти матери написали, когда ее давно уже похоронили.

А он ей все лекарства посылал ... Он же не знал...

Я замолчал. Дядя Сурэн ничего не ответил. Потом вздохнул и сказал, глядя куда-то в пространство:

–Да, получается как с тем евреем, которому Яхве позволил свою беду на чужую сменять. Да только своя, она своя и есть. Ею даже сердце согреть можно.

Я не ответил. Пауза затягивалась.

Наконец дядя Сурэн вскинулся и, уже не глядя на меня, сказал обычным ласковым голосом:

–Ты что? Слушаешь меня, мальчик? Не надо, иди, родной, отдыхай!

И я потопал по лестнице, оставляя на свежескрашенных ступеньках белые звездочки "Серебряного дождя".

В довольно большой комнате, названной дядей Сурэном "будуаром", кроме двух сдвинутых кроватей стоял новомодный стеклянный столик и два допотопных кресла. В углу на стуле восседал уютный "Shivaki", а на подоконнике лежало несколько глянцевого журналов: "Афиша", "MINI burda", "PLAYBOY".

Я устроился в кресле и стал без удовольствия поглощать свое размороженное мороженое.

На душе у меня было как-то неудобно. Случись такая поездка год назад – вот был бы кайф!

Дом в лесу, взрослым до меня дела нет, ешь мороженое и смотри по ящику, что и сколько хочешь: и "Секретные материалы", и "Семейку Адамсов", и "Формулу – 1" после по-

луночи.

А теперь...

После Меатиды мне часто снится, что я сижу на гигантских качелях. Хочу спрыгнуть, но они приходят в движение: вверх – и дух захватывает, вниз – и душа в пятки уходит.

Наяву все точно так же происходит.

После отъезда папы в Питер кошмары какие-то мучили, тоска. Месяц целый.

Потом он вернулся, и я от радости голову потерял, приревновал его к приезжим родственникам.

Из дому убежал... на одну ночь... к Бобу в соседний подъезд. И вот только – только успокоился, Стоян смотрит мимо меня, как будто не было меня в его жизни и нет!

Мне сейчас очень хотелось сидеть с ними третьим. То есть мне хотелось, чтобы это нужно было Стойко. Запутался совсем..." И думал он, что думаю, что думал он ..."

Вот прицепилось! Еще ко-о-гда мне Стоян по рефлексии объяснял, а стихи эти все в голове крутятся и крутятся!

Ну, ладно! Вернемся опять к нашим ба., я хочу сказать "к новой песне о старом".

Теперь, похоже, я ревную Стояна к папе! Или наоборот? Я хочу быть нужным им обоим!

Они ведь могут хоть целую ночь промолчать, сидя плечом к плечу, а потом окажется, что это был "мужской разговор".

Так они сидели, когда Асюта ушла от Стояна. Я, конечно, тогда много не понимал. Все-таки одиннадцать лет – это

совершенно другой возраст. Но я хорошо помню, как утром увидел Стояна спящим в одежде на диване отца. А папа, закутанный в плед, дремал, сидя у него в ногах, как воин команч.

В то время мне было ужасно любопытно узнать, если они выпьют всю водку, которую принес Стоян, будут ли они бить посуду, как Борькин отец. Мне даже очень этого хотелось, чтобы появился повод ночевать у Боба, как он у меня.

Вот был дурак!

К полуночи агент Малдер остался у пришельцев, а у меня появилась потребность прогуляться.

Дядя Сурэн говорил что-то о биотуалете, но, откровенно говоря, мне не очень хотелось им пользоваться. И я решил, так сказать, подышать свежим воздухом.

Дверь с веранды на лестницу была приоткрыта.

—... и я не мог читать про всех этих Гуинпленов! Я сразу же чувствовал на себе их лица!

Как если бы они маской прирастали к моей коже!

—Господи! У вас что, не было зеркала?!

—А я что, смотрел на себя своими глазами или глазами девочек, которые писали мне записки?

Рома, милый, мама не хотела, чтобы я жил с ней! Мама от меня отказалась!

Может и Аська от меня ушла, потому что рядом с ней я чувствовал себя неуверенным неуклюжим уродом, который не нужен был даже матери.

Я одолел последнюю ступеньку и нырнул в кусты. Вышел оттуда, исхлестанный мокрыми ветками.

Дождь был еще теплым. Значит, утром можно было бы собирать грибы... свинушки какие-нибудь.

А разговор на веранде продолжался.

–Да никаких воспитательных целей! – донесся голос отца. – Я примитивно боюсь. Как аборигены. Понимаю, что глупо, но ничего не могу с собой поделывать. Когда моих не стало одного за другим, я думал, какое счастье, что со мной Машка и Юрка. Вот так, прямо, как идиот, твердил про себя: "Как хорошо, что Машка рядом. Какое счастье!"

И все! Нет Маши. Юрка от меня не отцепляется, а я от страха даже смотреть на него не могу... Такое чувство, будто вишу над бездной, за ветку уцепившись, и глаз не поднимаю: боюсь, что этим нарушу равновесие – и все. С этого и пошло.

–Но теперь-то уже "прошло"! А ты, по-прежнему дома, как в скафандре. Он же пугается этой твоей закрытости.

Я замер, потом потихоньку подошел к веранде и прислонился к мокрым доскам.

–Ладно, согласен. Но ты так же справедливо попытайся разобраться со своей проблемой. При чем тут любила или не любила тебя мать?! Детский сад какой-то. Она могла держать тебя на юге, потому что ты тяжело болел. Чуть ли не чахоткой. Ты же сам об этом говорил.

–Да не было у меня туберкулеза! Я специально карточку из архива запрашивал. Бронходенит был. Залечили. А у отца была форма туберкулеза, неопасная для окружающих.

Скажу по-правде, меня удивляло, что и Стоян, и отец говорили совершенно трезвыми голосами. И еще я понимал, что стоять и подслушивать их разговор с моей стороны было свинством. Но устоять от соблазна я не мог. Потому что они каждый день только и делают, что вдвоем всю мою жизнь как рентгеном просвечивают. А у самих сплошные "Секретные материалы" местного значения. Уверен, что завтра они будут вести себя со мной как два Штирлица с одним Шелленбергом. А про Стояна я узнаю, что у него просто прорезался тридцать третий зуб.

–Стоян, а почему отца – южного человека, болгарина, занесло на Север?

–Его же подростком в Германию угоняли. После этого ему только и оставалось, что завербоваться в Сибирь. Хорошо еще, что вечернюю школу дали закончить. Там, кстати, мама преподавала. Вот они и познакомились.

Он математик был феноменальный и... стихи неплохие писал. Классический вариант: " Она его за муки полюбила, а он ее..."

–А про туберкулез – это правда?

–Да... – вяло ответил Стоян. – У отца была редкая форма туберкулеза. Всю жизнь страдал от внутренних инфильтратов.

—А сын его, он уже в Иркутск приехал? Я в Ногайске ничего о нем не слышал.

—Приехал... Паша-Пауль... из лагеря, где мать его умерла. Отцу было шестнадцать, а матери Паши на десять лет больше, когда он родился. Отца после освобождения из концлагеря домой отправили, а ее — в Сибирь.. Потом как-то списались они...

Да, ты думаешь, почему он скрывал от меня мамину смерть? Сразу и необразишь.

Он собирался полгода ждать, чтобы я на их собственность не претендовал. У них же квартира и коробочка ржавая на колесах.

Убогий он и есть убогий! Маме жалко его было. Говорила, пусть хоть у Бориных внуков детство будет нормальным. А мне, значит, нужно было ради этого стать сиротой при живых родителях.

—Давай, поплачь еще! Я-то знаю, каким ты принцем в Обиточном жил.

—Вот-вот! Очень я с тех пор сочувствую королевским отпрыскам. Дед — директор школы, бабушка классный руководитель, и населения, как в одном двенадцати этажом доме.

Молчание.

—Рома, что это за дрянь такая. Пью, пью, сознательно хочу напиться и ни в какуюю.

—Да-а, не слышу от тебя ни песен украинских, ни баек де-

да Хомы. А кстати, почему ты даже пьяным по-болгарски не говоришь? Дед твой, я помню, с родственниками ни по-русски, ни по-украински не говорил. Только по-болгарски.

.-Не знаю. Школа, собственно, у нас украинская была, хотя половина учеников – болгары.

Но, главное, моя бабушка Еля. Она же была "щира украинка". І колискову мені співала, і про Івасика-Тэлэсыка розповідала. Я потом в России, знаешь, с каким трудом избавлялся от "х" вместо "г" и "акадэмий" разных. Ну, и назло отцу, конечно. Помню, он мне по-болгарски, а я ему – по-украински. Совершенно сознательно. И это в четыре года.

–Я бы на месте твоего отца...

–Ты пойми, я не просто сердился на него. Я его не-на-видел! За то, что увозил от меня маму. Теперь я понимаю, он был несчастный, больной и очень одаренный человек. Он же заочно два института окончил. И для того парня хорошим отцом был. А при мне, когда приезжал с мамой в Обиточное, все молчал и глаза отводил.

Дед терпеть его не мог. Не называл никак или говорил "этот". А бабушка Еля, та всех жалела: и маму, и меня, и папу с сыном Паулем. Говорила мне: "Не суди его, он просто боится, что вернутся те времена, когда сын за отца отвечал. Он тебя от своей судьбы отрезал, потому что любит. Этого умом не понять, только сердцем".

А у меня, Рома, так сердца на это и не хватило.

А знаешь, что я чаще всего вспоминаю.

Летний вечер. Бабушка сидит на крыльчке, а я набегаюсь, приткнувшись рядом и голову ей на колени положу. Она станет репьяхи из волос выбирать, а потом гладит по голове, гладит. Я и задремлю. Дед крякнет с досады, но пожалеет и отнесет сонного в дом. Бабушка разденет, укроет и станет петь. То "Тече вода з під явора", то "Ніч така місячна..." Я знаю, что это бабушка, но сам думаю, заставляю себя думать: "Это мама моя, ма-а- ма..."

Тут Стоян как-то всхлипнул, а я очнулся и стал тихо, но быстро подниматься на второй этаж.

Проснулся я около шести. Папы рядом не было. Вышел на лестницу и услышал голоса. Спустился к веранде, где по-прежнему горел свет, и папа со Стояном вели странный разговор теперь уже пьяными голосами. Просто диалог из «Алисы в Стране Чудес».

– Мальчики мои, мои мальчики, – растягивая слова, говорил отец, пытаюсь дотянуться ладонью до головы Стояна, уютно погруженной в колодезь из согнутых в локтях рук.

При каждом таком движении отец терял равновесие и вынужден был искать опору в спинке стоящего рядом стула.

Внезапно Стоян резко выпрямился и, удивленно моргая сонными глазами, спросил:

– Разве у нас два мальчика?

Я заглянул было в дверной проем, но тут же сдал назад и все последующее воспринимал только на слух.

Стоян: "Если ты имеешь ввиду моего... будущего... то я тебе тысячу раз говорил, что у меня будут только девочки"

Отец: "Ну, это не всегда зависит..."

Стоян: "Знаю... да... но в таких случаях я буду поступать как Зевс. Но мне неприятно упоминать об этом..."

Отец: (после паузы) "...Понимаю. Но ты уверен, что так делал именно Зевс?"

Стоян: "У меня золотая медаль..."

Отец: "У нас их две, но твоя свежее...(пауза). Я имею в виду память».

Стоян: "Но ты – профессор, а я окончил только одри... одре... нет..эту орденатуру.

Впрочем, ордена у меня тоже нет".

Отец: "Спасибо. Тогда, я думаю, это был Крон.

Но тебе это не грозит. Крон делал это только с младенцами, а ты уже вышел... Нет, вышел Юра, а ты – здесь.

Стоян: "Так это меня, так это я – второй мальчик?"

Отец: "Ну да!"

Стоян: "Я догадывался, что ты склонен меня идеализировать, но не до такой же степени!"

Раздался звук отодвигаемого стула.

Отец: "Мне кажется, теперь, когда поставлены все точки над і... Ты не имеешь ничего против этого?»

Стоян: "Против чего? "

Отец: " Я имею виду кириллицу".

Стоян (по слогам): " И ме-фо-ди-е вицу! Нет! Не имею".

Отец: "Тогда пойдем спать. Я к Юлику. А ты оставайся здесь, как говорил Сурэн."

Я взлетел по лестнице наверх и юркнул в постель. Поймал себя на этом слове и фыркнул: " Юра – юркнул." Но тут же зажал себе рот. Впрочем, напрасно. Отец вошел в комнату намного позже меня, сел на вторую кровать, придвинутую к моей, и зажег настольную лампу.

Судя по звукам, он успел снять и забросить на спинку кровати свою одежду, когда послышалось шлепанье босых ног, и раздался голос Стояна.

–Рома, можно я с вами? Не могу там один.

–Ну! Подвинь Юрку на середину и ложись.

Я не стал дожидаться, когда меня будут двигать, и перекатился сам.

Стоян нащупал рукой свободный край и рухнул.

–Ром! Свет выключи!

Отец щелкнул выключателем и направился к окну открывать фрамугу.

Спать в коньячно-водочных ароматах с моим-то носом?!

Воспользовавшись моментом, я скатился с кровати на пол и выполз на лестницу.

Спать я устроился на веранде, уверенный, что исчезновение "одного из мальчиков" отец до утра не заметит.

Проснулся я поздно.

Открыл глаза и сразу увидел папу, который стоял застегнутый на все пуговицы и почему-то с мокрыми волосами.

–Гм... Доброе утро.

–Доброе утро, па.

–А когда это вы со Стояном поменялись местами?

–Не помню. Спроси у него. А можно мне еще полежать?

–Лежи... лежи...

Я повернулся лицом к стене.

Отец подошел к столу, что-то звякнуло, а потом легкие папины шаги слышались за дверью.

Если бы отец велел мне вставать, я бы точно повалился с полчасика. А сейчас мне, наоборот, захотелось подняться. Назло себе я полежал несколько минут, спустил ноги на пол, вспомнил, что оставил одежду наверху и опять залез под одеяло. Мало ли на что нарвешься, если заявишься непрошеным. Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо.

Я имею в виду Стойко.

Спать я, вроде бы, не хотел, но когда закрыл глаза, мысли мои стали путаться. Они походили на клубки разноцветной пряжи в плетеной корзинке моей кузины Марго.

Когда я пробовал закончить какую-нибудь мысль, она, как нитка, цеплялась за другую, безнадежно путалась и схватывалась узелками.

О чем я думал ночью, когда топал вверх по лестнице? Ну

что у меня за память! Вот у Гени память! Он целую книгу о Древнем Востоке написал. Восемьсот страниц. А я прочитал ее, как Писюк, который шрифт текста на дискете не понимает. Вообще живу, как амнезированный.

Папа все время спрашивает: "Ты помнишь маму, ты помнишь?"

Я повернулся на другой бок и вдруг заплакал. Отчего? Не знаю. Все так странно было в эту ночь. Стоян и дядя Сурэн плакали от детских обид. Папа чего-то боялся, а потом был пьяным и болтал какие-то глупости.

И почему Илья сказал в Миатиде:

–С папой хорошо, а с мамой было бы лучше.

Откуда мне знать, как было бы!

До- ста- ло! Поплыл! ДО-МИ-СОЛЬ! Нет" ДОСТАЛЬ!

Позади меня с грозно поднятой дирижерской палочкой стоит Аза Марковна Досталь!

–Мещерский, опять не в ноту со всеми!

И толкает меня палочкой!

Ужасная палочка... дрянь... палка какая-то!

Вижу лист нотной тетрадки и на нем... хвостатые ноты на английском языке!

О, my papa

To me he was so wonderful

О, my papa

To me he was so good.

No one could be

So gentle and so lovable
O, my papa,
He always understood...

НЕ НАДО МЕНЯ ТРОГАТЬ !
ЭТО Я КРИЧУ!
Я ПЕРВЫЙ РАЗ КРИЧУ " МАМА"!

Открываю глаза. Надо мной склонился Стоян с красными,
как
у кролика глазами.
–Старик, – просительно говорит он, держа в охапке мою
одежду. – Махнемся не глядя.

Цепная реакция

Наконец в последних числах января грянули морозы, а с ним пришли снегопады и метели. И хотя в тот злополучный день я не только прослушал прогноз погоды по "Эху", но и посмотрел на термометр за окном своей комнаты, все равно помчался в школу, как всегда, без ненавистного шарфа. Я не переношу, если чтонибудь сжимает мне шею, и потому никогда не застегиваю верхних пуговиц на рубашках, а шарф, который заставляет меня носить отец, постоянно стаскиваю с себя на улице и запихиваю в рюкзак. Стоян, кстати, тоже не любит тугие воротники, а галстуки называет удавками. А вот у отца все пуговицы застегнуты и коллекция шарфов, начало которой было положено еще в студенческие годы, в шкафу не скучает. Зато шапок он не носит. Я в этом году тоже попытался пофорсить без шапки, но такую взбучку получил, что теперь натягиваю ее до самых плеч. И все, видите ли, из-за того, что у меня "гланды", и я болел фолликулярной ангиной! Болел! Один раз! В пятом классе! Правда, долго...

Увидав, что на улице мороз под двадцать, а мой шарф мирно дремлет на вешалке, отец рассвирепел и принес его в школу.

Там он остановил какого-то дебила и попросил его позвать меня. Дебил вместо того, чтобы просто сказать : "Мещерский, тебя ждут внизу", провозгласил:

–Мещерскому отец шарфик принес!

Я уже тогда почувствовал, что добром это не окончится.

Итак, я рванул с четвертого этажа вниз, а за мной с визгом посыпались по лестнице все наши гусыни во главе с Алиской. Отец и Стоян пользуются у нее "умопомрачительным успехом" в прямом смысле этих слов.

Это была картина!

Суровый двухметровый отец, задрапированный роскошным канадским шарфом, без слов протянул мне нечто весьма напоминающее ошейник для комнатной собачки.

–Спасибо, па! Ты прямо как МЧС! – развязно продекларировал я, вполне сознавая, что это юмор висельника. Но что было делать?! Девчонки уже окружили нас, и в глазах их явно прочитывался хищный охотничий интерес к происходящему.

Отец на мою реплику не отреагировал, только брови его поползли вверх.

Схватив злополучный шарфик, я растолкал девиц и рванул наверх. И все-таки им удалось нагнать меня на площадке четвертого этажа у актового зала.

–Мещерский! Ну, что же ты так?! Поговорил бы с отцом подольше! И повезло же тебе с твоими взрослыми! Живешь в окружении секс-символов. У меня бы точно развился Эдипов комплекс.

–Так это у тебя, – прогудела начитанная Карташева. – Мещерский же не может жениться на мужчине.

Вот с этих слов и началась цепная реакция неприятностей.

–А че не может? Голубым можно.

Это сказал Жбанов из седьмого параллельного – жуткий прыщавый тип, похожий на борца сумо.

Сказал и загоготал, разинув пасть, в которой могли бы поместиться не тридцать два, а все шестьдесят четыре зуба. Возле Жбана крутилось несколько парней из его класса и какие-то старшеклассники. Наших рядом не оказалось, а заткнуть пасть этому черноротому нужно было срочно.

Конечно, хорошо было бы иметь Левкин рост и Борькины кулаки, но характер тоже вещь не последняя. Потому, не секунды не медля, я процедил сквозь зубы:

–Брысь, недоумок! – и пошел прямо на него.

Но это не подействовало.

–Гы-гы-гы! И свитерок у него голубой! – захохотал Жбан и стал двумя руками толкать меня в грудь.

Как я ни старался удержаться на месте – не удалось. Повалился спиной на стоящих позади меня девчонок. Раздался визг. Кто-то оступился на лестнице, закрипели перила.

–Жбанов, придурок, ты поубиваешь нас всех! – заорала Алиска.

Тогда его кореша стали заталкивать нас с ним в актальный зал, отрезая от девчонок. И не успел я глазом моргнуть, как мой противник стал валить меня на пол. Но я изловчился, ухватился за спинку кресла и потому, сделав рывок, сумел выскользнуть из-под его туши. От неожиданности он ткнул-

ся мордой о паркет, а я воспользовался моментом, сел ему на спину и заломил руку. Он завопил. Приятели его не вмешивались. Один из них придерживал дверь, а другой топтался рядом.

–Посмей только гавкнуть на меня еще раз... – сказал я, подтягивая его руку повыше.

–Ах ты... (тут Жбан стал выражаться на том языке, который по телику заменяют звуковыми сигналами). Хрен с тобой! Отпускай!

И тут я потерял бдительность и слишком низко наклонил голову. Мой противник изогнулся и ударил меня башкой в лицо. Я отпустил его и тут же почувствовал еще один удар в зубы чем-то твердым. Боб уверял меня, что это был вентиль, который надевают на пальцы, как кастет. Но я ничего такого в руках Жбана не заметил.

Так или иначе, но рот мой сразу же заполнился кровью. Я стал на колени и закрыл лицо руками.

Не знаю, чем бы все закончилось, но дверь распахнулась, и в зал ввалилась толпа во главе с Борькой и Алиской.

В арьергарде, кривя ноги на высоченных шпильках, спешила наша классная и вопила без перерыва:

–Сейчас же прекратите! Сейчас же прекратите! Сейчас же...

Борька и Адик Кац потащили меня в туалет, где я подставил лицо под струю воды. Девчонки передали зеркальце, и оказалось, что губы с одной стороны здорово разбиты. По-

том я засунул пальцы в рот и понял, что четвертый верхний зуб слева раскололся. Кусок его – острый узкий край – я просто отодрал от десны. Опять хлынула кровь, и пришлось долго полоскать рот холодной водой.

Когда отец вернулся домой, я сидел за столом у себя в Логове и прилежно учил уроки.

–Ю-ра! – позвал он. – Ужинать будешь?

–Спасибо! Нет! – бодро откликнулся, слегка повернув голову вправо.

–Ну, может, чаю выпьешь?

–Нет, па, спасибо.

Откровенно говоря, у меня во рту так все болело, что я и думать о еде не мог.

Холодный чай и то пил, наклонив голову к правому плечу.

Отец немного задержался в дверях, а потом вдруг сказал иронично:

–Ну, и долго ты чувствовал себя героем?

Я сначала не врубился, о чем это он, и даже подумал, что кто-то рассказал ему о драке. Потом пришел в себя и скромно оставил вопрос без ответа. Отец хмыкнул и отправился на кухню. А я остался пялиться в учебник и думать, ну как объяснить ему, что нельзя со всякими шарфиками и прочей дребеденью внедряться в мою школьную жизнь. Впрочем, все это бессмысленно. Взрослый, будь он хоть трижды профессор, этого не поймет, потому что взрослые и мы живем в разных мирах. Как люди и дельфины.

Что сделали бы Левкина мама, Борькин отец и мои взрослые, если бы услышали, на каком языке мы общаемся в школе?! Или увидали, как мы устраиваем перекуры в школьном дворе и "соображаем бутылку пива на троих"?!

Левкина мать так точно перевела бы сыночка в другую школу.

Борькин батя, умудренный своим ПТУ-шным отрочеством, свернул бы сыну шею. В целях профилактики, так сказать.

На понимание своих взрослых мне тоже рассчитывать не приходилось. Представьте личную жизнь Приама под неусыпным надзором двух Менторов! Врать, может, и не станешь, но скрытничать – это уж точно. Впрочем, не знаю как, но чип кое-какой ответственности перед ними во мне прижился. И если меня заносит не туда, я все-таки соображаю, что сбился с курса и самостоятельно меняю галс. Но разве докажешь им это? Один будет молчать с драматическим подтекстом, в результате чего захочешь сам себя высечь, как унтер-офицерская вдова, а защищаясь от другого, придется держать круговую оборону в самом прямом смысле каждым днем все сильнее. Отец беспокоило присматривался ко мне, спрашивал, все ли у меня в порядке. Я жаловался, что много задают на дом, болит голова и вообще скорее бы каникулы. Он выслушивал мои объяснения с недоверием, но ничего не говорил. Стоял находился "в свободном полете" и расколоть меня было некому.

В пятницу на втором уроке я почувствовал, что с моей левой щекой что-то происходит, она стала раздуваться и неметь. Первым это заметил мой тайный друг и покровитель Вячеслав Борисович («Айболит»), который в тот день дежурил по школе.

–Юра! Что у тебя с лицом? Свинка у тебя была, может зуб болит? А ну подойди сюда.

Я подошел. Он взял меня за подбородок.

–Так! Срочно к стоматологу. Давай позвоним домой.

–Не надо, Вячеслав Борисович! Я сам!

–Самому не получится. У тебя, милый, классический флюс и, похоже, температура уже поднялась. Тут раздумывать не приходится.

Помолчал. Вынул для чего-то из кармана большой клетчатый платок, посмотрел на него задумчиво, переложил в другой карман и решительно заявил:

–Ладно! Собирайся, вместе пойдем.

Детская поликлиника была далеко, и Айболит повез меня в Стоматологический институт. Щека моя становилась все толще и толще. Когда я сидел у кабинета хирурга, мне казалось, что из моего рта вот-вот выпадет теннисный мячик.

Почти полчаса ушло на ожидание рентгена, потому что маленькая девочка передо мной никак не хотела засунуть в рот бумажку с пленкой.

И когда я, наконец, залез на высокое зубоврачебное кресло, мне было так паршиво, что я почти не почувствовал бо-

ли от уколов, которые равнодушный толстый парень сделал мне в десну. Выдернув остатки зуба с ужасным хрустом, он, не глядя, кинул их на металлический поддон. После этого мрачно сказал: "Не ешь два часа", – и уселся спиной ко мне за письменный стол, заваленный какими-то папками.

Вячеслав Борисович отвел меня домой и велел сейчас же сообщить обо всем отцу. Не очень прислушиваясь к его словам, я кивал головой сверху вниз. Мне хотелось одного – поскорее добраться до кровати, на которую я рухнул, не раздеваясь, едва захлопнулась входная дверь.

Отец разбудил меня часов в шесть. Мудрый Айболит, даже не догадываясь, что покачивая головой, я подражал болгарской манере Стойко говорить "нет", сам позвонил папе, так что рассказывать ничего не пришлось.

Щека моя, между тем, продолжала раздуваться. К утру на виске вздулось нечто вроде небольшой сливы, и что-то повисло под челюстью. Отец звонил по всевозможным телефонам в поисках доктора Дагмарова. Тот явился на следующий день. Быстро осмотрел меня, велел нам с папой одеваться и выходить на улицу, а сам побежал ловить машину.

Стоян привез нас в тот же институт, где мне вырывали зуб. Была суббота, потому центральный вход был закрыт. Пришлось сигналить у ворот и входить со двора. Стоян долго вел нас пустыми коридорами и, наконец, привел к кабинету Скорой помощи.

–Роман, раздевай Юрку и ждите меня.

От папиных рук одновременно исходило и успокоительное тепло, и пугающее меня волнение. В животе у меня стало холодно от страха.

Стоян нырнул в кабинет, пробыл там довольно долго, потом выскочил, схватил меня, как котенка, за шею и без церемоний впихнул внутрь. Там, за дверью, меня ожидал высокий румяный молодой человек в белом халате и шапочке, похожий на Керубино в роли эскулапа. Из-за его плеча выглядывала миловидная медсестра, которая помогла мне второй раз за сутки забраться на пыточное кресло под бормашиной.

Влад (так Стоян назвал врача) стал осматривать мой плохо открывающийся рот при помощи круглого зеркальца на длинной ручке. Я почему-то подумал, что так подводные капитаны рассматривают врага через перископ.

– Ну что? – с тревогой в голосе спросил Стоян. – Резать будешь?

– Угу, – промычал Керубино и стал рыться в лоточке среди своих инструментов.

Мне захотелось тотчас же вывалиться с этого ужасного кресла-кровати и бежать. Я дернулся.

– Ты что? – Стоян придержал меня рукой. – Забыл, ЧТО украшает мужчину? Шрамы, милый, шрамы!

– Что вы такое говорите, Стоян Борисович! – возмутилась сестра. – Не стыдно вам мальчика пугать? Ему же надрезы *изнутри* сделают!

–Мальчика?! Мальчика я пугаю?! Это чудовище, а не мальчик. Пять дней назад я оставил его с двадцатью восемью зубами, каждого из которых я знал в лицо. А сейчас этот крысеныш не хочет рассказывать, почему вчера из него вытащили пол-зуба. Спрашивается, а где другая половина? А?!. Сыно-ок, я *тебя спрашиваю?!*

"Сынок" в устах Стояна прозвучало весьма зловеще, почти как армейское обращение "деда" к "молодому". Потому я на минуту забыл о предстоящей экзекуции, а когда вспомнил, Керубино уже опрыскивал мне рот каким-то спреем.

Я закрыл глаза и вцепился в подлокотники.

" Вж-ж-ик"! Как будто провели остро отточенным карандашом по линейке.

–Терпи, терпи, заяц, – мурлыкал врач. – Сейчас дренажик вставлю.

Я застонал и скосил глаза, пытаясь увидеть Стояна и понять, о чем, собственно, речь.

Но доктор Дагмаров стоял спиной ко мне и, опершись о стол руками, внимательно рассматривал какие-то бумажки под стеклом. На мой призывный стон он и ухом не повел. Зато ко мне склонилась медсестра Леночка:

–Потерпи, потерпи еще немного! Больно не будет!

Врач что-то набрал в шприц без иглы и промыл разрез. Потом затолкал туда какие-то веревочки.

–Все! Молодец! Закрой рот и отдыхай! Стоян, позови Льва Ефимовича, пусть посмотрит.

Через несколько минут Стоян вернулся со щуплым пожилым человеком, лицо которого походило на резиновую маску, натянутую наспех, отчего вся она осталась в разнообразных складках. Они пошептались о чем-то с Керубино, а затем этот очень серьезный человек приказным тоном предложил мне открыть рот.

– Поставь еще один, повыше, – сказал он и бросил в лоток зеркальце с ловкостью и энергией циркового метателя ножей.

Керубино поставил, после чего все вышли в смежную комнату, а я расслабился.

–Кланяйся, благодари и дуй к отцу в коридор! – сказал спустя несколько минут Стойко, выглядывая из дверей.

Отец сидел, откинувшись на спинку кресла, подняв голову и скрестив руки на груди. С соседних сидений живописно свисали на пол разнообразные составляющие нашей верхней одежды. При виде меня и Стояна он вскочил. Лицо у него было спокойное, только очень бледное.

–Так. Сидите и ждите меня. Гладиатора придется госпитализировать.

Роман, что с тобой?! Может, нашатырчику? Бери пример со своего цветущего наследника!

Я правда чувствовал, что весь горю.

В палату отца не пустили. Это была очень большая ком-

ната с двумя, как объяснил Стоян, ортопедическими кроватями, похожими на изделия из гигантского металлического конструктора. Он велел мне раздеться до футболки и засунул под одеяло.

—Итак, спартанец! Вы очутились в палате для "блатных" и "новых". Это местные "президентские апартаменты", так сказать. Потому ведите себя прилично, без соплей и воплей. Понятно говорю?

Я огляделся. Рядом с кроватью стояла какая-то железная рогатая палка. На рога были надеты бутылки с жидкостью и наброшено нечто смахивающее на длинную прозрачную макаронину. У палки возились медсестра, которую Стоян назвал Оксаной, и молодой скелетоподобный врач с печальными глазами и бровями домиком.

—Стоян, это капельница?

—Поводок, чтобы не сбежал! Капельница, капельница...

Я замолчал, закрыл глаза и даже голову к стене повернул, чтобы не спросить ничего лишнего. Стоян ведь так может ответить, что со стыда сгоришь перед девушкой. А она между тем взяла мою левую руку и стала похлопывать по локтевому изгибу, а потом кисть поворачивать из стороны в сторону.

—Господи, вены какие тоненькие. Пойду другую иглу возьму.

Представляя, как стальное острие вот-вот будет впиваться в мое тело, я стал тихо обмирать от страха, стараясь не привлекать к себе внимание доктора Дагмарова.

В это время послышалось звонкое цоканье каблучков, дверь распахнулась, и в палату впорхнула крошечная женщина в белых брюках и короткой белоснежной куртке с маленьким голубым платком вокруг шеи. ореол серебряных волос окружал лукавое лицо Шамаханской царицы. Огромные восточные глаза. Зеленые. Ресницы до бровей и на выпуклом подбородке решительная складка дугой.

На всех сестрах и врачах была такая же одежда, но на них она смотрелась больничной униформой, а не ней, как костюм от кутюрье. И еще! Вместе с ней в комнату ворвалось дыхание моря! Мой нестандартный нос явно улавливал сложную композицию ароматов, в которой осязаемая на губах горечь морской соли была густо замешана на йодистом запахе водорослей.

–Стоян! Сердце мое! Какими судьбами?

Стоян встрепенулся и, оторвавшись от созерцания синих прожилок на моих тощих руках, бросился ей навстречу.

–На-та- ля-а! – пропел он, широко раскинув руки, как будто собирался схватить ее в объятия. – Здравствуй, царица души моей!

Крохотная женщина быстро отскочила в сторону и звонко рассмеялась.

–Нахал! Ты как меня называешь?! Забыл, как зачет мне пересдавал?! Молоко еще на губах не обсохло, а туда же! Ты что, не слышал, что я на пенсии?

Стоян картинно опустил на одно колено, ловко ухватил

маленькую ручку с коротко остриженными ногтями и прижался к ней губами.

–Признаю! Учили Вы меня недоросля, Наталия Ибрагимовна, учили, и ныне коленопреклоненно благодарю Вас за то. Однако...

Тут он встал и, нависая над ней, иронично провозгласил: –...остальное – великолепный образец дамского кокетства. Какая пенсия?! Какие Ваши годы?! "Ветка в листьях и цветах" ...

–Ветка, ветка... Сучок! Особенно в начальственных глазах. Ладно. Это твой мальчик? Ты же как будто холостяк?

–Холостяк. А мальчик – мой наполовину. Отец его (кстати, профессор биолог) у твоего кабинета сидит.

–Да? Высокий, на Янковского похож? Жалко... Я думала, он с острой болью. Такой бледный. Хотела сама им заняться. Ну, поверишь, в последнее время не попадают стоящие мужики в мои руки и все тут. То бабы истеричные приходят, то "новые русские" детей с молочными зубами стали сюда приволакивать. Это мне! После тридцати лет работы в стационаре!

А ты помнишь, Стоян, это же была знаменитая тринадцатая палата.

–Антиквариат твой? Как не помнить? Особенно алкаша-академика, которого весь Физтех разыскивал. Ты ему мандибулу под местным наркозом в человеческий вид приводила, а он умудрялся матом чревовещать!

—А Гиви-красавчика?

—"Дэвушка, аромат тваей красоты сильней наркоз". Как же такое забыть. Послушай, а кому ты, стоя на табуретке, говорила: "С Атановой так говорить нельзя!" и скальпелем размахивала?

—Это был Человек-гора из правительственной охраны. Он требовал "настоящего хирурга", а меня отсылал сам понимаешь куда. Потом розы присылал на каждый праздник по числу дней, проведенных в стационаре.

—А твой... что с ним?

—Забудь!

Они помолчали недолго.

—Ладно, займемся мальчиком. Влад сказал, что Лева его смотрел и там все в порядке. А капельницу ты ему расписал?

—Распишу.

—Добавь гентомицин четыре раза и холод местно. Помнишь как?

—Помню. Полчаса и час перерыв.

—Правильно. Учти, больше трех дней мы его здесь не продержим. Ты же знаешь Ишимова: он сюда дамочек хозрасчетных укладывает. Это просто чудо, что мы для тебя койку отстояли. А на вторую я, пользуясь случаем, своего больного положу. Не бойся, спокойный дядечка. Галкин свекр. Помнишь Галку-беленькую, кастеляншу? У тебя вот только пол мальчика, а у нее уже три целых. Ну все. Мне на дежурство пора.

Она подошла ко мне, положила прохладную ладонь на лоб.

–Как звать тебя, рыбка моя?

–Ю-у-ра...

–Юрасик-карасик. Температура у тебя, милый. Но ничего, не смертельно. С таким дядькой пройдешь все огни и воды и жив останешься. Не ленись, держи лед у щеки, сколько положено, я пойду сейчас вниз, отца твоего успокою. Как его звать?

–Роман Ильич.

–Стоян, зайдешь ко мне с картой. Я сегодня на сутки.

Она помахала ему рукой, потом засунула кулачки в карманы и исчезла за дверью.

В это время Оксана уже приготовилась использовать по назначению новую иглу. Большие серые глаза ее были очень серьезны, лицо – строгим, но при этом она ласково называла меня "зайчиком", "котенком" и даже "ласточкой". То тут, то там она пережимала мне руку дурно пахнувшим резиновым шлангом и заставляла сжимать и разжимать кулак. Наконец не выдержала и жалобно позвала:

–Стоян Борисович! Подойдите сюда, пожалуйста. Вены очень тоненькие и ходят туда-сюда. Боюсь проткнуть.

–Ладно. Давай я сам.

–Может, катетер поставить, чтобы завтра не мучить?

–Обойдется.

Подошел, еще раз протер мою руку ваткой со спиртом и

с размаху воткнул в нее иглу с таким видом, как будто проделывал это на бесчувственном бревне. Молча закрепил ее пластырем и сказал Оксане ележным голосом:

–Оксана, радость моя, я там все расписал, сделав поправку на его цыплячий вес. Но метрогил давай в полном объеме.

–Может, вы посидите здесь немного, Стоян Борисович? А то мне еще две капельницы ставить.

–Посижу. Ты только лоток мне оставь, мало ли что.

Он покрутил колесико на макаронине и стал считать капли.

–Стоян, что такое метрогил?

–Дезинфектор... Трихопол...

–Трихопол?! Но ты же его тете Клаве приносил, когда у Дезькиного щенка болел живот!

–Святая истина. Это лучшее средство для лечения кутят.

Я надулся и повернул голову к стене, но лежать неподвижно на спине было очень неудобно.

–Стоян! Папа придет сюда?

–Придет! Придет! – он уже оставил капельницу в покое и теперь пытался аккуратно завернуть в полотенце круглую грелку со льдом, похожую на детский берет с помпоном.

–А где он сейчас?

–Беседует... наверное... с Натальей Ибрагимовной.

–Так долго? Обо мне?

–Еще чего! О прыще таком! У них один общий конек –

наука. Держи лед!

–Какая наука?

–Господи! И была же возможность воспользоваться моментом и зашить тебе рот!

–А разве папа понимает что-нибудь в зубах?

–Что значит "понимает в зубах"? Прямо, как о лошадях! Ты хоть знаешь, в каком отделении лежишь?

–Не-е-е.

–В отделении челюстно-лицевой хирургии. Представляешь, какая здесь требуется ювелирная работа? А Наталья Ибрагимовна была здесь ведущим хирургом.

–Но она же такая маленькая!

–Да, маленькая, зато хирург – большой.

–А наука?

–Что "наука"? У Натальи диссертация о новом методе лечения воспалений, а Роман физиолог. Ну, куда, куда ты лед прикладываешь?!

–Какой новый метод?

–Такой, который только что на носу у тебя лежал.

–Ледяной?

–Лечение холодом. Успокоился?

–Долго они будут это обсуждать?

–Откуда я знаю. У нее в диссертации собрано двадцать определений процесса воспаления. Тут главное, чтобы они на семнадцатом не застряли. Там, где говорится о воспалении как о двигателе эволюции.

–Революции?!

–Все! Молчи! На тебя учение об эволюции не распространяется!

–Ну что ты злишься?! Здесь холодильник рычит, как бульдозер. Я и не расслышал.

–Кстати, когда капельницу уберут, а я уйду, сам будешь брать лед из морозилки. Я тебе свои часы оставлю, жабеныш щекастый.

–И книжку какую-нибудь!

–Еще чего! Об этом пусть отец позаботится. Ты еще телевизор попроси из дома притащить.

–А тот, что здесь, разве не работает?

–Это приманка, вроде блесны.

–Для кого?

–Не-е-т! Сейчас попрошу Оксану вколоть мне димедрол, а то у меня крапивница от твоих вопросов появляется!

Я обиделся и замолчал.

Холодильник выключился, и стало тихо.

Первым нарушил молчание Стойко. Он вытащил иглу из одной бутылки и воткнул ее в другую. Потом приволок к кровати стул, уселся на него и вдруг заявил:

–Нуте-с, Юрий Романович! Самое время снять с вас признательные показания. "Колись", друг мой, как это тебе удалось сломать зуб?

Я криво улыбнулся. Очень криво.

–Шарфик... – сказал я и тут же почувствовал, что меня

мутит.

–Стоян, меня тошнит!

–"Спокойствие, только спокойствие!" Дыши глубоко и медленно. Давай вместе вдо-ох, вы-ы-ыдох...

Он слегка приподнял мне голову и поставил на грудь лоток, похожий на дольку ореха кешью.

–Ну, как?

–Лучше.

–Тебе действительно нехорошо, или ты так уходишь от ответа? Каким это шарфиком ты бредишь?

–Не мучай меня, Стойко! И вообще, имею я право на личную жизнь или нет?

–Зуб даю... имеешь! – засмеялся мой следователь и переставил лоток на тумбочку.

“Деды” пришли ...

У многих ребят в нашем классе были роликовые коньки. И не первый год. Но я им не завидовал. Свободного от занятий времени после музыкалки у меня было мало. И если удавалось выкроить часок-другой, то я гонял на велике или играл с ребятами в футбол.

Но когда Борьке на день рождения подарили роликовые коньки со всеми там наколенниками и прочими прибабамба-сами, мне тоже захотелось иметь такие.

– Па! – сказал я в какой-то благополучный вечер, когда особых грехов за мной не числилось ни в школе, ни дома. – Па! Купи мне роликовые коньки. Пожалуйста!

Отец, погруженный в какие-то расчеты, поднял голову и посмотрел на меня безо всякого выражения. Просто прореагировал на звук.

– Роликовые коньки, па! Купишь? У всех в классе есть, и Борьке подарили.

Выражение лица у папы изменилось, и я понял, что наконец услышан. Более того. Мне показалось, что сейчас он согласно кивнет головой.

Но тут из гостиной раздался голос Стояна, моего вечного оппонента

– Никаких коньков! – заявил он безапелляционно. – Не хватало еще, чтобы у него появился “привычный вывих”.

У меня от такой несправедливости даже слезы на глаза навернулись.

– Какой еще “привычный”? У меня только один раз был вывих, а те два раза я просто связки растягивал.

– Заплачь еще! Свя-а-зки!

Кроме вывиха у тебя был подвывих, ну и один раз действительно, растяжение связок. Этого вполне достаточно, чтобы запретить тебе коньки и прыжки твои чемпионские, по крайней мере на год.

Я и вправду был чемпионом школы по прыжкам в высоту. И вывихи-подвывихи эти на соревнованиях и заработал.

– Ну, вот тебе и резолюция: купим через год, – вынес решение отец.

Я ничего не ответил, развернулся покруче и весь вечер просидел в своей комнате. И если до этого я о коньках почти не думал, то сейчас мне казалось, что ничего я не хочу так сильно, как иметь ролики и гонять на них вместе с Бобом.

Надежды иметь свои коньки после ответа отца у меня не оставалось. И тогда я решил учиться ездить на чужих. Назло Стояну.

В ближайшие дни я уже перемерил ботинки всех своих приятелей, включая, естественно, и Боба. Но у всех ноги были, по крайней мере, номера на два больше моих.

Итак, я перемерил все ботинки и ужасно расстроился. А Борька вдруг говорит:

– Юрик! Давай я Катькины коньки тебе притащу. Похоже,

они поменьше моих.

Катерина – Борькина сестра – старше нас на шесть лет, но, все равно, то, что у нас с ней может быть одинаковый размер обуви, было неприятно. Впрочем, выбирать не приходилось.

К своему “выезду” я готовился как Джеймс Бонд. Одел под джинсы спортивные брюки, а у Боба одолжил старую куртку. На всякий случай он дал мне и свой шлем, но я примерил его и снял. Ходишь, как с кастрюлей на голове.

Кататься на ровном месте было нетрудно, и дня через четыре мы отправились в парк на ролло-дром. Там были устроены горки всякие и, конечно, рампа. Пока я отрабатывал торможение и повороты, Борька пытался одолеть подъем на рампе. Некоторые парни так лихо по ней раскатывали вверх-вниз, что я никак не мог понять, почему у Борьки ничего не выходит.

В конце концов это так меня задело, что я решил попробовать сам. Ну и... ссадил все, что можно: ладони и руки на запястьях, колени и даже подбородком приложился.

Парень, который поднял меня за ворот и стащил на землю, только и сказал:

– Дебил! Сообразил влезть на рампу с тормозами на заднице!

Тут только до меня дошло, что на Борькиных коньках тормозов не было и ролики были пошире. Боб потом объяснил мне, что у него коньки для “агрессивного катания”, а у Катьки – обычные.

Ну, дома я треники быстренько так сунул в бак для грязного белья, а куртку Боб в чулан спрятал у себя дома. Да с ней ничего такого и не случилось, просто на груди испачкалась.

Все свои ссадины я грамотно промыл перекисью и прикрыл одеждой. Походка у меня, конечно, была немного странная из-за разбитых коленей. Но я старался не очень-то расхаживать на глазах у отца и вечером не вылезал из-за стола, рисуя якобы какую-то карту по истории. Ну, а о подбородке сказал, что меня на физре мячом съездили.

Утром я встал пораньше, сварил отцу кофе и приготовил бутерброды ему, себе и Стояну, если забежит. Пораньше – это чтобы не очень мелькали на виду мои стертые ладошки.

Два дня прошли спокойно. Отец ведь не очень обращает внимание на то, как я одет, почему раньше встал или долго сижу за уроками. Он очень чутко реагирует только на мое настроение. И тут важно все – и интонация, с которой говоришь, и как смотришь, и даже как ешь.

Это не тетя Клава, Борькина мать. Ей, по-моему, главное, чтобы Боб в ботинках в комнату не зашел, грязные носки на пол не бросил и рубаху не разорвал.

Борька ей:

– Ма! Меня на пятнадцать минут отпустили модель в школу принести (Борька классные самолеты собирает), – и в туфлях за порог. Так она его веником стала дубасить и даже самолет немного повредила.

– Я, – кричит, – как рабыня Изаура у вас! Только и делаю, что грязь за вами подбираю!

Я на лестнице Боба ждал, все слышал и думал: “Хорошо, что у нас дома такого не бывает”. Стоян, конечно, выезжает иногда на мне, вечно свою тарелку подсунет мне вымыть. Зато “манжо” приготовит – пальчики оближешь. После этого и кастрюли выдраишь с удовольствием, хотя там масла полбутылки.

Ну, а если бы мне пришлось вот так, как Борису, торопиться и наследить по всем комнатам, и Стоян, и отец только и сказали бы:

– Спешу медленно!

И пол бы кто-нибудь вытер без всяких комментариев. Ведь не каждый же день это случается.

И вот поскольку настроение у меня было вполне нормальным, вины за собой я не чувствовал, дома царил мир и покой.

Но тут появился доктор Дагмаров!

Может, все и обошлось бы, но, запихивая в бак с грязным бельем какую-то свою майку, он наткнулся на мои треники и, как вампир, учуял кровь по запаху.

Откровенно говоря, я про штаны эти совершенно забыл. Ведь мог бы просто выбросить!

Вытащив злополучные треники из бачка, Стоян вышел с ними в гостиную, где я смотрел по ящику очередную серию “Королевы Марго”, и прокурорским голосом спросил:

– Эт-т-то что за кровавая улика?

Внутри у меня все сжалось. Не от страха. Просто обидно стало, что так глупо попался и теперь не удастся досмотреть кино.

А была как раз та сцена, где Шико выдавал себя за брата Горэнфло и произносил речь на тайном собрании.

Мне в фильме Шико больше всех нравился. Я все не успевал его фамилию в титрах найти, то есть не его, конечно, а актера, и только сегодня выяснил – Алексей Горбунов.

Но теперь, судя по всему, посадят меня, как герцога Анжуйского, под домашний арест и так же будут высмеивать. Так что не удастся мне досмотреть последние серии.

– Ну, так что это? – повторил Стоян, подходя ближе.

Пришлось отвечать.

Вначале попытался отшутиться.

– Поскользнулся, упал, встал – колени разбиты.

– Покажи!

Я не двигался и спокойно смотрел ему в лицо, ну просто как де Бюсси на короля-Евгения Дворжецкого.

Стоян выдержал паузу, потом, сощутив свои жгучие глаза, шагнул ко мне, швырнул брюки на кресло и быстро вывернул мои руки ладонями вверх.

– На Борькиных коньках катался?

– Нет, – твердо ответил я с сознанием, что говорю чистую правду.

Стоян выключил телевизор и сел напротив. Немного по-

молчал, раздумывая.

– Ну да, Борька в моих тапочках щеголяет, твои ему малы. Значит, подружка коньки одолжила? Ну, так придется с ними распрощаться.

Я вспыхнул. Замечание Стояна прозвучало вдвойне оскорбительно. Оно затрагивало мои отношения с девочками и напоминало о моем росте. И меня понесло!..

– Ты... ты... ты со своими подружками разбирайся. А я сам решу, что делать и с подружками, и с роликами.

То, что я сказал, было ужасно и по смыслу и по тому, с какой интонацией прозвучало.

Еще год назад в каждый запрет отца или Стояна я упирался, как в китайскую стену, не допуская даже мысли о том, что через нее можно перелезть.

А вот сейчас Стоян и я почувствовали, что в отношениях между нами появилось нечто новое.

Я не просто ответил Стояну грубо. В этом я сразу же раскаялся. Главное заключалось в том, что, выслушав доводы Стояна и запрет отца, я все равно поступлю по своему, потому что мне нравится кататься на роликах, независимо от их мнения. И Стоян это понял. У него вдруг стало чужое и какое-то горькое лицо, Никогда прежде я не видел таких закрившихся от меня глаз.

Все внутри меня похолодело. Я стал догадываться, что здорово переплачиваю за свою “независимость”. Но пути назад не было. Из кабинета своей легкой летящей походкой вы-

шел отец с пустой чашкой в руке, направляясь в кухню за очередной порцией кофе. Задержался возле нас, молча сидящих у выключенного телевизора, приподнял подвижные брови:

– Все в порядке?

– Да, – поспешил с ответом Стоян и быстро включил ящик.

Отец чуть-чуть помедлил и прошел мимо. Стоян и головы не повернул в мою сторону. Я встал и пошел к себе. Меня жутко тошнило. И я испугался, что опять “укачает”, как бывало в детстве от всякого сильного волнения. Но пронесло.

Ночевать Стоян не остался. Поздно вечером в мою комнату вошел отец, присел на кровать, спросил тревожно:

– Что произошло, Юра?

Я молчал.

– Что произошло между тобой и Стояном?

– Ничего, – ответил я фальшивым голосом, отводя глаза.

Теперь мы долго молчали вдвоем. Наконец отец встал:

– Ну что ж, надеюсь, у тебя хватит сердца и ума разобраться во всем самому, если что-то все же произошло.

Стоян не показывался четыре дня. Так случалось и раньше, но сейчас я чувствовал себя как аквалангист, опустившийся на недозволенную глубину. Невыясненные отношения со Стояном невыносимо давили на каждый квадратный миллиметр моего сердца.

Мое беспокойство передалось отцу. Не дождавшись звон-

ка от Стояна, он связался с ним по больничному телефону и выяснил, что тот дежурит вторые сутки. Разговора обо мне не было.

В субботу я понял, что если не увижу Стояна, то просто “не доживу до понедельника”. Натянув куртку, я заявился к отцу в кабинет и сказал чужим голосом.

– Па, я пойду к Стояну.

До этого случая все наши ссоры и примирения со Стояном проходили на глазах у отца. И во всех случаях именно он был Третьей стороной. И как бы я ни пыжился и не убеждал себя, что принимаю решения сам, я все делал с оглядкой на отца, стараясь получить от него подсказку и заручиться поддержкой. А вот теперь, раз так решил Стоян, я не имел права перекладывать на плечи отца ни своей обиды, ни собственной вины.

Что я чувствовал?

Прежде всего, ужас от того, что Стоян может относиться ко мне с безразличием постороннего человека. Этот ужас дробился во мне на множество самых разнообразных терзаний: раскаяние, обиду, страх быть виноватым в чем-то непоправимом и еще много чего.

Я уже осознал, что если Стоян и сказал что-то не так, то беспокоился он, несомненно, обо мне, а не о себе. Я же и сказал не то, и ни о ком, кроме себя, не думал.

В общем, плохо было у меня на душе, когда я добирался через весь город в больницу, где с недавних пор работал

доктор Дагмаров.

– А что, – думал я, уже входя в больничный двор, – если то, что я сказал, как-то изменит отношение Стояна с отцом. Господи, какой я олух! Ну, сказал бы Стояну, что все равно буду кататься на коньках. И все. Так нет, ляпнул, идиот, про “подружек”!

Был конец сентября. Еще вчера было тепло, как летом, а сегодня небо стало по-осеннему низким, по нему поплыли мрачные темные облака – “деды”, как говорили на Украине, из которых мог пойти уже не теплый дождь, а град или даже снег.

К главному корпусу я добрался к тому времени, когда дежурный охранник выпроваживал последних посетителей. Я прошмыгнул внутрь, нашел таксофон и позвонил отцу. Гардеробщики проверяли номера на вешалках, им было не до меня, так что я спокойно прошел через весь холл к тому крылу, где работал Стоян.

Дежурная, пожилая шаровидная тетка, отбирающая у посетителей пропуска на вход, уже собиралась уходить. Увидев меня, она загородила собой дверь, как будто я был “бомбист”, а она – активистка движения “Вихрь-антитеррор”.

– Ты куда?! Ну-ка на выход! Еще бы ночью пришел!

– Я не к больным. Я к доктору Дагмарову.

С ней сразу же произошла та-а-кая перемена, почище превращения лягушки в царевну. Вместо Бабы-яги на меня умильно смотрела сказочно добрая хозяйка «курочки Ря-

бы».

– К Стояну Борисовичу? ” – пропела она. – А я и не знала, что у него такой...

Она не договорила, потому что из лифта выскочила девушка в белом мини-халате и завопила:

– Клавдия Семеновна! Ключ у вас? Я же просила...

– Ой, у меня, у меня, – заторопилась дежурная. И они обе исчезли в лифте.

Беспрепятственно проникнув в коридор, я быстро пробежал его до конца и повернул направо. Там в диспетчерской скучало двое: толстая сонная женщина с носом, похожим на сливу и черными волосками над верхней губой и очень тощий рыжий парень. Он ел хот-дог. При этом кадык на его длинной худой шее ходил вверх-вниз, как выносной лифт.

– Простите, – сказал я вежливо, но чуточку развязно, чтобы сразу показать, что я некоторым образом свой, – доктор Дагмаров давно не выходил на связь?

Парень тут же прекратил жевать и с готовностью ответил:

– Давно.

Не удержался, куснул бутерброд еще раз и потом продолжил:

– Был во второй травме, а потом не объявлялся. Сейчас по мульти-тону свяжусь. А что сказать?

– Ну, что Юра его ждет.

Парень пощелкал чем-то, попеременно покусывая то булочку, то сосиску.

– Не... Отключил...

– Или отключился, – внезапно сказала басом дама с усами.
Оба засмеялись.

– Ты посиди, подожди. Он сам на связь выйдет.

Я оглянулся, отыскивал глазами стулья у стены и уселся.

Куртку снял и повесил на спинку.

Минут через двадцать парень, уже проглотивший бутерброд, выглянул из окошка и бодро сказал:

– Пока не объявляется. Но должен.

В коридоре появилась какая-то пожилая медработница со стопкой папок, которые она крепко прижимала к своей плоской груди.

– Чей это мальчик? – спросила она довольно властно.

– Стояна Борисовича, – ответил парень. – Никак не свяжемся.

– А-а-а!

Эта медсособа, похожая на цаплю в очках, мне не понравилась. Она бесцеремонно оглядывала меня с ног до головы, спустив очки на кончик длинного носа.

– Не в него! – вынесла она суровый приговор. – Разве что глаза...

Я демонстративно отвернулся, но она уже перестала обращать на меня внимание и принялась разбирать принесенные бумаги вместе со своей усатой напарницей.

Ожидание затягивалось. Вообще-то я не очень торопил встречу со Стояном, но уйти, не повидав его, не мог.

Стоян появился из-за угла внезапно, ну, вот налетел, как шквал на море. В белой шапочке до бровей, с гофрированной маской на шее и в синей рабочей одежде под коротким халатом.

Скобы стетоскопа невольничьим ошейником охватывали его крепкую смуглую шею.

Я вскочил. Сердце молотком застучало в груди, и стало ужасно жарко.

Наткнувшись на меня, доктор Дагмаров отступил на шаг и обернулся к диспетчерам:

– Это еще что за “видение отрока Варфоломея”?

– Мы решили, что ваш... – неуверенно сказал тощий парень.

– Ну, связались бы, раз решили...

– Зинаида Авраамовна всем звонила: и в ординаторскую, и на мульти-тон...

– Вы что забыли, куда меня вызывали?

– Так вы все это время во второй травме были? Такой тяжелый?

– Ладно! – Стоян быстро снял со стула мою куртку, сунул мне в руки.

– А ты давай отсюда, не хватало мне ещё тебя с твоими соплями и вбплями. В охране позвонишь домой, скажешь отцу, что выехал.

Я ожидал всего, что угодно, но только не такого ледяного отчуждения и вконец растерялся.

Отпихнув меня, Стоян нагнулся к окошечку и стал что-то обсуждать с этой самой “цаплей в очках”. Слов я не разобрал, я ошалел до такой степени, что никак не мог попасть в рукава куртки. Меня опять замутило. Одевшись, я постоял немного, улучил момент, когда Стоян искоса глянул на меня покрасневшими от усталости глазами.

– Отец спрашивал... ты когда придешь?

– Отец?! У тебя, часом, не мания величия? Решил, что из-за тебя не прихожу?

Он склонил голову на бок и испытующе посмотрел на меня. От такого его взгляда я готов был провалиться сквозь землю.

– Ладно, – наконец продолжил он. – Приду, когда отдежурю за всех ординаторов.

В диспетчерской засмеялись.

– Ну, давай, давай! План по неприятностям у меня на сегодняшний день перевыполнен.

Неловко перебирая ватными ногами, я вышел в вестибюль.

За столом у дверей сидел дюжий охранник в пятнистой униформе. Вытянув длинные ноги и откинувшись на круглую спинку кресла, он листал какую-то непотребную газету с фиолетово-малиновыми картинками отдельных частей женского тела.

– Доктор Дагмаров сказал, что я могу позвонить отсюда, – невнятно сказал я.

Охранник, карикатурно похожий на Дольфа Лундрена, лениво ответил “валяй” и подвинул мне аппарат.

– Па, – пробормотал я в трубку. – Я скоро приеду.

– Хорошо, – с тревогой в голосе отозвался отец. – Стояна рядом нет?

– Нет.

– Ладно. Жду.

Я поблагодарил охранника и вышел на улицу.

В лицо ударил колючий ветер, несущий мелкую ледяную крупу. Было темно. Только под козырьком вестибюля оставался желтый оазис света.

Натянув капюшон до самых глаз, я нырнул в зябкую темноту, как пловец в полынью. Пошел к выходу, не оглядываясь, сунув сразу же замерзшие руки в карманы.

Растревоженные ветром деревья испуганно шелестели еще не опавшими листьями. Внезапно мне послышалось, что меня окликают. Я оглянулся... и увидел под козырьком Стояна.

В левой руке он держал шапочку, а правой энергично водил по волосам от затылка ко лбу.

Он всегда так делает от нетерпения.

– Юрка! Шпаненок! Беги сюда!

И я побежал. Я бежал изо всех сил, не обращая внимания на боль в подживающих ссадинах на коленках.

Он же такой... Стоян... Не вытерпит, выйдет навстречу и промокнет...

Все!

НАВСТРЕЧУ ЛАЗОРЕВОМУ ТУМАНУ

–Куда отправился отец?

–Бродить по дорогам памяти.

Впрочем, тебе этого не понять.

Ты еще существо без биографии.

(Диалоги с доктором Дагмаровым)

Автобиографические заметки молодого человека четырнадцати с половиной лет, повествующие о некоторых событиях его жизни с момента встречи с доктором С. Б. Дагмаровым.

Отдаю их на беспристрастный суд читателя, надеясь, что «смеется...» – известно кто, и «что написано пером...» – тут тоже все ясно.

С безусловным уважением к *«Почтенному возрасту»*, почтительному возрасту эскулапа. *неуч сопливый, почтенному!!!*

Юрий Мещерский.

Твой Дагмаров.

Не бойся мяча

Это сейчас я неизменная составляющая дворовой футбольной команды. Но было время, когда я панически боялся всего круглого, движущегося по воздуху или по земле мне навстречу. Ловкие парнишки моего возраста уже бегали в парке и по двору с ракетками, гоняли мяч по земле, а я не мог, как следует, ни поймать его, ни ударить по нему ногой.

Стоян, с его абсолютным чутьем на все мои слабости, быстро раскусил меня и, не теряя времени, потащил в парк давать «мастер-класс» по травяному футболу.

Мучитель мой отыскал зеленую лужайку возле летней эстрады в Сокольниках, где вечерами вечно юная мадам Преображенская усыпляла дряхлых слушателей с помощью престарелых музыкантов.

Итак, я ясно помню, как Стоян воткнул меня в траву напротив себя и почему-то аккуратно подвернул рукава своей ярко голубой клетчатой рубахи.

Громадными загорелыми руками он взял огромный волейбольный мяч и аккуратно положил его перед своими великанскими ботинками.

-Юлик! Сейчас я направлю мяч тебе, а ты отобьешь его правой ногой. Но не носком, а «щечкой».

Он нагнулся и чуть-чуть повернув ногу боком, показал,

какой стороной ботинка я должен был сразить это коричневое чудовище.

Затем я как бы отделился от самого себя и наблюдал последующие события под непонятным углом зрения. Вроде бы со стороны.

Стоян размахнулся своей похожей на ходулю ногой, мяч покотился ко мне, как пушечное ядро, и я впервые оценил мужество барона Мюнхаузена.

Но подражать ему я не стал и ловко отскочил в сторону, дав мячу скатиться вниз, прямо к скамейкам у эстрады.

Надо сказать, в тот раз Стоян проявил редкое для себя великодушие.

–Пожалуй, я ударил слишком сильно, – сказал он и сам возвратил мяч на исходную позицию.

Во второй раз круглое чудовище двигалось медленнее, устрашающе показывая мне все свои бока и хищно скалясь полу-расшитыми швами.

Как зачарованный, я ждал его до последнего мгновенья, когда столкновение казалось неизбежным. Но вовремя очнулся и ловко уступил ему дорогу.

–Ты что, спишь стоя? – возмутился Стоян. – Давай сюда мяч!

На сей раз, мне пришлось возвращать ему это жуткое орудие пытки собственноручно.

–Так, слушай внимательно! Мяча не нужно ждать. Нужно

бежать ему навстречу и бить с полным отмахом!

Вокруг нас уже собралась небольшая толпа наблюдателей. Причем у каждого была своя группа поддержки.

Возле Стояна, спрыгнув с двухколесных велосипедов, стояли выдавшие виды парнишки школьного возраста. Меня же окружали какие-то ползунки, рвущиеся на волю из цепких рук молодых мамаш и престарелых бабушек. Среди них затесалась худющая большеротая дылда на голову выше меня с реденькой «пальмой» из волос неопределенного цвета. Девочка преданно во все глаза смотрела... не на меня, а на Стояна.

Все последующие многочисленные пропущенные мячи она собственноручно находила, вручала моему учителю и возвращалась на свое место за моей спиной.

Так длилось целую вечность.

Стоян бил и бил по мячу. Я отскакивал в разные стороны или пятился назад. Мальчишки картинно валились от смеха на траву. Девочка услужливо возвращала и возвращала мяч, обтирая его грязные бока узкими ладошками. А проклятый скалящийся шар все разрушал и разрушал мое представление о себе как о смелом мальчике, друге белого индейца Сат-Ока.

– Ты будешь держать удар или нет? – заорал вышедший из себя Стоян. – Я не желаю тратить время на тупицу и труса! Пробуем последний раз и, если не получится, я подарю мяч любому ребенку, готовому смело ударить по нему ногой. Вот

хоть этому!

И он указал на какое-то существо неопределенного пола, едва держащееся на кривых ногах.

Провозгласив этот спич, Стоян, как показали последующие события, потерял бдительность настолько, что, отправив мне мяч, наклонился, чтобы смахнуть с брюк налипшие репейники.

Я же не мог смириться с возможной потерей своей собственности, хотя бы и такой бесполезной, как мяч. Потому, в порыве отчаяния, я отважно побежал навстречу мячу и двинул его правой ногой по всем правилам. И щечкой, и со всем отмахом, и не жалея сил, метко угодив тренеру в левый глаз.

Наше возвращение домой выглядело так.

Когда отец открыл дверь, он увидел меня, крепко прижимающего к груди грязный мяч.

За мной возвышался Стоян с распухшей щекой и отеком глазом. Он тычком переправил меня через порог.

–Из этого чудовища никогда не выйдет футболиста, – объявил он с горечью и раздражением.

–Да? – иронично заметил отец, отводя меня в ванную. – Глядя на тебя, этого не скажешь.

На поводке

Когда у кого-либо из моих взрослых в теплое время года случались выходные дни, мы ходили в парк.

Парк был большой, похожий на лес. Ранним утром по нему бродили сонные хозяева собак, которых таскали на поводке их разно породные питомцы.

Потом наступала очередь прогулок детей со взрослыми.

Мы ходили втроем. Велосипед и я – обязательно. Отец и Стоян – по очереди.

Мой трехколесный велосипед был не просто средством передвижения. Дружными усилиями моих взрослых он был превращен в нечто вроде современного фургона покорителей прерий Дикого Запада.

Прежде всего, они отпилили верх от канистры и соорудили весьма объемистый багажник. Стоян находчиво прожег четыре дырки в толстом пластике и приторочил багажник к металлической конструкции обрывком нейлонового шнура. Проверяя его емкость, Стоян, не долго думая, вывалил туда содержимое пакета с недельным запасом провизии, принесенным отцом. Видя это, я собрался было зареветь, предположив, что велосипед будет использоваться исключительно для перевозки продуктов питания. Но Стоян, с презрением наблюдая за моими истерическими попытками освободить багажник от пакетов молока и гирлянды сарделек, нравоучи-

тельно изрек:

–Тупица! Это же проверка на прочность и грузоподъемность!

На руле моего трехколесного чуда красовался звонок от гоночного велосипеда и зеркало дальнего вида, уж не знаю от какого средства передвижения. В случае дождя раскрывался зонт, укрепленный на самодельной спинке за седлом.

В хорошую погоду на острие зонта развевался мой личный штандарт. Это было изображение кролика в галстуке бабочкой, символ «плейбоя». Идея доктора Дагмарова, как вы понимаете.

Но и это еще не все!

На руле отец закрепил свой плоский старый фонарик, а сзади – светоотражатели.

Появление моего «Тяни – толкая» в парке стало суровым испытанием как для меня, так и для местных детей.

Вначале мне приходилось рассекать толпу любопытных владельцев «Малышей», «Дружков» и прочих стандартных велосипедов. Потом они попытались отодрать от моего экипажа особо привлекательные детали, вроде фонарика и зеркала. Но пришло время, когда к моему велосипеду привыкли. И тогда пришла пора расстраиваться мне. От недостатка внимания к своей персоне.

Прогулки с отцом выглядели так.

Впереди, гордо оглядывая окрестности с важным видом средневекового синьора, ехал я. Сзади, как на привязи, вы-

шагивал отец, на ходу читая какую-нибудь газету. Когда я собирался повернуть на боковую аллею, то звонил в звонок и наблюдал в зеркальце, как отец реагировал на мой сигнал. Если он поднимал глаза от газеты, я спокойно завершал маневр. Обычно я доводил отца до пруда, где была спортивная площадка и целая гора песка. Там он усаживался в тени на низенькой скамейке под дубом. Худой, двухметровый, с широко раздвинутыми коленями, он походил на палочника из моего любимого, «залистанного» до дыр второго тома Брема.

Я пристраивал рядом с отцом велосипед, брал оттуда все нужные игрушки и инструменты для земляных работ и отправлялся к друзьям у песочной кучи.

Когда солнце добиралось до ботинок отца, я переставал изображать гиббона на перекладине, приносил и укладывал в багажник все свое имущество и давал сигнал к отходу. Отец отрывался от чтения, улыбался и говорил :

–Ну, что, домой, командор?

И мы двигались в обратном направлении.

Но однажды мы были наказаны. Я – за излишнюю самоуверенность, отец – за беспечность.

В тот день я, как обычно, восседал на своем «Тяни – Толкае» и вдруг краем глаза заметил мальчика чуть старше себя...на двухколесном велосипеде. Он не только легко догнал, но и обогнал меня. Высунув язык, мальчик показал, что сделал это специально. Я приналег на педали и обошел его,

но ненадолго. Очень скоро мальчишка не просто обогнал меня. Сделав круг, он объехал «Тяни – Толкай» и умчался вперед, помахав рукой.

Я засопел от обиды и бросился вдогонку. Но теперь все, что составляло предмет моей гордости, мешало мне ехать быстро.

Когда мальчик повернул на Первый просек (так в парке назывались аллеи), я обрадовался. Там был довольно большой уклон, а мой тяжелый велосипед отлично разгонялся под горку. Обычно в таких случаях я ставил ноги на раму, а педали крутились сами по себе, как крылышки бумажного ветряка от ветра.

Однако теперь это мне не помогло. Доехав до конца аллеи, я увидел, что мальчик и его мама скрываются за чугунной оградой парка. А я... я... Я оказался один на длинной – предлинной темной аллее, над которой нависали ветви громадных лиственниц.

Один... Без папы...

Соскочив на землю, я развернул островок своего утерянного благополучия и безопасности и волоком потащил его вверх, обливаясь слезами. Уже на полпути до конца аллеи, я увидел отца, бегущего мне навстречу. Ни слова не говоря, он одной рукой подхватил меня, другой – велосипед и гигантскими шагами направился домой. И гладко выбритая теплая щека его нежно терлась о мою – холодную и мокрую.

Со Стояном все было по-другому.

С улыбкой Чеширского кота на охоте за мышами, он шел впереди меня, а за ним тащился я на «Тяни – Толкае». Как на веревочке.

Предусмотреть, кто и что привлечет к себе его внимание и куда он, соответственно, повернет было совершенно невозможно. Вначале он присматривался ко всем молодым женщинам, гуляющим с собаками или подругами. Через какое-то время он, как бы между прочим, кидал мне через плечо:

– Не отставай, старик!

Обычно это служило знаком того, что «пролог» окончен и начинается основная часть нашей прогулки. Стоян лихо подхватывал под руку одну или сразу две жертвы и вместе с ними кружил по безлюдным аллеям. Они громко разговаривали, часто смеялись, а я терпеливо следовал за ними на приличном расстоянии.

Наконец, Стоян сделал прощальный жест своим очередным парковым знакомым, и мы устремлялись совсем уже в лесную чащу. В укромном уголке парка Стоян находил одинокую скамейку и укладывался на ней подремать, скрестив ноги в наимоднейших ботинках и заложив руки за голову.

Ну а я пристраивался рядом и безропотно адаптировался к условиям среды, окружающей скамейку, на которой дремал доктор Дагмаров.

Я старательно прокладывал тропинки в траве для солдатиков и их боевых машин и усердно занимался земляными

работами, то есть рыл всевозможные канавки и ямки.

Если возня с игрушками надоедала или хотелось есть, я вынимал из багажника бутылку с водой и печенье. Руки я грамотно вытирал мокрыми ватными шариками, которые Стоян никогда не забывал уложить в пластиковый пакет.

Если на скамейке не оставалось места, я уютно располагался на велосипеде.

Надо сказать, как бы тихо я ни делал это, Стоян всегда просыпался и, не вставая, просил, протягивая ко мне руку:

– Дай клацик!

Это значило: «Дай кусочек». Безразлично чего.

В те годы Стоян много дежурил по ночам. постоянно недо-сыпал и был голодным.

Однажды доктор Дагмаров увлекся новой знакомой чещурой сильно. Он уселся на скамейку с грустной одинокой дамой (надо сказать, что тогда я называл ее про себя «тетка в зеленом») и там просидел с ней битый час. Незаметно для тетки Стоян делал мне знаки, чтобы я устраивался со своими игрушками где-нибудь подальше.

Я ждал-ждал, а потом подошел к ним и нахально сказал:

– Папа! Я хочу в туалет и домой.

Печальная дама ожила и с изумлением воззрилась сначала на меня, а потом на Стояна, который застыл, как громом пораженный.

– Это не мой! – завопил он, очнувшись.

– Твой! Твой! – с укоризной отвечал я, стягивая его с до-

сок.

Зеленая тетка вспорхнула со скамейки и умчалась прочь со скоростью гоночного велосипеда, а Стоян встал и еще некоторое время смотрел ей вслед. Потом поплелся за мной.

Периоды мрачного молчания и нарочито громкого шаркания подошвами об асфальт сменялись оскорбительными выкриками в мой адрес:

–Лопухий вреднюга!

–Кидала малолетний!

–Вредное насекомое!

Терпению моему пришел конец. Я затормозил ногами о землю, слез с велосипеда и сказал:

–Чур-чура, чур меня!

Все слова – на тебя!

–Как это «на тебя»! – возмутился Стоян.

–А когда в прошлый раз толстая тетка хотела тебя обнять, ты что сделал? Ты схватил меня на руки и закричал, что я твой сыночек, а дома у меня еще три братика. Я же тебе не говорил тогда никаких слов!

Стоян обескуражено молчал.

Подождав немного, я безжалостно добавил:

–Та тоже была зеленая.

Доктор Дагмаров хмыкнул, шутовски поклонился мне и развел руками:

–Ну что ж, надеюсь, счеты сведены, о, мудрейший из отроков, Юлик ибн Роман.

P.S. Теперь, много лет спустя, я с грустью думаю:

«Что, если мой младенческий каприз изменил судьбу доктора Дагмарова?»

Вот жил бы он сейчас счастливо с зеленой тетей, и было бы у них много-много зелененьких деток...»

P.P.S. Утри сопли, поганец! И не переживай! Если бы все было так, как

ты предположил, я без сантиментов скрутил бы твою цыплячью шею!

Так бы ты и ходил до сих пор – задом наперед!

Остаюсь всегда твой

Личный Бармалей – С. Дагмаров

ТАЙНА ПЯТОГО КОНТИНЕНТА

В шторм море подмывает берег. Успокоившись, откатывается, оставляя за собой маленький обрывчик, у подножья которого расстилается дорожкой узкая полоска утрамбованного волнами песка с узором из ракушек и мелких камешков.

Вода вымывает из почвы тонкие длинные корешки жестких сухих трав, которые свисают вниз затейливой ловчей сетью. Взрослые благополучно соскальзывают с обрывчика, а же постоянно попадаюсь в ее ячейки. Сетка крепко хватает меня за ноги, и я лечу вниз на ракушки, обдирая поперемен-

но то щеку, то подбородок и колени, то кожу на ладонях.

Папа спешит промыть ссадины водой и винит себя за то, что не успел вовремя схватить меня за руку. Его длинные крепкие пальцы становятся такими нежными, а голос – мягким, что я, пользуясь отцовской слабостью,

даю волю слезам. Но ненадолго. Краем глаза наблюдаю за Стояном, уже растянувшимся на подстилке. Он лежит на спине и с довольным видом дирижирует в такт моим всхлипываниям.

Я замолкаю.

–Маэстро! Пауза затягивается! – недовольно комментирует происходящее мой постоянный мучитель.

Вырываюсь из рук отца и, взобравшись на кручу, прячусь среди высокой травы, ощетинившейся пиками жестких сухих колосьев.

–Стоян! – слышу папин голос. – Ну, что ты его дразнишь. Взял бы и промыл ссадины сам. Кто из нас врач в конце концов – я или ты?

–Я в отпуске. И потом в его летА...

–Господи! Да ему еще нет «лет»!

–Ну, хорошо. В его «годы» аборигены Австралии уже умеют найти себе пропитание и спастись от жары в суровых пустынях пятого континента. А он, понимаешь, под ноги не умеет смотреть. Квохчешь тут над ним, как наседка.

Судя по звукам, отец взбирается на обрывчик, пытаюсь найти меня среди травы и колючек.

–Роман! – зовет Стоян. – Сядь и успокойся! Слезы и солнце обладают прекрасным бактерицидным эффектом. Кстати, об этом я тебе как врач напоминаю.

Долго сидеть в траве как заяц, скучно. Ссадины ноют, и приходится еще отмахиваться от слепней, которые пикируют на меня со всех сторон.

Я поднимаюсь и иду к ложбинке, по которой рыбаки стаскивают в море лодки. Там пологий удобный спуск к воде. Иду и думаю об этих...ну...о которых говорил Стоян. Я не хочу, чтобы он любил их больше, чем меня.

Теперь я готов опять реветь, уже не от боли, а от обиды.

Отец и Стоян сидят на подстилке и смотрят на белую яхту с двумя парусами, которая проплывает мимо нас к оголовку Косы. Папа сидит, вытянув ноги и опираясь на выставленные назад руки. Стоян охватил руками колени и уперся в них крепким раздвоенным подбородком. Я усаживаюсь между ними, сложив ноги калачиком.

Яхта скрывается из виду.

–Какая идиллия! – ядовито замечает Стоян. – Это становится скучным. Ни тебе кульбитов, ни рева. Придется развлекать себя самому.

И он, к моему восторгу, делает стойку на руках и «шагает» так до кромки воды.

Забыв об обиде, я с радостным визгом прыгаю рядом. Уже в воде Стоян принимает нормальное положение и с криком «привет аборигену» бросается в волны.

Навстречу лазоревому туману

Море утихло и отхлынуло от берега. Почти у самой песчаной кручи образовалась неглубокая вымоина, где осталась вода. Такое лилипутское море-озеро.

Папа отнес меня туда на руках и опустил в теплую воду. Мне было совсем не страшно, и я стал барахтаться там, как в большой ванне. Вскоре туда «запустили» еще несколько детей, как мальков в запруду. Наконец, папа сказал:

–Все. Хватит. А то сварись, как яйцо всмятку.

Какое-то время я возился под большим зонтом. Рыл ямки и закапывал в них игрушки. Несколько, похоже, зарыл навсегда. Папа сидел рядом и читал. Как всегда. И только изредка бросал на меня инспекторские взгляды.

Убедившись, что я надолго превратился в нечто подобное пескоройке, он тихо так встал и спокойно сказал:

–Юлик, пойду и я окунусь.

И не успел я поднять голову, как тихая вода уже ласкалась у отцовских ног.

Был вечер. Солнце, похожее на ярко-желтую тарелку, которой дети перебрасывались на берегу, опустилось почти к самым кустам. Вода и небо в нежных переливах розового, голубого и бирюзового цветов были неотделимы друг от друга. И мне вдруг показалось, что отец уйдет туда, как за громадную штору, и я останусь один. Осознав это, я ринулся к

берегу и через мгновение уже висел на отцовской ноге, вцепившись в нее мертвой хваткой, так что едва не свалил его в воду.

– Ты что, маленький? – участливо склонившись надо мной, сказал он, безрезультатно пытаясь оторвать меня от своего колена. – Я поплаваю немного и вернусь.

Но теперь я не только держался за него руками. Я просто вжался в него всем телом. И мой мудрый папа, помедлив немного, сдался.

– Ладно, сынок! Перебирайся ко мне на спину. Поплывем вместе. Держись за шею, но только так, чтобы я мог дышать.

Что это было? Сон или явь?

Перед нами из воды выскочила рыбка и полетела над водой, как птица. И сколько бы мне потом не объясняли, что это обычная рыбка спасалась от погони, я точно знаю – *та* была летучей. Ну, а все остальные рыбки в Азовском море просто прыгают, я согласен.

На берег мы возвращались по солнечной дорожке. По-красневшая макушка солнца теперь едва виднелась за серебряной лентой оливковой рощицы. Легкая зыбь дробила дорожку на узкие набегающие друг на друга полоски. От их мерцания у меня закружилась голова. Я закрыл глаза и прижался щекой к мокрым отцовским волосам. Воздух и вода были одинаково теплыми. И то, что мы не парили в воздухе, как большие чайки «Мартыны», а плыли, я осознавал только в те мгновения, когда легкая волна, рожденная от движения

отцовских рук, нежно перекатывалась по моим плечам...

"Казан новый"

Когда отец входил в воду со спокойно опущенными руками и чуть вскинутым подбородком, потому что смотрел всегда прямо перед собой куда-то за горизонт, я пугался. На моих глазах он исчезал среди волн и становился невидимым. Всякий раз я боялся (и боюсь до сих пор!), что море оставит его себе. Отец никогда не устает от плавания, не зябнет, не боится большой волны. Погружаясь в море, он становится как бы его частью.

Зато Стоян всякий раз перед купанием устраивает целое представление.

Если ночь с рыбаками или знакомыми курортниками (вернее курортницами) проходила благополучно, то, насильно поднятый отцом после короткого сна, он тащился за нами, досыпая на ходу. На берегу Стоян дожидался пока отец расстелет покрывало и падал на него столбиком, выставляя перед собой руки у самой земли. Пугающее зрелище!

Приземлившись, он сразу же засыпал. Проснувшись, Стоян окидывал взглядом берег и, если в пределах видимости оказывались какие-нибудь юные особы женского пола, бодро вскакивал на ноги. Теперь он всячески старался привлечь к себе внимание загорающих девиц, неподвижно лежащих на песке, как связка сушеных бычков, перевитая цветными шнурками.

Если его возгласы не пробуждали их к жизни, Стоян принимался за меня. А на мой визг, по словам папы, даже рыбы из воды высовываются.

Убедившись, что будущие жертвы его неотразимых чар восстали из дремотного забытья и глядят на него во все глаза, мой мучитель невозмутимо швырял меня на песок, как котенка. Картинно подойдя к воде, он жеманно пробовал ее то одной, то другой ногой, искоса поглядывая по сторонам глазами опытного лицедея. Потом внезапно устремлялся на глубину со скоростью скутера, оставляя за собой такой же лучеподобный пенистый след.

Одолев таким манером прибрежное мелководье, Стоян делал взмах руками и уходил в видимую даль стилем «дельфин». Теперь на берегу не оставалось никого, кто бы ни провожал его взглядом. Пляжные дивы, толстые матроны, пузатые дядьки, поджарые подростки и даже мелкие бело-розовые дети – все глядели ему вслед. Кто с восхищением, кто с любопытством, а кто и с откровенной завистью.

Что же касается отца, то передать словами, что выражало его лицо, я не берусь. Могу только сказать, что именно так отец смотрел на меня, когда я возился на песке с другими детьми.

В других случаях, принимая участие в местных разборках «исключительно как миротворец», Стоян возвращался с опухшим глазом или разбитой губой. Но главное – в отвратительном настроении. В такие дни он являлся на пляж к

полудню, когда папа пытался уволочь меня на обед. Мрачно швырнув под зонт полотенце и перекинувшись с отцом несколькими фразами, Стоян угрюмо, просто-таки обреченно опустив иссиня черную кудрявую голову, добредал до второго меляка и нырял. Уже зная и этот его фокус, я все равно замирал от страха, потому что ожидание, когда он вынырнет, было невыносимо долгим. Нервничал даже отец.

Вынырнув, Стоян переворачивался на спину и качался на волнах, как надувной матрац. Потом саженками плыл к берегу.

Отец к тому времени собирал все наши вещи и произносил, обращаясь к Стояну, странную фразу:

–Ну, пойдём, «казан новый»!

Так, по крайней мере, мне тогда казалось, потому что о Джованни Казанове я узнал много позже.

Ласточки играют

Ласточки, мелко дрожа крыльями, кружили над морем маленькой стайкой.

Вдруг я увидел, как одна из них выронила из клюва что-то белое. Я пожалел ее и подумал, что это пропал птичкин обед. Но ласточка, помедлив немного, ринулась вниз и подхватила добычу у самой воды. Не успел я порадоваться за нее, как «обед» снова выпал из ее клюва. Теперь она не стала медлить и подхватила его, едва он стал плавно улетать от нее.

Да! Не падать, а улетать!

Я не сразу разглядел и поверил, что это просто белый пушок.

В третий раз пушок стал добычей другой ласточки, которая выпустила его из клюва спустя несколько секунд и умчалась без оглядки куда-то вдоль берега.

Тогда в игру включилась третья подруга и завладела игрушкой надолго. Ее окружило несколько птичек, каждая из которых пыталась перехватить пушок первой.

Потом совсем близко от них с гордым и независимым видом пронесла свое тяжелое тело большая чайка «Мартын».

Ласточки разлетелись, а пушок плавно опустился на воду.

– Па, – сказал я. – Птички играют в мяч пушком.

– Что-что? – переспросил он, отрываясь от книги.

Но тут я увидел мальчика, который нес рыбку в прозрач-

ном пакете с водой,

побежал за ним и унес с собой свое тайное знание.

Барашки

Штормило. Дул «нерыбный» северный ветер. Искупавшись, мы сохли на берегу. Я сидел на киле перевернутой лодки. Стоян – подо мной, свесив ноги с обрывчика.

Волны набегали одна на другую, «вскипали» на отмелях белой пеной – «барашками».

Мокрая голова Стояна была в тугих смоляных колечках. Моя тоже, только в светлых.

Сзади подошел отец и положил ладони на наши макушки:
– Барашки мои...

А самыми первыми были «барашеньки – крутороженки»...

Как будто нырнул в глубину слова.

ПО МАТЕРИКАМ И ОКЕАНАМ

Маленькое оконце в прошлое. Одно из первых.

Стоян расстилает на полу «Дома у моря» что-то сине-зелено-желтое, похожее на ковер. Потом берет меня под живот как щенка и, наклонившись, опускает на ЭТО.

– Плыви, пират, – хохочет он. – Покоряй материки и океаны.

Позже узнаю: «ЭТО» – карта полушарий.

ЦВЕТЫ МОРЯ

В тот год в Азовское море попало много соленой воды через Керченский пролив, и его внезапно заполнили бесчис-

ленные стайки медуз всех размеров.

Когда я отправился в очередное плавание на папиной спине, он сказал:

–Юлик, сегодня в море много морских цветов. Они прозрачные и нежные.

Не бери их в руки и не делай резких движений, если они к тебе подплывут.

Не пугай их.

Потому я относился к медузам с любопытством и осторожностью, когда наблюдал за их танцами в воде, и с жалостью и сочувствием, если видел, как, выброшенные водой на берег, они лежали на песке бесформенной студенистой массой.

Почти все взрослые и дети брезгливо обходили высыхающие на солнце морские цветы. Были и такие, кто засыпал их песком.

Ну, а я... я неутомимо поливал бедных медуз водой из голубого пластикового ведерка.

Живые ягоды

Я лежал на подстилке, укутанный махровым полотенцем после долгого купания.

Лежал, дрожал и смотрел себе под нос. А там перекатывалась в складках подстилки темная круглая ягодка похожая на маленькую зрелую смородинку.

Ягодка как ягодка. Я отвлекся на минуту, гляжу, а на месте «смородинки»

шевелится коротенькая палочка с ножками и усиками.

Только я коснулся ее пальцем, как она не побежала прочь, а свернулась и стала опять темной бусинкой.

Я подождал, она вновь развернулась и со всех своих ножек бросилась прочь.

Тогда я чуть-чуть присыпал ее песком. Она выбралась. Набрал песок в пригоршню и опять засыпал букашку. Ждал-ждал. Она не показывалась.

Думал – погибла, и стало ее жалко. Только собрался разрыть песчаный холмик – «ягодка» моя опять выползла.

Не раздумывая и уже не жалея, я высыпал на букашку целое ведерко песка. После этого долго лежал неподвижно, уставясь себе под нос, как кот в ожидании мыши. Так долго, что папа, привыкший к моей постоянной возне, как к рокоту прибоя, забеспокоился и оторвался от очередного печатного издания.

–Юлик, с тобой все в порядке? Ты не перемерз?

–Па! Букашка не вылезает!

Отец участливо взъерошил мне волосы и присел рядом.

–Ну, так что там с твоей букашкой?

–Она в ягодку сворачивается, а потом разворачивается в полосочку с ножками и усиками. Я ее засыпал песком...немножко, и она вылезла. А теперь не вылезла. Может она здесь недавно живет и не научилась...

–А ты много песка на нее насыпал?

–Ведроко...

–Ну, значит, долго будет вылезать. Ты заметь время.

–А что это: «заметь время»?

–Не «что», а как. Ты же всем хвастаешься, что научился считать до ста. Вот и найди этому применение. Досчитай до шестидесяти и загни палец. Это будет минута.

Потом отсчитай еще шесть десятков и опять загни палец. И так, пока она не вылезет.

Я принялся считать. Но хватило моего терпения ровно на две минуты. Третью я сократил, пропустив добрый десяток чисел. А на четвертой минуте пришли ребята с черным лохматым псом, и я побежал смотреть, как он плавает.

–Да-а-а, – сказал мне вдогонку папа. – Ламаркист растет.

В мухоловке

Зеленый домик, увитый виноградом, был сколочен из фанеры и оббит рейками, похожими на те палочки, которые я чертил, готовясь к школе. По низу шли прямые планки, а сверху они были набиты в два ряда: один с наклоном влево, а другой с наклоном вправо. Получался узор ромбиками.

Крыша домика снаружи казалась почти круглой и напоминала шапку великана с острым пышаком.

Внутри было сумрачно и душно. У стен стояло три кровати. Совсем как в домике трех медведей: большая, средняя и топчанчик. Только расположились мы на них совсем не так, как в сказке. Папа выбрал себе топчанчик, хотя был выше всех, а мои вещи бросил на большую кровать, которая отозвалась визгливым скрипом.

В дверь заглянул Стоян.

–Э-э-э, – протянул он, протестуяще. – Чего ради прекрасная высокая кровать отдается в собственность этому сопливому богдыханчику?

–Ради всеобщего покоя, «милый друг»! Когда ты будешь валиться на это скрипучее ложе за полночь, то разбудишь не только нас, но и всех окрестных собак.

–И кошек! – вставил я из справедливости.

–Молчи! – цыкнул на меня Стоян. – Но почему бы ни отдать мне топчан?

Он ведь у самых дверей!

–А куда я дену свои ноги? – ответил папа вопросом на вопрос. – Тут хоть упора нет.

–Ну, вот! – проворчал Стоян, швыряя сумку на отведенную ему постель. – У меня даже совещательного голоса нет!

–Говорил же тебе папа не пить холодное молоко, – назидательно сказал я, подпрыгивая на своем скрипучем ложе.

–А-а-а, лукавый царедворец, – делано страшным голосом закричал Стоян и бросился на меня. Кровать заскрипела на все голоса, а я завизжал от восторга.

– Не знаю, кто из вас старше, а точнее сказать – умнее, – проворчал отец, выкладывая на маленький столик в углу наши мыльницы, щетки, дорожный будильник и, конечно же, целую стопку книг.

Внезапно Стоян прекратил тормошить меня и замер в странной позе, как бы отжимаясь от кровати. Голова его была поднята, а глаза испуганно смотрели в одну точку.

Лежа на спине, я покрутил головой и выяснил, что Стоян во все глаза глядит на большого паука, повисшего на тонкой нити перед самым его носом.

–Что ЭТО? – выдохнул он с неподдельным испугом.

–Паук! Не бойся! – я поднял руку и ткнул паука в брюшко. Он живо, как в цирке, стал карабкаться вверх по паутинке. – Тут их много!

Стоян вскочил на ноги и стал озираться.

Во всех углах и щелях крыши сидели и ткали свои сети

пауки.

Коротышки без талии, у которых почему-то было разное количество тонких длинных ножек. Большие пауки с лохматыми лапками и крестиком на спине, и еще много других.

Когда мы кричали, некоторые пауки замирали, а другие спускались вниз чуть ли не на наши головы, как будто хотели послушать концерт поближе к исполнителям. У таких на спине были видны две полосочки.

Тут я заметил, что из центра крыши свисает голубое бревнышко, а от него вбок к стенам тянутся восемь голубых реек.

—Смотри, Стоян! Это домик голубого паука!

И я показал пальцем вверх.

Папа в это время возился с нашими полотенцами и не обращал на нас внимания.

Внезапно Стоян направился к предназначенной ему кровати, схватил сумку и заявил:

—Оставляю свою постель милым восьминогим хозяевам и пойду устраиваться в будку к соседскому Рексу.

Я засмеялся.

До папы, наконец, дошло, сказанное Стояном, и он схватил его у порога.

—Не дури, Стойко! Или комаров с мухами ты любишь больше?

Стоян задержался у двери, задумчиво склонив голову к плечу.

—Ну, если мне будет предоставлен статус неприкосновен-

ности...

–Будет! Будет! – закричал я, совершенно не понимая, чего он хочет. – Папа, папа, скажи, чтобы он остался.

Тут Стоян схватил меня в охапку, и мы устроили «детский крик на лужайке». Папа запихнул пустые сумки под кровать, выпрямился и, зажав уши ладонями, устало произнес:

–Похоже, в будку к Рексу буду проситься я!

(Окончание)

Из века в век...

Отец не любил дней своего рождения. Он просто терпеть их не мог. Я подсмотрел однажды, как он с раздражением заранее вырвал листок календаря с этим числом.

И сколько я себя помню, отец в этот день всегда ловчил и увертывался от официальных поздравлений на кафедре: оставался дома, уезжал в другие институты – одним словом, вел себя, как прогульщик в школе.

А потом придумал.

Сам стал покупать фрукты и сладости и устраивать на кафедре «весенние посиделки». Отмечали одновременно и приход весны, и Восьмое Марта, ну и деликатно поздравляли заведующего с...прошедшим днем рождения. Он у папы второго марта.

Стоян эти праздники очень любил и старался их не пропускать. Объяснял мне, что не может в такой день оставить отца без моральной поддержки.

Отец фыркал:

–«Несмеяновке» ты оказываешь моральную поддержку!

Смотри, придется тебя двадцать пятым кадром лечить!

–А что такое «Несмеяновка»? – наконец спросил я у Стояна после очередной «посиделки».

–Злодейское изобретение академика Несмеянова... – простонал он, заваливаясь спать в детское время и с отвра-

щением глядя, как мы с папой уплетаем его любимый Киевский торт. Отец в гостях и на официальных банкетах почти ничего не ел. Так, пожует какую-нибудь травку и все. Потом дома наверстывает упущенное.

А из чего ее делают? – не отставал я от Стояна.

–Из клюквы, $C_{12} H_{22} O_{11}$ и $C_2 H_5 OH$ при тридцати трех градусах по Цельсию! Ой, голова! У-у-у ! Умолкни!

Роман, может клюква откуда-то не оттуда?

-Оттуда откуда надо! Наклюкался, так терпи!

Раньше в дни папиного рождения я из года в год дарил ему свои рисунки: цветочков, зайчиков, гномов, динозавров и монстров. Именно в такой последовательности. Потом перестал заниматься самодеятельностью и дарил вместе со Стояном то, что тот покупал.

Зайчиков и цветочки отец до сих пор носит в своем бумажнике, а динозавры и монстры куда-то перекочевали, хотя и были встречены им довольно мило.

Когда отцу исполнилось сорок пять лет, в институте решили отметить эту дату торжественно в понедельник третьего марта. Он, разумеется, ничего не знал и благодушеествовал. Да если бы и знал, что бы он мог изменить? Это был день заседаний Ученого Совета, к тому же он был оппонентом на одной из защит.

Аудитория, где заседал Совет, крутым амфитеатром поднималась вверх. И я, пробравшись в нее через боковой вход,

пристроился в последних рядах. Огляделся. Увидел отца далеко внизу. Он стоял ко мне спиной у длинного стола, покрытого зеленым сукном. Теперь я сомневался, хорошо ли мы сделали, храня «пароль», то есть тайну, как говорят поляки. Это же было своего рода предательство. Но теперь поздно было что-либо предпринимать.

Был перерыв перед последней защитой, и Стоян обещал прийти как раз к этому времени. Я весь извертелся, не зная, с какой стороны он войдет и как ему дать знать о себе.

Тут кто-то вызвал отца в коридор. Я с облегчением вздохнул, приподнялся над наклонной столешницей, исписанной, как в школе, всякими глупыми изречениями, и был удостоен лицемерия «выхода на сцену» доктора Дагмарова.

Он появился в проеме центрального входа в обалденном искристо-сером пиджаке, похожем на сюртук. На его смуглой шее мачо был повязан роскошный шелковый платок. За ним семенила тонконогая девица в очках. В руках у нее был букет роз, сильно смахивающий на свадебный.

Ощувив легкий толчок в бок, Стоян круто развернулся, углядел девицу и, пропуская ее вперед, изобразил «воротики». Повернулся спиной к одному косяку, а о другой оперся поднятой рукой. И улыбочку голливудскую воспроизвел. Ошалелая девица прошла вперед, стала оглядываться, что-то там бормотать и наткнулась на стул.

На стуле стоял парень и прикреплял к планкам, которые свисали с потолка, как трапедии, какие-то таблицы. Стоян

подхватил девицу, придержал стул и при этом успел заметить меня. Даже кейсом помахал. Потом поднялся наверх, устроился рядом и оглядел меня от гриндерсов до отвратительного хохолка на макушке.

–Н-да! ДеЦл и Готье в одном флаконе. На выход, Селявка!

–Ты с ума сошел! Перерыв сейчас закончится!

–Ничего, без тебя как-нибудь обойдутся.

И поволок меня в туалет выше этажом.

–Я не хочу !!

–А по шее?! Ну и «прикид»! Снимай рубашку! Воротничок еще разложил!

–Отстань! Я сам знаю, ЧТО прикольно!

–Прикольно?! Отстой это!

Я фыркнул. Такой весь, как VIP-персона, а «чешет» порэпперски. И где только набрался? Я же дома так не разговариваю. Услыхал бы наш диалог отец!

Стоял в это время, воспользовавшись моей минутной слабостью, стянул с меня свитер вместе с рубашкой. Затем отделил одно от другого, и рубашку перебросил через дверь кабинки, запертой на висячий замок.

–Ты соображаешь, что делаешь? – заорал я. – Это моя любимая рубашка!

–Половая тряпка из нее будет еще любимей! – отпарировал мой мучитель.

Я стал подпрыгивать, пытаюсь дотянуться до края двери и как-то перелезть через нее. Рубаха, впрочем, особой любви

не стоила, потому что едва прикрывала мне локти и растеряла половину пуговиц. Но принцип есть принцип. Если она моя, то хозяин ей не Стоян.

Тут кто-то вошел в туалет, и мы ретировались в коридор. Я обогнал Стояна на лестнице и вошел в аудиторию с другой стороны, чтобы быть от него подальше. Но он опять пристроился рядом.

—Слушай! Злиться в такой день...из-за паршивой рубашки... Ты без нее стильно выглядишь. А в ней был лох лохом. Ну не мог я такого допустить!

Я отвернулся.

Он обнял меня за плечи и попытался развернуть к себе.

—Стоян! Убери руки или я уйду!

Мне казалось, что все в аудитории смотрят уже не на обморочно бледную девицу за кафедрой, а на нашу «сладкую парочку».

Впрочем, это мне только показалось. Вскоре стало ясно, что каждый из присутствующих в аудитории существовал сам по себе.

Председатель Совета и дама-секретарь, сидящие за длинным столом, перебирали какие-то бумаги, изредка перешептываясь между собой.

Юная «соискательница» за кафедрой декламировала доклад с отрешенностью обвиняемого, которому предоставили последнее слово, отказав в апелляции.

Она стояла перед аудиторией, как перед расстрельной командой. И, казалось, вот-вот упадет без чувств. Тем неожиданней для меня оказывались ее перебежки от таблиц сбоку доски к экрану над столом, по которому она весьма энергично водила лазерной указкой.

Все ее передвижения снимались на видеокамеру бритоголовым парнем дистрофического телосложения.

Это не нравилось председателю. Иногда он поднимал голову от бумаг и раздраженно смотрел на самодеятельного парадца.

Пожилые дамы в первых рядах просматривали какие-то тоненькие книжицы, то и дело дергались и впиваясь дальнорезкими глазами в таблицы и графики, по которым нервным галопом скакал лазерный огонек указки.

Из того, что говорила юная ученая леди, я не понимал ни слова. То есть, отдельные слова типа предлогов, союзов и междометий до моего сознания доходили. Но между ними было столько странных звукосочетаний, что смысл предложений оставался для меня загадочным. От этого я так затормозился, что чуть не уснул. В конце доклада, правда, на экране появились две больших картофелины, истерзанных какой-то болезнью, и я несколько оживился.

После докладчицы за кафедру встала сухопарая пожилая дама с игриво завязанным шарфиком на тощей шее.

К сожалению, она стала повторять те же непонятные сло-

ва, что и докладчица.

Я откровенно зевнул, закрыл глаза и тут же получил тычок в бок от Стойко. Чтобы не связываться с ним, я передвинулся на соседнее сиденье. И тут заметил, что в аудиторию через боковые двери группами и поодиночке, в халатах и обычной одежде входят новые люди. У многих в руках были цветы.

Если это друзья «соискательницы», как ее все время называл председатель, то почему они пришли так поздно?

Или здесь так принято?

Я приподнялся и поискал глазами отца. Но его нигде не было видно.

– Все дуешься? – неожиданно просипел мне на ухо Стоян. – Дуйся, дуйся! Скоро лопнешь, как «бешеный огурец».

– А ты что безумствуешь? – не остался я в долгу. – С чего это ты вырядился, как на «Кинотавр»? А с меня, можно сказать, последнюю рубашку содрал. Бред какой-то!

Ну, поздравят отца с днем рождения, веник в оборочках преподнесут. Только учти, на кафедру я не пойду и чай пить рядом с виварием не стану. Я уже отсюда вонь эту невыносимую чувствую.

Зачем я здесь нужен? Ты мне по телефону Бог знает что наговорил! Я думал отцу нужно срочно документы какие-то привезти или отвезти. А Коля сказал, ничего такого не требуется, иди и просто сиди в аудитории. Так что давай раскалывайся, что тут затевается. Или я сейчас же уйду домой

подальше от этой сучищи!

–Факультет устраивает Роману сюрприз, настоящее официальное чествование. Постигаешь? Папаша твой тоже хорош! Он на прошлой неделе звание «заслуженного профессора» получил...в отдельно взятом институте. Университете то есть теперь. И скрыл от нас. Скромный такой герой «в футболке и кепке»!

–В чем, в чем? Это ты про мэра стишки декламируешь?

–Умолкни, невежда!

–Это ты говори тише. На нас уже оглядываются.

Я здорово злился на Стояна из-за рубашки и меня заносило.

–Может выйдем и объяснимся, юный наглец? Или я прямо здесь голову тебе откручу.

–То же мне Бессмертный! – фыркнул я.

Но тут Стоян положил свою тяжелую руку мне на шею, и я, как ни сопротивлялся, едва не ткнулся носом в столешницу.

Когда мне удалось, наконец, выпрямиться, я увидел, что за кафедрой стоит отец.

В аудитории все зашелестело, задвигалось. Председатель, который в начале заседания повесил на спинку стула пиджак из модной «мятой» ткани, стал натягивать его, не отрывая взгляда от бумаг, которые подсунула ему секретарь. Потом он поднял голову и строго сказал:

–Прошу тишины!

Отец, которому кафедра оказалась чуть выше пояса, дождался, когда стало совсем тихо, и сказал, не повышая голоса:

—Официальный отзыв, составленный по общепринятой форме, я передал секретарю. А поговорить мне хотелось бы о том, что мне понравилось в этой диссертации и что выгодно отличает ее от многих других. В том числе и о корректности выводов.

Вот, собственно и все, что я могу пересказать близко к тексту. Потом он что-то говорил о современных методах и вдруг издал странный такой звук... из мира животных. Ну, как будто мяукнул:

—...подтвердились МЯУР (или ЯМУР)...

И еще какое-то слово сказал. Мне показалось «спектр».

Я испугался, что он оговорился, и все сейчас рассмеются. Огляделся. Лица вокруг серьезные, даже у Стояна.

Потом отец заговорил, как и все перед ним, на своем научном тарабарском языке, изредка испуская нечто вроде туземного клича: «тей-хо» или «эй-хо».

Я слушал-слушал и отвлекся, а когда опять взглянул на кафедру, отец за ней уже не стоял. А голос его доносился с другой стороны аудитории. Я приподнялся и увидел, что отец стоит внизу у первого ряда и целует руку невысокой темноволосой женщине.

И опять я, как в незнакомой стране «без языка». По интонации понимаю, что отец говорит что-то приятное и ост-

роумное, и на его слова многие реагируют аплодисментами. А что он говорит – для меня загадка. Только и внедрилось в сознание сказанное «на общем языке», как в «Патруле времени», нечто об «изящных формах рукоВОДИТЕЛЬСТВА». Председатель, улыбаясь, поправил:

–«Руководства», Роман Ильич.

Но папа оглянулся, не выпуская из ладони маленькую женскую ручку, и ответил:

–«...водительства», Александр Иванович, «...водительства», я настаиваю. Хотя в предложенной ситуации этот эпитет применим как к действию, так и к персоне.

Послышались одобрительные возгласы.

–Я хотел бы еще раз обратить внимание присутствующих коллег на то, что даже даровитого молодого ученого, – тут отец развернулся и элегантно поклонился «соискательнице ученой степени», которая сразу же зарделась как тепличный помидор, – приходится в буквальном смысле за руку вводить в свой коллектив, одержимый определенной идеей.

И вести к успеху ...гм... «через тернии», если будет угодно. Срок короткий. Искушений много. И нужно двигаться рука об руку, ограждая от небрежной работы, скоропалительных выводов и, что очень нелегко, не выставляя напоказ своей собственной яркой творческой индивидуальности.

Все зашумели, раздалось даже несколько хлопков.

–Все? – спросил я у Стояна.– Сколько еще нам здесь тор-

чать? Я уже одурел от всей этой зауми.

–Терпи. Сейчас Совет голосовать будет. Счетная комиссия результат объявит... А потом...

–Что потом? Отца здесь поздравлять будут или на кафедре? Если на кафедре, то какая от меня здесь польза?

–Ты бесполезен независимо от места и времени. Так что сиди и помалкивай среди умных людей.

–Скажи еще, что сам разбираешься в том, о чем здесь говорят.

–Представь – да.

–Тогда скажи, почему отец такие странные звуки издавал: «ЯМР, ЯЭМР» и еще «ТЭЙХУ» «ТЭЙХУРА».

–ЯМР-спектр, юный Свиньин, – это что-то вроде рентгена для молекул. А теихоевые кислоты могут быть маркерами для систематиков. Подробнее Роман расскажет, если, конечно, захочет тратить впустую свое драгоценное время.

–А при чем здесь картошка?

–Ты хочешь, чтобы я тебе рот варешкой заткнул?

–Ты их не носишь!

–Я не пожалею, носок сниму...твой!

На нас стали оглядываться.

Тут я заметил, что председатель уже поздравляет «тарабарскую принцессу» со званием кандидата наук, и она после какого-то благодарного бляения покидает аудиторию с охапкой цветов и в окружении десятка двух коллег.

–Нам что, тоже выйти? – спросил я Стояна.

Но тут председатель поднял руку и громко сказал:

–Роман Ильич, прошу занять место рядом со мной, а всех остальных соблюдать тишину.

Несколько растерянный отец долго усаживался за стол, не зная, куда пристроить свои длинные ноги.

В аудитории в это время происходило какое-то странное перемещение публики. Как во время спортивных праздников, когда готовится выступить массовка со всякими там флажками или щитками.

Когда отец, наконец, уселся, а в аудитории установилась относительная тишина, председатель объявил:

–Я рад сообщить, что Роману Ильичу Мещерскому, которому вчера исполнилось сорок пять лет, восемь из которых он является заведующим кафедрой, присвоено звание заслуженного профессора. Разрешите от имени ...

Но закончить ему не дали, потому что «массовка» встала, подняла вверх цветы и заорала:

–По-здра-вля-ем Ро-ма-на Иль-и-ча! Ура-а-а-а!

Председатель пытался что-то сказать, размахивал какой-то папкой и, очевидно, призывал всех к спокойствию. Но не тут-то было! Почти все ринулись вниз и попытались сунуть в руки ошалевшего от неожиданности отца или хотя бы уложить на зеленое сукно стола целые снопы разнообразных представителей цветковой флоры.

Довольный Стоян сидел, откинувшись на спинку сиденья

и скрестив руки на груди.

–Гляди, отрок, приблизительно так приветствовали фараонов перед бальзамированием...или после?

–Сплюнь через плечо! Ты соображаешь, что говоришь?! Тебе надо в пато...анато...ну, не с живыми людьми работать!

–Научись прежде умные слова выговаривать, нахал суеверный.

Председатель Ученого Совета в это время уговаривал всех отойти от стола:

–Ну, нельзя же так всем сразу! И посуду найдите, куда цветы ставить. Это же просто неприлично!

Какие-то доброхоты уже тащили в аудиторию здоровенные фаянсовые кружки с носиками литра на два, стеклянные колбы, а один чудак приволок аквариум.

Потом Председатель дуэтом с дамой-секретарем призвали всех занять свои места в аудитории и соблюдать тишину.

Бледный отец слегка сполз под стол и стал в верхней части туловища почти такого же размера, как нормальные люди среднего роста.

–Итак, – объявил Председатель. – Я зачитаю официальный поздравительный адрес от нашего факультета.

–«Щас» прочтет, что Александр Петрович написал, – прокомментировал Стоян. – Если не подавится.

–Почему вдруг он должен подавиться? – удивился я.

–Потому что ЭТОМУ красавцу такого не писали и не пишут.

Но тут Стоян ошибся. Председатель очень выразительно все прочитал. И выглядел он очень даже неплохо. Приблизительно одного с папой возраста, модная короткая стрижка, легкая седина на висках. И одет стильно. В оранжевой рубашке и галстук оранжевый с черным. По-моему, именно из-за этого он Стояну и не понравился. Стойко думал, наверное, что один здесь будет «впереди планеты всей», а остальные явятся в черных пиджаках середины прошлого века и в порыжевших от домашних стирок белых рубашках с пуговицами на манжетах. Хотя, надо признаться, в первых рядах и такие старички сидели.

А Председатель в это время пел отцу дифирамбы и декларировал пожелания.

«...покорены Вашей человечностью, истинной интеллигентностью, глубоким умом..»– доносилось до меня.

«Пусть Вас радуют не только неизбывный интерес к кристаллизации идей на экране монитора, но и уют семейных вечеров ...». В этом месте Стоян явственно хрюкнул, и я постарался отодвинуться от него подальше.

Потом предполагалось, что папу должны были приводить в умиление «римские палаццо, палермский капуччино, лондонские туманы и...хельсинская брусчатка...»

Пожелания студентам вообще отдавали чистой утопией. Им предлагалось любить папины лекции больше каникул, сдавать экзамены с первого раза, радуя любимого преподавателя «полученными знаниями и благодарными взглядами».

А на несчастных сотрудников возлагались обязанности приводить в восторг своего заведующего животворными идеями, работоспособностью, энергией и благородством.

Отец, выслушав этот поздравительный коктейль, вылез из-за стола, едва не опрокинув его со всеми букетами, склянками и бумагами, которая дама-секретарь пыталась спасти, прижимая их к зеленому сукну своей крутой грудью. Я постарался не смотреть на этот ужас, опустив голову на согнутые в локтях руки и закрыв глаза.

– Ты что изображаешь здесь дохлого куренка?! – возмущенно зашипел Стоян. – Не каждому дано услышать такой панегирик в честь собственного отца при его жизни! Впрочем, об этом еще рано... гм. До понедельника мы, кажется, дотянули. Дожить бы теперь до вторника... А ты слушай давай!

Я ткнул его локтем в бок, но ответной реакции не последовало.

Хорошенькое дело «слушай»!

Что я – враг отцу своему!

Может кто-то от такого поздравления просто таял бы, как мороженое на сковородке. Но для папы вот так сидеть в президиуме – это же инквизиторская пытка вроде «испанских

сапог» или пыточного кресла с гвоздями.

Зато Стоян в таких случаях вполне оправдал бы свое имя.

Он очень стойкий, и похвалой его с ног не собьешь. Если папа скажет ему «ну, ты, Стойко, молодец», он долго будет за ним ходить и, как бы в шутку, просить:

–Рома, скажи, скажи еще раз, какой я молодец!

Шутить то он как будто бы шутит, но в глубине души, я уверен, мурлычет от удовольствия, как кот, которого за ухом чешут.

Я думал после чтения этого ужасного адреса и папиной ответной речи все окончится. Но не тут то было. Отца стали поздравлять от своего имени отдельные личности!

Стоян веселился во всю.

–Слушай! На следующем празднестве нужно предложить потенциальным поздравителям объединяться в хоровые коллективы. Секс... теты, например. Ты заметил, какие здесь волосистые дамы!

–Стоян!!!

–Ну, что ты разволновался? Я же не «Про это». Просто сократится время, отведенное на официальную часть.

Роман меньше мучиться будет.

Я вскочил и сделал попытку уйти, но с одной стороны наш ряд упирался в высокий бортик, а с другой Стойко затыкал его как пробка. Пришлось сесть.

Тут все почему-то притихли.

В первом ряду встал худой сутулый человек с гривой

длинных седых волос, откашлялся, как-то по особому, царственно что ли, вскинул голову и начал говорить:

–Заслуженный профессор...гм... в отдельном, так скажем, научном подразделении...гм...это что-то новое. Напоминает «коммунизм в отдельно взятой стране».

Сорока пятилетие тоже...гм...не юбилей. До него нужно еще прожить 5 лет...

В аудитории послышался тихий ропот.

-Я имею ввиду СВОЙ преклонный возраст, господа.

Старик медленно повернулся и оглядел присутствующих. У него было узкое треугольное лицо.

Верхом на длинном птичьем носу сидели очки, смахивающие на пенсне.

-Но я рад присутствовать, как говорится, здесь и сейчас.

После этого он принял прежнюю позу и продолжил свою речь, предварив ее легким поклоном в сторону отца.

–Роман Ильич! Я помню вас подростком рядом с вашим отцом, выдающимся российским эпидемиологом Ильей Платоновичем Мещерским, потом своим студентом. И, надо отметить, вы доставляли мне много хлопот, хотя об этом не догадывались. Я впервые стоял за преподавательской ка-

федрой, а вы задавали мне слишком много вопросов. Иногда, скажу по правде, я радовался, если вы не приходили на занятия. Однако, ваши вопросы не давали мне скользить по поверхности своего предмета. Теперь могу признаться, что уже тогда мы учились друг у друга.

Даже тема моей будущей докторской диссертации определилась в дискуссиях с вами.

Вначале я испытывал некоторую неловкость. Ведь вам было восемнадцать. Но Вы так быстро мужали, что лет через пять я считал вас просто талантливым коллегой, и неловкость в отношениях исчезла.

Мы не стали близкими друзьями, но, надеюсь, наши беседы были интересны и не бесполезны для нас обоих.

Вы стали заведовать кафедрой после кончины большого ученого. И я рад отметить, что, объединив ее сотрудников новыми идеями, вы сохранили в ее стенах едва ли не самое важное для их развития – удивительный климат нравственного благородства.

Говорят, у вас есть взрослый сын, похожий на вас внешне. Хотелось бы, конечно, чтобы сходством с вами был отмечен и его внутренний мир. Я о такой странной теперь нравственной категории, как высота духа и порядочность, разумеется.

Извините, я разболтался.

Итак, Роман Ильич, мои поздравления вам и вашей кафедре!

Все заплодировали, а на галерке вдруг нестройными го-

лосами запели «Гаудеамус».

Это было уж слишком. Даже для Стояна.

-О-о-о!— воскликнул он и стал тащить меня в направлении выхода. — Они сейчас еще «Оду к радости» грянут и зайдутся в экстазе, как после «экстази»! А я, как в клинику перешел, навыки «Скорой» вчистую утратил. Разве что клизму смогу поставить.

—Стоян! Мы куда, к отцу в кабинет?

Я там задохнусь!

—Только попробуй! Я тебе крысиным кронцангом нос зажму!

Надо сказать, комната, где работал папа, только называлась его кабинетом. Туда еще три стола были втиснуты: для Александра Петровича, Коли и очередного аспиранта. А в углу, справа от двери, находился небольшой вытяжной шкаф, где почти всегда стояла клетка с крысами.

На каждом столе по компьютеру. На Колином заставка: отец в образе Гэндальфа. Но монитор так стоял, что папе картинка не видна.

На стенах и навесных полках, забитых книгами и всяческими папками, висели смешные картинки и бумажки с забавными надписями. Чем только они не крепятся: и скотчем, и кнопками, и пластырем, и даже жвачкой.

Над столом аспирантки висела страничка из допотопной детской книжки со стихами: «Тише, Танечка, не плачь!».

И пословица с типографской ошибкой: «Семь раз отрежь – один отмерь».

Рядом с Колей – метровый плакат: «Не лей воду в воду, а лей кислоту в кислоту». И Масяня с Хрюнделем во всех видах.

У Александра Петровича на столе под стеклом лежали картинки из «Алисы» Кэрролла и черно-белые гравюры с изображением часов: водяных, песочных, солнечных. Это потому что изучение парадоксов и искривлений времени его хобби. Однажды он участвовал в передаче Сергея Капицы на ТВ, которая осложнилась искажением представления о моем отце у нашей новой биологички. Не знаю, что там ей послышалось, но она решила, что Александр Петрович и есть профессор Мещерский, то есть мой отец. И нашла, представьте, что я на него похож. Иногда я чувствую себя просто хамелеоном.

Рядом со Стояном я кажусь похожим на него. Сотрудники отца считают, что я копия их заведующего. Более того, мой любимый учитель Вячеслав Борисович («Айболит») очень похож на Пьера Ришара. Так некоторым в школе кажется, что у меня и с ним много общего. Во внешности, я имею ввиду. Просто человек без собственного лица! А тут еще некоторые престарелые алхимики хотели бы видеть меня вообще папиным «клоном». После таких откровений хочется пирсингом заняться, выкрасить волосы в цвета попугая Ара и смыться на остров Окуси, где приобрести собственное ту-

земное имя Кривая пятка.

Кстати, я забыл сказать, что самый скучный стол у моего отца. Книжки – стопочками, ксероксы – стопочками, ежедневник – слева, чистая бумага – справа. И пособие ужасное на стене: человек с содранной кожей. Все артерии, вены и прочие сосуды цифрами помечены. А внизу на латыни столбиком написано что есть что.

Официальное название у папиной кафедры такое витиеватое, что его, если ты не «ботаник», то не выговоришь. «Ферментные системы, неферментные, защитные...». А если попросту, то сами же сотрудники называют ее «кафедрой Кудрявцева» и занимаются на ней проблемами крови. Стоян любит спрашивать у отца:

–Ну, и что нового у твоих вампиров? Много они из тебя крови выпили?

На что отец раздраженно отвечает:

–Не беспокойся, я быстро восстанавливаюсь, так что для вас с Юркой хватит!

Ну, это все присказка, а сказка началась с того, что в кабинет с вонючими крысами мы, слава Богу, не пошли, потому что неофициальная часть должна была проходить в обычной лекционной аудитории. Я сразу же собрался улизнуть, потому что там было множество незнакомых людей, которые расставляли на празднично накрытых столах, составленных четырехугольником, пустые тарелки и всяческую празднич-

ную снедь.

Никто, естественно, не обратил на меня внимания, и я спокойно направился к выходу, но железная рука Стояна толкнула меня обратно. Единственное, что мне удалось сделать по собственному желанию – это забиться в дальний угол.

Минут через двадцать появился отец в окружении целой толпы коллег. Он рассеянно окинул аудиторию взглядом, но я в его сознании явно не запечатлелся. Стоян моментально очутился рядом с папой и окружил себя целым выводком молодых девиц.

Моей соседкой оказалась очень приветливая и о-о-очень любознательная дама. На все ее вопросы я отвечал весьма невразумительно. Однако она все же выяснила, как меня зовут. Что же касается Стояна, то, кем он мне приходится, дама так и не разобралась. А на вопрос, где он работает, получила дебильный ответ: «Где-то в медицине...»

После этого она перестала меня допрашивать и принялась уже безо всяких разговоров заполнять мою тарелку разнообразными продуктами питания.

Я отбивался, как мог, и из-за этого пропустил, как папе что-то дарили и он на это реагировал.

Очень скоро я почувствовал себя лишним на этом «празднике жизни» и окончательно решил исчезнуть. Но в это время входные двери пробкой заткнули какие-то организован-

но орущие люди.

Отец повернулся в их сторону, встал, брови его поднялись, рот раскрылся для улыбки, а руки для объятий:

–Ребята! Вы?!

–Мы, Ромас, мы! Почти вся третья группа. Даже Ваську вытащили из Владивостока! Вместе с неводом, неведомой в столице рыбкой и «тиной морской» в виде монографии.

«Васька» оказался огромным рыжим человеком. Пониже отца, но раза в два шире. В руках он держал зачехленную гитару.

Заводилой, впрочем, был не он, а очень подвижный невысокий кучерявый человек. Если бы не седина в волосах и резкие складки от носа к пухлым губам, я принял бы его за «тина».

–Внимание, господа! – сказал он, когда все его спутники перецеловались с отцом, и их рассадили за столом.

–Эта братва – наш боевой экипаж, третья академическая группа.

До распределения по кафедрам мы всегда были вместе: картошка, Биостанция на Белом море и все такое. Ромка был такой же бузотер, как все, «заслуженным профессором» от него еще не пахло.

–Сосиской копченой от него попахивало, – засмеялся кто-то из женской составляющей папиной группы. – Он сосиски нас научил над костром жарить. На «тычке», прутике таком

заостренном.

– Да, да. Это еще в прозвище пытались как-то обыграть, но не получилось. Вообще, с этим долго никак не получалось. С прозвищем я имею в виду. Имя такое, что сразу на цитату из «Онегина» тянет, а из фамилии получалась кличка какая-то уголовная – «Мещера»! – это сказал кучерявый папин сокурсник, профессор Чепуров.

– Ми-и нуточку! – вдруг раздался голос того старика, который был знаком с моим дедом. – Мещерские – княжеский род, а «мещера» – тюрконизированные финские племена, молодой человек.

– Sorry! Sorry! – высокочтимый оппонент, мы этого не знали, к сожалению, до последней минуты. Но выход из положения все-таки нашли. К нему из Вильнюса знакомый приехал и спрашивает: «Как мне найти Ромаса Мещерского?»

Вот потому для нас он «Ромас». А Ромас, копченая сосиска и гитара у костра – это было так же естественно, как «ромале» с шатрами и кибитками.

Гитару он, правда, носить собой отказывался из-за ложной скромности.

Тогда мы купили гитару в складчину и таскал ее безо всякого стеснения Василий Михайлович Боровских, по нашему «Боровик».

– Господи! – воскликнула моя соседка. – Это же извест-

ный альголог! У него прекрасная монография по водорослям Охотского моря!

—А теперь, — продолжал отцовский однокурсник, — когда мы узнали, что в сорок пять молодых лет ты, Ромас, дошел до жизни такой, что на тебя тут коллективные моления устраивают, мы решили привезти тебе «мертвой» и «живой» водички, чтобы в чувство привести.

Тут двое из пришедших — высокая смешливая женщина со стрижкой под Хакамаду и важный лысоватый коротышка в каких-то телескопических очках — поднесли отцу на маленьких подносах две затейливые кофейные чашечки без ручек с какими-то напитками.

—А что после этого произойдет — сами увидите, — заключил свою речь самозванный тамада.

Все притихли.

—Интересно, что в них может быть? И почему такой маленький объем? — прошептала моя любознательная соседка. — Не чашки, а тигли какие-то. Миллилитров на двадцать, не больше.

Отец торжественно выпил все, что ему предложили и ... засмеялся. Вот уж не представлял, что отец может беззаботно смеяться ... в такой обстановке. Края губ у него стали белыми. Так вот он вытер их не платком, а тыльной стороной ладони, за что обычно доставалось и мне, и Стояну.

—Скорее всего это похоже на молочный ликер и молоко... — задумчиво сказала моя соседка.

В это время знаменитый рыжий и толстый ученый Боровских расчехлил гитару и вручил ее папе.

–Давай, Ромка! На этой гитаре, кроме тебя, никто не играл. Я зачехлил ее двенадцать лет назад...

Отец, конечно, не сразу стал играть. И какое-то время, пока отец осматривал гитару, подкручивал колки, почти прислоняясь ухом к струнам, все в комнате перекликались с пришедшими, потому что многие давно знали друг друга, только долго не виделись.

Потом отец снял пиджак, галстук (!), воротник на рубашке расстегнул и взял несколько аккордов.

Все притихли.

–Ребята, с чего начнем?

–«Бригантину» давайте!

–Нет! Эту..эту... «кто любит, тот любим»! Господи, начало забыла! И название! Андрюша! Чепуров!

Вспомни:

«Волк, исполненный очей»

Тот, к кому обращались, просьбы не расслышал, но другой начал напевать:

–«Под небом голубым...»

Несколько голосов поправили его:

–«Над небом...над небом» – это же райский сад!

–Нет, давайте «Подари мне Анри Руссо треугольное колесо...»

...А что тогда от «молодого Пикассо»?

—Не помню, не помню, но точно знаю: «раму мне одолжи Сера...»

И тут многие закричали хором:

—«остальное лежит в сара-Е!»

Наконец папа запел. У него был глубокий мягкий и выразительный баритон. И очень точный голос. И пел он все, что его просили. Правда, в его исполнении слышны были только первые строчки каждой песни. Потом ее подхватывали другие, и отцовский баритон сразу же терялся в этом нестройном хоре. Но потом он как бы выныривал на поверхность и вел за собой остальные голоса.

Изю всех песен я узнавал только те, что пел Булат Окуджава и пару шлягеров Макаревича. Это благодаря Стойко.

Наконец папа окончил петь и прислонил гитару к стене.

Тут все опять зашумели и стали вспоминать всякие забавные истории из студенческой жизни. Большинству они были понятны и интересны, а мне, по правде сказать, стало скучновато. Понравился только рассказ Чепурова, как они с отцом решили проверить, «чего стоят как мужики». Сдали все экзамены досрочно и отправились с геологами на Дальний Восток в такие места, где даже аэрофотосъемок не делали. Надо же! Тогда отцу было лет на пять больше, чем нам с Борькой. Разница, конечно, приличная, но я сейчас двадцать килограмм километр протащу и сдуюсь, а отец по сорок сутками таскал.

У нас в старом альбоме есть несколько снимков, где отец

в накомарнике с поднятой сеткой стоит, голову запрокинул и изо мха воду в рот выдавливает. Еще есть фотография медвежьей лапы, рядом с которой лежит геологический молоток. Я думал, это снималось во время обычной студенческой практики и не относился к фотографиям серьезно. А теперь мне было очень интересно слушать, как Чепуров рассказывал об экспедиции. Обидно только, что не от отца я это узнаю.

Оказывается, вертолет с геологами в ущелье рухнул, их долго найти не могли, и они еле живы остались. Голодали. Потом отец оленя застрелил, а донести до лагеря не мог, сил не было. Тогда его напарник – бывший заключенный Феликс – вырезал у оленя кусок печени, нашпиговал жиром и сказал: «Ешь, нас ждут!» Папа съел. Без соли! Сырую! После этого они тушу разрубили на части и полдня тащили к лагерю.

–После этой экспедиции я на геологический перевелся. Не мог без «поля», – закончил рассказ Чепуров. – Ну а Роман у нас универсал: он и в кабинете не заблудится, и в «поле» не пропадет!

Все рассмеялись, а потом притихли.

-Тихий ангел пролетел... – прошептала моя соседка.

–Теперь, после «Фонарей» этих «разбитых», говорят : «Мент родился», – поправил ее кто-то рядом.

И вдруг кто-то сказал:

–Давайте помянем Олега.

Этого человека знали, очевидно, только в папиной группе, потому что даже Коля и Александр Петрович, которые рассылали приглашения всем, кто работал или был знаком с папой, ничего о нем не слышали.

Коля сразу забеспокоился и стал спрашивать:

–Вы о ком? Разве в вашей группе был Олег?

–По большому счету – был. Его с нами Ромкин литовский друг познакомил. Скульптор это. Олег Борисович .

–Он был не только скульптором. Там правильно под крестом написали: «скульптор, поэт, музыкант...»

–А ему могло не понравиться. Мог почудиться намек на дилетантство: «и швец, и жнец, и на дуде игрец...»

–Ну, это если бы при жизни. А мне безумно жаль, что так мало людей слышало его песни.

–Все! Довольно! – вдруг как-то очень нервно сказала та, что была похожа на Хакамаду.– Сегодня не тризна по Олегу. Сегодня Ромкин день рождения. А, вообще, мне кажется, Олег любил Романа больше всех.

–А ведь они и родились в один день, вы не забыли?

–Ну да! Ну да! Мы же однажды отмечали их дни рождения в мастерской на Маросейке! Вошли в подвал, открыли дверь и замерли. Темнотища, а где-то вдалеке что-то белое, сияющее. Втянулись внутрь и застыли, как перед видением. Маргарита летит над Арбатом на бал к Воланду. Волосы у нее ветлами развеваются, и глаза колдовские...

А Олег рядом стоит со свечой в руке. Потом он пошел нам навстречу, обогнул станок, и Маргарита вдруг тенью за ним по стене заскользила.

Мы молчим...

—А «Мальчик со скрипкой» уже был?

—Был ...был...и «Суд иегемона».

—А как мы там помещались в том подвале? В большой комнате сплошные станки и работы, а маленькая узкая, как пенал.

—Все помещались, вся группа! А я даже спал один раз на кушеточке из ящиков под солдатской шинелью.

—И не ты один, — добавил кто-то ревниво.

—А помнишь, как он всех обнимал? Просто вбирал в себя.

И все чувствовали себя так свободно. Никто не стеснялся: и пели, и стихи какие-то свои читали. И он искренне всеми восхищался.

—Ребята! Ребята! Сегодня Ромкин день. Ближе к делу! Здорово мы все-таки тебя подловили, Мещерский! Премудрый ты наш пескарь.

—Да, — засмеялся отец, — наживку я взял славно.

Потом встрепенулся.

—Послушайте, у нас свечи найдутся?

—Да, свечи! Свечи! — заговорили все разом.— Неужели забыли?

—Не забыли! — с досадой сказал профессор Боровских. —

Ну что вы галдеж подняли! Чашки Петри давайте.

–Все помнят «Тени при свечах»? – спросил отец и опять взял в руки отложенную было гитару.

–Помним! Начинай, а мы поддержим.

Отец подтянул какие-то струны, посидел немного в тишине и чуть ли не шепотом запел:

«Шумный вечер затихает,
Шепчет ночь: «Молчи, молчи!»
Время медленно сгорает
В тонком пламени свечи.»

Тут вернулась на свое место моя соседка, которая ненадолго исчезала. Она принесла с собой тонкую книжечку. Я посмотрел на ее затрепанную обложку и понял, что такая книга всегда лежит у отца в кабинете на столе.

–Хочешь посмотреть? Это буклет с работами того скульптора, о котором говорили. Тут и стихи есть. Вот то, что поют.

«Свет живой – моя отрада
В пору холода и тьмы,
Пусть хоть тени наши рядом,
Если даже порознь мы.»

Я с детства помнил все картинки в этом буклете. И теперь, наконец, связал в своем сознании «Мальчика со скрипкой» и

«Маргариту», о которой тут говорили, с этими картинками. Там еще «Кобзарь» был, «Шевченко» и моя любимая «Голубая фигуристка», хрупкая девочка на коньках. На стихи я внимания не обращал.

«Вот огонь пришел в смятенье
Вот уже почти погас,
Исчезают наши тени,
Будто разлучая нас!»

Отцу многие подпевали.

«Тают свечи, тают свечи!
Погружают в сумрак дом,
Так давай для нашей встречи
Свечи новые зажжем.»

Свет в аудитории погасили. Живой огонь свечей выхватывал из темноты отдельные лица. И среди них было папино.

До этого года я знал своего отца застегнутым на все пуговицы и несокрушимым духом. Потом понял, что бывают минуты, когда он становится беззащитным и сам нуждается в помощи. Я всегда удивлялся, зачем он так часто напоминает мне о маме? Хочет, чтобы я хоть что-нибудь вспомнил он ней сам, а не только по его рассказам?

Потом понял, что все его «ты помнишь маму?», «ты помнишь хотя бы что-нибудь?» не для меня он говорит, а

каждый раз перед мамой оправдывается, что случайно жив остался. Дескать, я твое место в жизни сына не занимаю.

А если занимает? Мне никого, кроме него, не надо. Но если уж так случилось, что толку каждый раз напоминать, что я кто-то вроде инвалида детства! Слава Богу, я уже не ребенок, мог бы мне отец и об этих друзьях своих рассказать, и о тайге, и о скульпторе.

Вдруг рядом со мной появилась взлохмаченная голова Стояна.

—Эй, корнишон, ты что загрустил? Этим завидуешь забуревшим? Так они уже на семена пошли, им только и осталось, что вспоминать, как они в одной банке толкались.

А ты еще меньше цветочка, и все твои воспоминания впереди. А пупырчатый?

Он присел рядом. И тут я впервые обратил внимание на то, что в комнате появились пустые места.

—Ты вот что, Юрчик-огурчик, если захочешь уйти пораньше, то уходи, только сбрось мне «эсэмэску», как добрался. Ладно? А я с Романом до конца побуду, подстрахую. Пусть хоть сегодня «с расстегнутым воротом» побудет. А то вечно душа в бронезилете.

Я кивнул, опасливо озираясь на соседку. Но она, к счастью, шепталась с кем-то справа от себя.

Стоян ушел, а я стал ожидать удобного момента, чтобы

улизнуть домой. Хотелось поскорее выйти на улицу и наглотаться холодного влажного ветра, который уже начинал пахнуть горькими ивовыми почками. И было мне грустно и одиноко.

Через пару месяцев Боб уйдет в свой колледж, Левка – в школу с экономическим уклоном. А я еще два года буду высиживать за школьным столом, получая в четверти пару-другую нестабильных пятерок по гуманитарным предметам и кучу стабильных троек по всем остальным.

И что нас тогда будет объединять, «друзей детства»? Пиво, «сеть», сигареты, дискотеки и 103,7 Fm «Максимум»?

С девицами своими они меня уже не знакомят. Стесняются. Меня. А я прячу от них Маркеса и Куэлью. Последнего я, правда, и от отца прячу, потому что он говорит: "Это слишком банально".

Борька, друг мой закадычный, все чаще заявляет мне:

–Пора уже думать, как деньги станешь зарабатывать, а ты все с детками в хоре поешь и сказочки свои пишешь.

Не вечный же твой батька, ученые мужики сейчас долго не живут. Мой вот и то на пенсию по инвалидности уходит. На его пособие я «Пепси» не выберу.

Но ведь и я постоянно стал думать об этом ужасе...что все не вечные. И с каждым человеком уйдет его вселенная. Когда я... уйду, кто узнает, что Богородица на иконе смотрела глазами моей мамы, что однажды в Меатиде всем на удивление расцвели на заре заморские ночные цветы и впер-

вые встретились с солнцем, и что мой папа – заслуженный профессор Мещерский – умывал меня по дедовскому обычаю через дверную ручку, чтобы не мучили меня в детстве ночные кошмары. И про Илью не узнают, который вырезал мне в Меатиде шкатулку из старинного корабельного бруса, выброшенного в шторм на Азовский берег. И как я тайно был влюблен в историчку «Золушку», ученицу милого моему сердцу «Айболита»-Вячеслава Николаевича. И в безвозвратном прошлом останется наше со Стояном примирение, когда он все-таки принес мне стакан воды.

И Дана... Кто вспомнит о Дане и ее маме, похожих на чудных перелетных птиц?

Моя кухня Марго говорит, что это гордыня.

Но ведь я хочу, чтобы не обо мне помнили, а о том, кого я любил и чему был свидетель. Впрочем, это тоже, вероятно, нескромно и эгоистично...

Наверное, правду говорил мой любимый учитель Вячеслав Николаевич, когда мы распивали с ним чай в его «гнездышке» на складе школьных древностей однорукого завхоза по прозвищу «Сильвер».

–Эх, милый, два излома времени сложились в твоей судьбе, как пик Анапуры. Переходный возраст и миллениум.

Кто-то шагнет в двадцать первый век, как через порог переступит, а кто-то на себе все двадцать тащить будет с осмыслением своего собственного, да еще и общечеловеческого нравственного опыта.

Копаться в себе будет мучительно, пугаться своего несовершенства, et cetera. Только поверь мне, это не худший из вариантов...не худший.

Я сержусь, когда Стоян называет меня " пятилапым щенком в невесомости". Со "щенком" я, разумеется, не согласен, но то что векторы пространства и времени в моем сознании утратили нормальную ориентацию – это точно.

–Я не дождусь, когда ты начнешь таскать мой крем для бритья и на карманные деньги вместо мороженого приобретешь мужской дезодорант! Ну что ты все тянешься за шариком детства своего и качаешься на твердой почве настоящего, как клоун на пуантах?!!! "Мальчик плачет, а шарик летит".

–"Девочка", – машинально поправляю я.

–Что значит "девочка"? – вскидывается доктор Дагмаров.

–У Окуджавы – "девочка плачет".

–А-а-а, – печально тянет Стоян. – Так то у Окуджавы...

У нас мальчик..

* Олег Борисович – скульптор Олег Борисович Шарков (1943 -1993)